

В популярной книге известного исследователя агиографии, профессора Евгения Никольского, повествуется о том, как европейские народы, проживавшие за пределами Римской империи, приняли христианство. Особое внимание уделяется персоналиям, то есть тем святым, которые наиболее активно способствовали тому, чтобы Европа стала христианской.

Благовестники Европы

Евгений Никольский

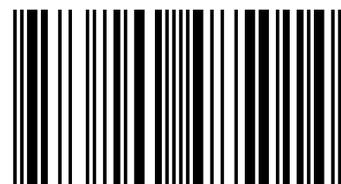
Благовестники Европы

Распространение христианства в I- XI веках

Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук, доктор богословских наук, профессор, преподает историю церкви и теологию в Ужгородской украинской богословской академии.

FOR AUTHOR USE

978-620-0-48501-4

Никольский

LAP **LAMBERT**
Academic Publishing

Евгений Никольский
Благовестники Европы

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Евгений Никольский

Благовестники Европы

Распространение христианства в I- XI веках

FOR AUTHOR USE ONLY

LAP LAMBERT Academic Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-0-48501-4

Copyright © Евгений Никольский

Copyright © 2020 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

FOR AUTHOR USE ONLY

Оглавление

Вступление.....	2
Глава 1. Святые Ремигий и Клотильда, просветители франков.....	13
Глава 2. Христианство на Иберийском полуострове	28
Глава 3. Распространение веры Христовой на Британских островах .	47
3.1. Иосиф Аримафейский- апостол Англии	47
3. 2. Распространение христианства в послеапостольские времена.....	62
Глава 4. Святитель Патрик, просветитель и покровитель Ирландии ..	86
Глава 5. Кельтские миссионеры в средневековой Европе.	
Святой Колумба: путь на восток	119
Глава 6. Святой Колумбан, кельтский благовеститель на землях Западной Европе.....	132
Глава 7. Ранняя церковь в Нидерландах.....	154
Глава 8. Святой Бонифаций, просветитель древних германцев.....	169
Глава 9. Житие святителя Ангария — просветителя Севера.....	198
Глава 10. Святые Кирилл и Мефодий, покровители и просветители славянских народов.....	209
Глава 11. Христианское благовестие в Скандинавии	234
Глава 12. Христианство в Польше и Восточной Пруссии. Миссия священномученика Войцеха	260
Глава 13. Святые Иштван и Геллерт, просветители венгров	297
Заключение. Уроки миссионеров	317

Вступление

*"Если небо может предшествовать звездам,
земля — траве, софы — меду, ручьи — воде,
а груди — молоку, то смогут наши языки
возгласить хвалу святым, в которых Господь
являет силу жизни и славу смерти".*

Свт. Паулин Ноланский (405 г. от Р.Х.)

Когда речь идёт о прошлом Церкви, то наши интересы в большей степени сосредоточены на византийском христианстве и собственно русских событиях, однако имена других православных угодников Божьих мы не всегда помним, а между тем их перечень огромен – это святые равноапостольный Патрик, преподобные Брендан и Бригита Ирландская, святитель Давид Уэльский, преподобная Геновефа (Женевьева) Парижская, святители Герман Осеррский и Исидор Севильский... И сотни других святых, просиявших в древности. Немало потрудились над "возвращением" их имён в православные диптихи приснопамятный иеромонах Серафим (Роуз), и почитание этих святых православными людьми – совершенно естественное явление.

Вот один только пример, касающийся нашей неосведомлённости: любого человека, носящего имя Эдуард и пришедшего креститься, в девяти из десяти случаев священник наречёт иным именем, и всего лишь потому, что в русском церковном календаре он не найдёт имени английского короля-страстотерпца Эдуарда (+ 979 г., память 18/31 Марта), а в любом английском православном приходе есть икона этого святого.

И в наше время, когда многие наши соотечественники возвращаются к нормальной христианской жизни, многие люди находят свой путь обратно к подлинной вере Христовой, которое когда-то, в туманной дымке истории, было родовым наследием их собственных предков. Итак, наш скромный труд посвящен духовному наследию сыновей европейских стран — древним святым, истинного и горячего почитания которых так жаждал великий святитель и чудотворец Иоанн (Максимович). Ибо краеугольным камнем истинного христианства является любовь ко святым угодникам Божиим. С самых ранних веков Христианства Церковь прославляла святых своих — сначала апостолов и мучеников, пострадавших за Христа, потом отшельников, умерщвлявших свою плоть ради любви ко Христу, и иерархов и пастырей, положивших жизни свои ради спасения своей паствы, а также и тех, кто положил великие труды ради приобщения языческих народов к подлинному свету веры Христовой.

Европейские страны, от Италии до Британии, знали и проповеди апостолов, и подвиги мучеников, здесь зерно Христианства укоренилось так сильно, что там немедленно и с энтузиазмом откликнулся, впервые услышав о великих отшельниках Египта и Востока. "Житие преподобного Антония Великого", написанное по-гречески святителем Афанасием, было быстро переведено на латынь, и лучшие сыны и дочери Запада отправились на Восток учиться у великих Отцов. Многие, включая блаженного Иеронима и благородных римлянок Павлу и Меланию, закончили дни свои в Святой Земле; другие, например, пресвитер Руфин, побывали там паломниками и привезли оттуда такие ценные книги, как "История монахов Египта"; один из них — преподобный Иоанн Кассиан

Римлянин — так досконально постиг духовное учение египетских Отцов, что его книги стали основным фундаментом подобной монашеской традиции Запада. Главный «рассадник» православного монашества в Галлии V века, Лерин, вырос исключительно под влиянием монашеской традиции Востока.

Тогда же вышли на сцену истории новые народы: славяне, скандинавы, саксы и иные северные германцы, венгры, образовавшие новые государства: Францию, Германию, Польшу, Моравию (Чехию), Русь, Англию, Шотландию, Ирландию, а также крайний север Европы — Скандинавию, стал выплескивать волны предприимчивых воителей — викингов, участвовавших в потрясениях и созидании этих новых государств.

Отчуждение между Востоком и Западом произошло в более позднее время. Оно становилось болезненно выраженным (хотя и до этого были признаки того) только со времени крестовых походов (1096 год и позже), и причину этого надо искать в различных духовных, психологических и культурных изменениях, которые произошли на Западе как раз во время схизмы.

Касаясь этого, известный французский ученый Ив Конгар пронизательно заметил: "Христианин IV или V века чувствовал бы себя менее обескураженным формами благочестия, принятыми в XI веке, чем такой же христианин, живущий в XI веке, — формами XII-ого. В переходный период от одного века к другому произошел огромный разрыв. Это изменение имело место только на Западе, где где-то между концом XI века и в начале XII все как-то трансформировалось. На Востоке такого глубокого изменения взглядов не произошло; там, определенно, Христианство сегодня все

еще имеет такую же форму, какой она была тогда и какой она была на Западе до конца XI века"

В ту эпоху, когда христианство распространялось по всей Европе, принципиальных различий не существовало, поэтому, раскрывая путь благовестников Христовых среди варварских народов, мы специально отмечаем то, что они принадлежали единой и неразделенной Апостольской Церкви.

Уже в III-ем веке христианство овладело римским государством. Самая мысль об единой христианской Церкви, обнимающей мир, развивалась, крепла и приходила к осуществлению в тесной связи с победоносно-действующей христианской проповедью. Но Евангелие не связано границами хотя бы и «мирового царства»; на Востоке, где оно было впервые проповедано, оно давно уже переступило его пределы.

В четвертом веке христианство отчасти распространилось, отчасти усилилось и утвердилось в Малой Азии, Сирии и Египте, покрылись густою сетью общин, успевших приобрести большое влияние. Епископы Александрии и Антиохии были лицами важными и влиятельными не только в жизни города, но и всего Востока великой римской империи.

При Константине Великом христианство распространилось в Эфиопии (Абиссинии), Иберии и даже Индии. И сам император оказывал делу миссии содействие.

Многочисленные и влиятельные общины встречаются в Италии, Африке, Риме и Карфагене. Христианство выступает теперь более или менее организованным в провинциях, которые до сих пор были мало или совсем не затронуты им.

В последние века существования своей великой империи тщеславные римляне, повидимому, полагали, что их принцепс был «всемирным повелителем», что его империя была «универсумом», т.е. обнимала все страны, в которых жили люди; однако им пришлось убедиться в том, что к Востоку от Рейна, к Северу от Дуная, к Востоку от Евфрата и Тигра, в степях Аравии и Африки, по ту сторону Адрианова вала, вала Септимия Севера и моря, омывающего берега Испании, — есть народы, не подчиняющиеся императорским законам. Христианство проникло в Галлию и в южные романизированные области. Так, Эльвирский Собор (300- 306 г.), на котором присутствовало 19 епископов и 24 пресвитера, подтверждает, что в Испании, Беотике и юго-восточной части Терраконии, т.е. теперешней Испании — находилось много христиан.

Наше внимание более привлекает распространение христианства вне границ Римской Империи — у германцев, франков, бриттов, кельтов, а позже у славян. Это произошло в связи с великим переселением народов, положившим начало «средним векам» и новым государствам.

В Европе, вне пределов Римской империи, христианство прежде всего начало распространяться между народами германского племени. Так, в IV и V веках приняли христианство готы, вандалы, свевы, бургунды, лангобарды, но, к сожалению, в форме арианства. Готы, обитавшие за Дунаем и разделявшиеся рекою Днестром на остготовов и вестготовов, еще в III в. подошли близко к границам Римской империи и производили на нее частые набеги.

В первые три века **единая христианская Церковь** только лишь отчасти проникла за пределы Римской империи; борьба с язычеством за свое существование заставлял христианское общество

сосредоточить все свои силы на одном пункте, именно в Римской империи. Теперь же, когда борьба окончилась падением язычества и Римская империя сделалась христианским государством, Церковь получила возможность выступить решительным образом за пределы империи. Пути, которыми она проникает в языческие, близкие и отдаленные от империи, страны, весьма разнообразны.

Христианские купцы, посещая языческие страны по делам торговым, заносят сюда свою веру; христиане, попадающие в плен к язычникам, просвещают их светом Евангелия, и, наоборот, язычники, попадающие в плен к христианам, знакомятся с христианством и, возвращаясь на родину, становятся, в свою очередь, распространителями его между своими соотечественниками.

Монахи-подвижники, поселяясь в пустынях на границах Римской империи или даже в языческих странах, своею святою жизнью пробуждают в язычниках уважение к христианству и заставляют их принимать его; ревностные проповедники Евангелия, с апостольскою неустрашимостью, отправляются в страны варваров и основывают между ними Церкви; предстоятели Церквей и государи устраивают правильные миссии для обращения язычников; женщины-христианки, особенно благочестивые принцессы (о чем неоднократно будет сказано ниже), выходя в замужество за языческих королей и князей, располагают к принятию христианства как своих мужей, так и подданных язычников.

Вообще, всякого рода столкновения и сношения между народами, принявшими христианство и не принявшими, служили более или менее удачными поводами к распространению спасительного благовестия между последними. Таким образом, во

второй период Церковь распространилась во многих языческих странах Африки, Азии и особенно Европы.

Плоды проповеди стали ощущаться уже после прекращения гонений. Известно, что уже на первом Вселенском соборе (325 г.) уже присутствовал готский епископ Феофил, подписавший соборные вероопределения. Во второй половине IV века много потрудились для распространения христианства между готами готский епископ Улфила, потомок пленных христиан, занимавший епископскую кафедру в течение сорока лет (348—388 гг.). Он изобрел готскую азбуку и перевел Св. Писание на готский язык.

При императоре Валенте, когда пришедшие из Азии гунны стали теснить готов, вестготы, с разрешения его, поселились (376 г.) в пределах Римской империи во Фракии, под условием принятия всеми ими христианства. Улфила, бывший по этому случаю во главе готского посольства к Валенту, в угоду императору-арианину, согласился распространять между ними христианство с арианским вероучением, которое, таким образом, и утвердилось у них. По удалении из пределов Римской империи вестготы принесли арианское христианство в Испанию, где основали (415 г.) свое государство. Только в 589 году на соборе Толедском они отказались от арианства и перешли к православию.

От вестготов христианство с арианским же вероучением перешло к их соплеменникам, остготам, оставшимся позади их во время великого переселения народов. Завладев (492 г.) Италией, остготы, в свою очередь, принесли арианство и сюда. Хотя при Юстиниане I владычество их в Италии кончилось (553 г.), но они сообщили арианское христианство язычникам лангобардам, у которых

оно только в конце VII века окончательно сменилось апостольским исповеданием.

От вестготов же приняли арианское христианство вандалы и свевы, пришедшие еще раньше их в Испанию. Вандалы, перешедшие в Африку и завоевавшие (429 г.) ее северные области, упорно держались арианства и страшно преследовали православных христиан карфагенской Церкви; в 533 г. полководец Юстиниана, Велизарий, уничтожил владычество их в Африке, а вместе с тем и арианство. У свевов, окончательно поселившихся в Испании (и в нынешней Португалии), арианство держалось до 560 года, когда они обратились к вере Вселенской Церкви.

Бургунды, поселившиеся в начале V века в южной Галлии, отчасти принесли с собой арианство с берегов Рейна, где приняли его от выгнанных из империи ариан, отчасти заимствовали его от вестготов, но в конце V и начале VI века, под влиянием древних Церквей южной Галлии, они присоединились к подлинной вере Христовой.

Подобно тому, как это делали греки прежде, и римляне стали называть общим именем варваров все народы, не говорившие на их языке. Но все эти племена тогда только оказывали сопротивление римлянам, или создавали для них нестабильные ситуации на границах.

В тот исторический период неожиданно появились бесчисленные дикие орды, подобно песку, поднимаемому ветром в пустыне, или саранче, и напали на культурный Египет: так и в четвертом веке по Р.Х. грубые варварские народы нахлынули на греко-римский мир и положили конец римской империи, а с нею, и древней культуре.

Начался «средневековый период», представлявший собою переход от древнего времени к новому. В этом периоде совершились очень важные события: образовались европейские нации и государства нового времени, выработались государственные учреждения, о которых древние народы не имели никакого понятия, и развилась цивилизация, не похожая на греко-римскую.

Начало средних веков отличается или характеризуется смешением идей некультурного, дикого, завоевательного мира с богатым наследством побежденного греко-римского мира. Первоначально казалось, что все пришло в полный хаос. Но над этим хаосом постоянно господствовали два влияния — влияние воспоминаний об единстве римской империи и влияние христианской Церкви, в котором сначала олицетворялось единство нового мира... История средних веков начинается возникновением германских государств на прежних римских владениях.

В тот же период Церковь Христова, в те времена хранившая Евангельские заветы, вновь начала апостольский подвиг привлечения ко Христу новых народных масс. Апостолы славян — святые Кирилл и Мефодий, их преемники святые Климент, Наум, Савва, Ангелярий и Горазд, просветитель Германии Вонифатий (более известный в латинском варианте своего имени- Бонифаций) и св. Ангарий, которого древние церковные летописи называют «апостолом севера» — все они, загоревшись огнем ревности о вере Христовой, пошли в этот судьбоносный, определяющий историю человечества период на просвещение светом Христовым новоявленных народов.

Как свидетельствует митрополит Иларион: «Лепо бо бе благодати и истине на новых людей возсияти, не вливают бо по

словеси Господню, вина новаго в мехи ветхи, но новое учение — в новы мехи, новы языки».

Однако эти «новые языки» иногда казались совершенно неподходящими вместилищами для благодатного и благостного Христова учения. Необузданные, бесчеловечно жестокие викинги севера разоряли христианскую Европу.

«Если бы сто голов из литого железаросло на одной шее, и каждая обладала бы ста языками из негнущегося металла, и если бы каждый этот язык безостановочно кричал бы ста громовыми голосами, они все же не были бы в силах перечислить все невыразимые беды, которыми христианские народы: мужчины и женщины, миряне и священники, юные и старцы — пострадали от этих одержимых бесами войны, безжалостно жестоких язычников!» — так восклицает тогдашний ирландский летописец, очевидец страшных событий.

Во всех церквах и монастырях Франции ежедневно возносилась молитва: «Ad normannum libera nos, Domine» – «От норманнов избави нас, Господи!»

Внутреннее душевное настроение норманнов, их кровавая психология хорошо характеризуется надписью на ножнах меча одного из предводителей викингов: «Этот мой заветный меч да не пощадит никого».

Даже при жизни императора Карла Великого, в период наивысшего расцвета восстановленной этим Государем Западной Римской империи, получившей название «Священная Римская Империя», — язычник, король Дании Готфрид разорял берега Фрисландии и Пикардии, так что Карлу пришлось превратить в маяк и

базу для своего охранного флота древнеримскую сторожевую башню, построенную еще Калигулой, около г. Булони.

После смерти Карла Великого, при ослаблении империи, скандинавские викинги еще более усилили свой кровавый напор на христианскую Европу, разоряя монастыри, города, селения и уничтожая людей.

Вот к таким, внушавшему христианам ужас народу и направилсь с проповедью веры и любви Христовой и шли те, кого мы ныне именуем святыми благовестниками Европы. Первой проповедь Евангелия Христова пришла на землю Галлии, так в ту пору именовали Францию.

FOR AUTHOR USE ONLY

Глава 1. Святые Ремигий и Клотильда, просветители франков

В 2016 году исполнилось 1520 лет христианству во Франции. Что касается святой Клотильды, святителя Ремигия, святой Геновефы, покровительницы Парижа, и некоторых других, то они – святые Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

“Всегда искать большего” – таков был негласный девиз короля Хлодвига, последнего отпрыска салических франков, беспрестанно воевавшего за расширение своих владений. Как бы ни относились к нему историки, литераторы, богословы, все они признают его огромное значение для французского государства. Именно с этого монарха начинается христианская история страны.

Франки, под предводительством своего Хлодвига, в конце V века заняли северную Галлию и основали здесь свое государство. Все они были язычники. Христианство распространилось между ними при посредстве бургундской принцессы Клотильды, на которой женился Хлодвиг (493 г.). Однако завоевав римскую провинцию Галлию, где уже четыре века было проповедано христианство, воинственные франки столкнулись с той силой, которую невозможно одолеть с помощью меча, этой силой и мощью стала вера христианская. Её исповедывали святые королева Клотильда и епископ Ремигий, приобщившие диких франков к спасительной вести. Но перед тем, как поведать об их миссионерских трудах, необходимо сказать несколько слов о распространении христианства в Галлии.

Православный человек XXI века не найдет ничего странного в Христианстве Галлии VI века; фактически, если сам он глубоко

проникся духом и благочестием своей веры, каким оно сохранилось до наших дней, то в христианском мире святителей Ремигия Реймского и Григория Турского он будет чувствовать себя, как дома. Внешние выражения христианского культа — устройство и украшение церкви, иконы, облачения, службы — развиваясь в течение веков, приобрели, в основном, такую форму, которую они сохраняют и сейчас в Православной Церкви. На Западе, особенно значительно после 1054 года, все это изменилось.

Более традиционно мыслящий Восток самым фактом того, что он так мало изменился в течение столетий даже во внешних проявлениях культа, естественно, гораздо ближе раннехристианскому Западу, чем протестантский Запад последних столетий, который далеко отошел от своих корней еще до того, как наступила современная постхристианская эра.

Некоторые историки находят в христианской Галлии много "восточного" по форме. Это правильное наблюдение, но оно сделано с точки зрения современного Запада, поэтому не совсем точное. Более точная формулировка этого наблюдения должна быть следующей.

В VI веке существовало одно **единое Христианство**, равно на Востоке и на Западе, по учению и духу, с некоторыми формальными отличиями, которые в тот ранний период были и небольшими, и несущественными.

Вся Церковь и до этого, и после этого века собиралась на соборы, чтобы решать спорные вероучительные вопросы и исповедовать одну истинную веру. Были многочисленные паломники, пилигримы, особенно "западные" ходили на Восток, но и "восточные" ходили на Запад, и они не считали друг друга чужими, а христианскую веру и благочестие или обычаи отдаленной какой-либо

страны враждебными тому, что знали дома. Местные различия были не больше, чем те, что существуют сегодня между православными христианами России и Греции.

В те годы, когда римский Запад агонизировал под вторжениями варварских народов. Юг Галлии был занят визиготами и бургундцами, сторонниками арианства; берега Рейна - аламаннами; север - франками, остававшимися языческими. После смерти своего отца Хильдериха в 482 году Хлодвиг I, которому исполнилось только пятнадцать лет, возглавил суровых воинственных франков. Когда он, еще юношей, стал королем части салических франков, римское население тех областей Галлии, еще не завоеванных варварами, не признавало власти италийского правителя Одоакра и управлялось римлянином Сиарпием. Его область на северо-востоке примыкала к землям франков, на юге - к землям готов и бургундов. Между готами, вследствие их арианства, и численно превосходившим их галло-римским населением лежала пропасть. Однако в ту пору Хлодвиг был еще идолопоклонником, но восхищался христианскими монахами и выражал большое почтение епископам, в особенности - Ремигию, чьим разумным советам он следовал.

Однако для нашего повествования важно вспомнить то благое начало, которое было положено православными благовестниками в те далекие времена, вспомнить те корни, из которых возросло древо веры христианской во Франции. Но, принявши крещение, франки в действительности остались язычниками; только в последующее века, когда во Франции открылись монастыре и школы, они окончательно просвещены были христианством.

Будущий креститель и просветитель франков, Святитель Ремигий родился в 437 году в Лионской епархии. Он происходит из

состоятельной галло-римской семьи, его отцом был граф Эмиль Лаонский, а матерью — Святая Селина, сродница епископа Суассонского.

Рождение Ремигия (438 год от Р.Х.) было предсказано его престарелым родителям блаженным отшельником по имени Монтан. В молодости мальчик из аристократической семьи успешно изучал светские и божественные науки, затем он ушел в маленький дом около Лаона, чтобы вести одинокую жизнь. Его жизнь была столь свята, что как только освободилось место епископа в Реймсе, духовенство и народ города пришли к нему, чтобы изъять его из уединения и провозгласить епископом, несмотря на то, что ему было двадцать два года.

Молодой владыка стал скоро наиболее знаменитым деятелем в Галлии. Своим горячим наставлением он обращал язычников и приводил еретиков - ариан к раскаянию. Он создавал епархии, устанавливал пастырей и вдохновлял жителей этих регионов, опустошенных недавними варварскими вторжениями, на любовь к врагам, на бескорыстие и желание небесных благ. Везде, где он проповедовал, являлись многочисленные чудеса, дабы подтверждать правду его учения. Во время трапез прилетали птицы и кормились с его рук. Он исцелял больных, отчитывал одержимых; и однажды, когда в городе начался пожар, он бросился в пламя и заставил его отступить.

С именем святого Ремигия связана легенда о суассонской чаше. То, что Хлодвиг I согласился ему эту чашу вернуть, может свидетельствовать, что между епископом и франкским государем были довольно хорошие отношения.

В 486 году король заключил союз с Рагнахаром, герцогом Камбре (область на севере нынешней Франции), и вместе с ним отправился в поход во главе 5-тысячного войска против последнего представителя римской власти Сиагрия. Недалеко от древнего Ножантского аббатства у реки Энь к Хлодвигу пришла победа. Самого Сиагрия Хлодвиг взял под стражу, а после захвата его владений приказал тайно умертвить. Добыча воинов оказалась весьма значительной, ведь, помимо прочего, было разграблено много церквей.

Узнав об этом, Ремигий, епископ Реймский, поддерживавший дружбу со своим монархом, усердно стал просить его об одной драгоценной чаше, взятой из храма. Когда все трофеи были собраны вместе, Хлодвиг, прежде чем поделить захваченное, сказал: “Мои верные воины, я прошу вас отдать мне этот сосуд, не бросая о нем жребия”. Солдаты согласились с желанием своего короля. Но вдруг, неожиданно для всех, один из них выхватил боевой топор, бросился к чаше и разрубил ее с криком: “Ты получишь только то, что жребий даст тебе!” Властитель франков, взяв наполовину разбитый сосуд, отдал его епископу.

Как-то раз через год Хлодвиг делал смотр своего войска. Подойдя к солдату, разбившему чашу, он сказал: “Ни у кого я не видел оружия в столь плохом состоянии, как у тебя”, - и вырвав у него боевой топор, бросил на землю. Когда же тот нагнулся, чтобы поднять оружие, король отрубил ему голову секирой со словами: “Да постигнет тебя тот же жребий, что и чашу, разбитую тобой!” Это яркое свидетельство тяжелого нрава первого короля франков, но постепенно свет Христовой веры озарил и его душу, погрязшую во мраке греха и жестокости.

Для нашего рассказа важно отметить то обстоятельство, что именно владыка Ремигий и жена Хлодвига св. Клотильда смогли убедить короля принять истинную веру, а не широко распространенное в то время арианство. Ещё до того, как Хлодвиг был окрещен, он богато одаривал как самого епископа, так и жителей-христиан Реймса. А после победы над аламаннами при Толбиаке в 496 году он попросил епископа Реймского окрестить его и 3000 его воинов (по словам Григория Турского), что и произошло 25 декабря 498 года (эта дата довольно условна, точнее было бы сказать, что данное событие произошло в промежутке между 496 и 500 гг.). Традиция помазания королей на царствование в Реймсе появилась уже после смерти епископа Ремигия, её ввел епископ Реймский Хинкмар в IX веке.

Для нашего рассказа важно (хотя и при этом мы несколько забегаем вперед) отметить, что древние хроники свидетельствуют, что в 493 году Хлодвиг женился на Клотильде, причисленной впоследствии Церковью к лику святых. Молодая и красивая принцесса, дочь бургундского князя Хильперика, она оказала чрезвычайно благотворное влияние на своего мужа. Государыня Клотильда, как впоследствии и равноапостольная княгиня Ольга на Руси, стала первой христианкой королевского рода в языческой стране. Она и привела своего мужа к крещению. Однако это произошло далеко не сразу.

Поначалу никакие доводы Клотильды не могли убедить Хлодвига креститься. Королева, будучи христианкой, сильно переживала, что ее муж поклоняется варварским богам. Она начала с того, что попыталась доказать Хлодвигу лживость его религии, используя аргументы, которые ей подсказал святой Ремигий. Король

призвал правоту супруги. И все же он долго отказывался принять крещение - ведь отказ от богов, которым поклонялись его предки, означал подрыв его авторитета. Франки считали своих государей отпрысками богов. Только боги и их потомки имели право управлять народом.

Принять христианство означало отказаться от своих предков, порвать генеалогическую цепочку, лишиться себя права на царствование. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы поклониться образам святых. Клотильде это было известно. Однако она твердо решила придать Хлодвигу смелости для обращения в христианство и помочь ему обрести силу, чтобы заставить его воинов признать основы королевской власти, оторванной от старых богов.

Сначала она добилась крещения их первенца, нареченного Ингомиром. Подумав, что пышность церемонии может благоприятно повлиять на мужа, Клотильда позаботилась об украшении стен церкви богато расшитыми тканями. Такие детали должны были глубоко тронуть варвара.

- Какая красивая религия, - воскликнул очарованный Хлодвиг.

К несчастью, через несколько дней младенец Ингомир заболел и умер. Все созданное кропотливым трудом королевы было разрушено. Ребенок умер, едва выйдя из купели, и его белые крещальные одежды стали погребальными пеленами.

- Если бы ребенок был посвящен нашим богам, - во гневе сказал король, - он остался бы жив. Но поскольку вы крестили его именем вашего бога, то жить он не смог!

Клотильда осталась непоколебимой.

- Я благодарю Создателя всего сущего за то, что он не счел меня недостойной и принял ребенка, рожденного из моего чрева, в свое царство, потому что я знаю, что Господь забирает невинных младенцев и они насыщаются его благодатью, - ответила она.

Хлодвиг был сбит с толку. Это ему никогда не приходило в голову. Святое смирение Клотильды настолько поразило его. После этого королева родила второго сына. Рождение ребенка благоприятно повлияло на Хлодвига. Клотильда воспользовалась этим, чтобы сказать мужу, что она была бы счастлива, если бы он согласился крестить сына. В крещении ему дали имя Хлодомер. Король опять поддался влиянию своей нежной супруги, и крестины превзошли своей пышностью церемонию крещения их первенца. Однако на следующий день Хлодомир тоже заболел. Хлодвиг потерял терпение. Когда и он начал болеть, Хлодвиг сказал: “С ним случится то же, что и с его братом”. Когда же по усердным молитвам Клотильды ребенок выздоровел, на короля это не повлияло. И все же, как полагают, Клотильде удалось быстро переубедить его!

Однако король все еще не принимал решения. Правда, в то время у него появились другие заботы. Беспокойные германские племена непрестанно угрожали перейти Рейн и воцариться в Галлии. Однажды утром королю сообщили, что племя дерзких и отважных грабителей захватило долину Эльзаса. Не давая им времени продвинуться в глубину своей территории, Хлодвиг, собрав воинов, вышел навстречу неприятелю и остановил продвижение.

Тогда Хлодвиг в горячем порыве воззвал к Богу Клотильды: “О, Боже Клотильды, умоляю Тебя, даруй мне победу - и Ты будешь моим Богом; я поверю в Тебя и крещусь во Имя Твое!” Воодушевленные франкские воины удвоили свой пыл, и то, что казалось невозможным,

совершилось: внезапно германцы, объятые страхом, бежали, даруя Хлодвигу и его солдатам лавры победителей. Правитель одержал яркую победу.

Исполняя свой обет, он решился на обращение в их веру и попросил у святого Ремигия обучить его основам этой веры. И вот наступил праздник Рождества Христова. На улицах Реймса развесили многоцветные полотнища, почистили дороги, украсили здания. Пышно убранный собор блистал светом бесчисленных свечей и был наполнен таким благоуханием, что присутствующим казалось, будто они обоняют запахи рая. Когда при торжественном пении гимнов Хлодвиг вошел в церковь, его охватил страх, и, обращаясь к Ремигию, державшему его за руку, король спросил: “Неужели это и есть Царство Небесное, которое мне обещано?” “Нет, - отвечал епископ, - но это начало пути туда”.

В тот день (25 декабря 498 или 499 года) Хлодвиг I пригласил все знаменитые персоны, как из королевства, так и из-за его границ, чтобы те присутствовали на его крещении в Реймсе. В ночь, предшествующую церемонии, Святой Ремигий привел короля и его свиту в храм, чтобы произнести перед ними краткую речь о великих тайнах христианской религии.

Тогда храм вдруг наполнился светом и небесным ароматом, и раздался голос свыше: "Да будет мир вам!" Во время погружения короля в воды нового рождения, Ремигий сказал ему: "Склони голову, гордый монарх, возлюби то, что ты сжег, и сожги то, что ты обожал". Но во время помазания новокрещенного святым миром, Иерарх заметил, что масла недостаточно. Тогда он поднял глаза к небу, прося Бога о снабжении, и белый голубь спустился от неба, неся святую сткляницу, полную чудесной жидкости. Две сестры правителя и три

тысячи сенжоров и солдат крестились вместе с Хлодвигом, отметив окончательную обращение ко Господу этого варварского народа и рождение христианской французской нации.

Так епископ Ремигий крестил Хлодвига и три тысячи его солдат. Через некоторое время приняла крещение сестра короля Альбофледа, а вскоре обратилась и его вторая сестра Лантехильда, бывшая арианка. Примечательно, что в то время практически все государи Запада были последователями арианской ереси¹, и лишь сам Хлодвиг исповедовал классическое христианство. Именно поэтому с тех пор короли Франции приобрели почетное название “старших сыновей Церкви”.

Под духовным руководством святого Ремигия Хлодвиг I, этот новый Константин, продолжил впоследствии унификацию варварского и галло-римского народонаселения в Галлии и утвердил свой народ в истинной вере.

Королева очень обрадовалась тому, что произошло, и пригласила реймского епископа, святого Ремигия, попросив его утвердить короля в законе христианском. Хлодвиг, выслушав епископа, сказал: “Охотно я тебя слушал, святейший отец, но меня смущает вот что: мои подчиненные не потерпят того, чтобы я оставил их богов. Однако я пойду и буду говорить с ними”. Когда же король обратился к своим воинам, то они воскликнули: “О король, мы отречаемся от смертных богов и будем служить Вечному Богу, Которого проповедует Ремигий”.

¹ Если говорить кратко, арианство — это учение, согласно которому Иисус Христос является творением Бога Отца, следовательно, не единосущен (то есть равен) ему, а стоит ниже. Таким образом, Бог Сын не обладает полной божественности, а становится лишь одним из инструментов высшей силы. Позже Арий несколько смягчил свою позицию, назвав Сына самым совершенным творением Отца, не таким, как остальные. Но суть все равно осталась прежней.

Надо отметить, что святитель Ремигий, епископ Реймский (Реймс - город в нынешнем департаменте Марны, с 1179 году в нем короновались французские короли) уже при жизни мог почитаться франками за святого. Сохранилась книга с житием святителя Ремигия, где рассказывается, как он воскресил мертвого.

Однако само по себе Таинство святого крещения не изменило боевой дух короля. Однажды, когда епископ Ремигий рассказывал ему о страданиях Спасителя, Хлодвиг воскликнул: “О, если бы я был тогда с моими франками, я отомстил бы за причиненные Ему неправды!”

В 500 году по Рождестве Христовом, под влиянием главным образом Клотильды (поскольку дело касалось ее семьи), Хлодвиг отправился в поход против бургундцев и разбил при реке Уш, недалеко от Дижона, их армию во главе с Гундобадам - не кем иным, как дядей Клотильды. Именно он семь лет назад злодейски убил ее родителей и братьев, чтобы завладеть наследством. Причем сделал это прямо перед свадьбой Клотильды. Теперь же, после своего поражения, Гундобад принужден был платить Хлодвигу дань. Но тем не менее святая королева нашла в себе силы не только простить супруга за это злодеяние, но и привести его вместе с народом франков к свету Евангелия.

В 507 году Аларих II (вестготский король из рода Балтунгов), будучи арианином, преследовал епископов Аквитании. Они же умоляли Хлодвига защитить их. Тогда король обратился к своим воинам: “Я очень обеспокоен тем, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдемте с Божьей помощью на них и подчиним нашей власти страну”. Воинам понравились эти слова, и они выступили в поход против Алариха.

Когда часть войска проходила в районе Тура, где за несколько десятилетий до этого подвизался св. Мартин, Хлодвиг из уважения к святому приказал, чтобы никто ничего не брал из этой области, кроме травы и воды. Но один солдат силой взял сено у какого-то бедняка, сказав: “Разве король не приказал брать только траву и ничего другого? А ведь это трава и есть. Мы не нарушим приказа короля, если возьмем ее”. Об этом стало известно Хлодвигу. Король в мгновение ока рассек солдата мечем, сказав при этом: “Как мы можем надеяться на победу, если оскорбляем святого Мартина?”

Хлодвиг с войском одержал победу над Аларихом в долине Вулье, недалеко от Пуатье, причем Хлодвиг убил еретика своими руками. Этот успех позволил расширить владения короля до Пиренеев.

В эпоху, когда другие короли варваров - готские и бургундские, были последователями Ария, ересиарха, отрицавшего божественную природу Христа, Хлодвиг был признан королем миллионами галло-римлян, населявших Галлию. Это обеспечило ему поддержку епископов, обладавших большой властью, и помогло отвоевать у вестготов значительную территорию от Луары до Пиренеев.

Возвратившись из этого похода, Хлодвиг, став могущественным монархом, пользовавшимся уважением всех своих подданных, как галло- римлян, так и франков, позже ставших единым французским народом. В последние годы своего царствования Хлодвиг наделил Ремигия землями, где тот построил и освятил большое количество церквей. Он возвел в ранг епископств города Турне, Камбре, Теруанн, Аррас и Лаон. Брат святого Ремигия был епископом Суассона и состоял в переписке с Сидонием Аполлинарием. Авторы «Gallia

Christiana» рассказывают, что святому Ремигию делали дары и многие другие франки, а епископ передавал их в Реймский собор.

Хотя владыка Ремигий никогда не принимал участия во Вселенских соборах, в 517 году он провел синод в Реймсе, на котором после жаркой дискуссии он переубедил епископа, который впал в ересь — перешёл в арианство. Влияние Ремигия на простой народ и на священнослужителей было огромно в связи с тем, что он простил оскорбления, которые ему нанес Клавдий, священник, прежде им широко облагодетельствованный. Этим святитель заслужил осуждение других епископов, так как они считали, что Клавдий заслуживает отлучения.

Достигнув преклонного возраста, владыка Ремигий ослеп, но по его настойчивой молитве и надежде, он был чудесно исцелен и, отслужив в последний раз Божественную Литургию, с миром почил в 533 году.

Святитель похоронен в Реймском соборе, откуда епископ Хинкмар Реймский приказал перенести его мощи в Эперне во время набегов викингов. Оттуда в 1099 году по просьбе папы Льва IX, мощи были перенесены в аббатство Сен-Реми. День Святого Ремигия празднуется 1 октября.

Завершить наш краткий очерк про распространение христианства среди франков нам бы хотелось повествованием о дальнейшей судьбе воинственного Хлодвига и кроткой Клотильды.

Незадолго до своей смерти, в 511 году, Хлодвиг созвал церковный Собор в Орлеане. Это был первый Франкский Собор, необходимый для реорганизации Церкви в Галлии. Он установил также Салическую правду, или Франко-Салический закон.

Именно при Хлодвиге Париж стал столицей Галльского королевства. Здесь, на могиле святой Геновефы, покровительницы Парижа, Хлодвиг построил собор апостолов Петра и Павла, где и был погребен вместе с Клотильдой. Теперь это церковь святой Женевиевы. Подобным же образом святой равноапостольный император Константин в IV веке был похоронен в построенной им самим церкви Святых Апостолов в Константинополе.

В 511 году, после смерти Хлодвига, королевство было поделено между его четырьмя сыновьями. Королева Клотильда переехала в Тур, где прислуживала при базилике святого Мартина, проводя свои дни в высшей степени скромно и добродетельно и редко посещая Париж. Святая Клотильда дала Франции потомство богобоязненных правителей-христиан; она вооружила своего супруга щитом, украшенным символом Пресвятой Троицы - тремя цветками лилии, которые стали эмблемой монархии.

Если Клотильду Церковь канонизировала при Папе Пелагии I в середине VI века, то ее супруг не был причислен к лику святых. В XIV веке Хлодвиг ставили наравне с его современником, святителем Ремигием - при этом, однако, бурное воображение народа приписывало ему всевозможные добродетели. Но самое главное, что Хлодвиг за 7 веков до короля Людовика IX, явил собой образец истинного монарха-христианина. Церковь ему обязана многим, Франция ему обязана всем. Но так ли это на самом деле? Воплотил ли собой Хлодвиг черты истинно христианского государя?

Действительно, на протяжении всей дальнейшей истории Франции мы видим, что основной доблестью христианских королей на Западе считаются их завоевательные походы. Начиная от Карла Великого (о котором мы не раз упомянем ниже), награжденного

Римским Папой титулом императора за военные победы (Италия, Испания и проч.), до средневековых крестовых походов и позже - признается заслугой силовое обращение язычников в христианство.

Совершенно другие добродетели русских князей стали основанием для их прославления Церковью в лике святых. Начиная от равноапостольного князя Владимира, который, в прошлом жестокий язычник, после своего крещения хотел отменить на Руси смертную казнь и был остановлен только своими советниками; от его сыновей, святых Бориса и Глеба, предпочетших мученическую смерть междуусобной войне (где справедливость была на их стороне!) с братьями; от Александра Невского, защищавшего свою державу, но никого не покорявшего; от его сына, князя Даниила Московского, не участвовавшего ни в одной войне, - и вплоть до Императора Николая II (который, кстати, издал указ о веротерпимости), отказавшегося от престола ради спасения страны, - мы видим иное отношение к власти. Иное отношение к власти, иное отношение к нехристианским народам, иное отношение к свободе человека.

“Великая” французская революция расправилась не только с монархией. Она покончила и со святыми. Мощи св. Клотильды, прежде весьма почитаемые, были сожжены, так же, как и мощи св. Геновефы (Женевьевы) и многих других французских преподобных. В мире “свободы, равенства, братства” святые стали лишними.

Глава 2. Христианство на Иберийском полуострове

Две тысячи лет назад Иберийский полуостров, как и большая часть Западной Европы, был частью Римской империи, и Испания, и Португалия как страны еще не существовали. Весь полуостров постепенно был полностью латинизирован, за исключением двух областей, населенных кельтами и басками. Первые жили на северо-западе страны, в области, известной под названием Галисии, в то время как баски заселили северо-восточную область полуострова — западные Пиренеи. Без сомнений, христианство пришло на Иберийский полуостров в I веке, во время первого периода испанского Православия — в апостольскую эпоху.

Как и в других западноевропейских странах, за апостольской эпохой последовал второй период, охвативший конец III и начало IV века, ознаменованный страшными антихристианскими гонениями, наиболее жестокие из которых были воздвигнуты императором Диоклетианом. Этот второй период Иберийского христианства, период мучеников закончился в царствование святого Константина, который испытал большое влияние испанского иерарха, святителя Осии Исповедника. Святой равноапостольный император Константин основал Римскую христианскую империю, которая протянулась из Азии в Европу, со столицей в Константинополе.

Затем эпоха преподобных и святителей, которая длилась до начала VIII века. Отчасти она была прервана в 409 году, когда полуостров был завоеван германским племенем свевов, которые поселились на северо-западе, в Галисии. Вскоре после них пришли

другие варвары — пресловутые вандалы, которые обосновались на юге Испании и откуда переправились в Северную Африку, опустошив ее и разгромив местные римские колонии.

Наконец, в 507 году на территорию полуострова пришел еще один германский народ — вестготы или визиготы, которые поселились в центре Испании, сделав своей столицей сначала Севилью, а затем расположенный неподалеку от современного Мадрида Толедо, и став хозяевами всей Испании. Вандалы и визиготы были арианами и долго боролись с христианством, что привело к новым мученичествам во славу Веры. Но после того, как визиготы приняли христианство в конце VI века, в Испании наступило великое христианское возрождение. Его расцвет приходится на VII век, когда под влиянием великих подвижников монашества и образованного епископата, особенно Севильи и Толедо, сформировалась испано-готская христианская самобытность народов Испании. Результатом этого процесса стала ассимиляция германской знати с местным латиноязычным населением.

Эта эра духовного возрождения монашества после поражения мусульман привела к развитию мощных христианских королевств на севере, именитой Каталонии на средиземноморском побережье, дальше в глубине Испании — Арагона, еще дальше на восток — Наварры и в западных Пиренеях на атлантическом побережье — королевства Басков. Затем появились Кастилия — к северо-востоку от центра, Леон — к северу от центра, Галисия — к северо-западу и область к югу от Галисии вокруг Порту, где зародилось королевство Португалия.

Однако наше первое свидетельство о христианстве и Иберии содержится в Послании к Римлянам, где св. апостол Павел пишет о

желании совершить путешествие в Испанию (Рим.15.24, 28). К сожалению, нет никаких доказательств, что он действительно там был, но существует твердое предание, что апостол был в Испании и обошел весь Иберийский полуостров от востока до запада.

Известно, что когда он создавал Церковь в Риме, то встречался с иберийцами, поэтому, без сомнения, христианство пришло в Испанию еще в I веке. Апостольская эпоха хранит память и об апостоле Иакове Заведееве, чьи мощи до сего времени благоговейно хранятся в городе Сантьяго де Компостела в северо-западном уголке Испании. Само имя Сантьяго означает «святой Иаков» и хотя предание о его проповеди в Испании относится к более позднему времени, у нас нет оснований подвергать его сомнению. Действительно, на протяжении веков Сантьяго был самым главным центром паломничества в Западной Европе после Рима.

Однако в анналах полуострова упоминаются и другие проповедники.

Во-первых, это мужи апостольские — св. Торкват Кадисский, близ Гранады, св. Ктесифон Вергский, св. Секунд Авильский, св. Индалеций Уркийский близ Алмерии, св. Эсихий Гибралтарский, св. Евфразий Ангухарский, посланные согласно преданию проповедовать Евангелие на юге Испании. Большинство из них приняли мученическую смерть и память их празднуется 15 мая.

Во-вторых, до нас дошло предание о проповеди св. Герунция, епископа Италики близ Севильи в южной Испании, также принявшего мученичество приблизительно в 100 году. Его память празднуется 25 августа. И, наконец, нам известно о св. Эпитации, также мученике I века, который был епископом Туя, галисийского города на границе с

Португалией. Его брат, св. Василий, был первым епископом Браги. Память обоих святых празднуется 23 мая.

После этого последнего периода римских гонений начинается эпоха объединения и укрепления, борьбы против ересей, эпоха преподобных, святителей и праведников. Первым символом этой эпохи является св. Валерий, епископ Сарагосский, который хотя и претерпел арест и ссылку, не был замучен, и мирно скончался в Сарагоссе в 315 году, память ему празднуется 28 января. Мощи его покоятся ныне в Греции. Вслед за ним другим символом этого периода стал св. Осия Кордовский (259-359).

Он оказал решающее влияние на равноапостольного императора Константина. Действительно, идея созыва Первого Вселенского Собора в Никее, неподалеку от Константинополя в 325 году, принадлежит св. Осии, который и был его председателем. Вопреки тому, что иногда утверждают, он был тверд в своей поддержке св. Афанасия и своем противостоянии арианству, за что и был заключен в темницу до конца своей жизни. Он отошел ко Господу в 359 году после более чем шестидесятилетнего подвижнического епископского служения и память его молитвенно празднуется 27 августа по восточному месяцеслову.

Конец VI века ознаменован поворотным моментом в истории испанского христианства, связанным с обращением визиготов (вестготов) из арианства в Православие. В 586 г. **св. Ерменингельд**, сын правителя Испании, короля Леовигильда, отрекся от арианства и крестился в Православие, приняв имя Иоанна. Он был лишен своим отцом всех прав и заточен в темницу. Накануне Пасхи, 13 апреля 586 г., отказавшись принять «причастие» из рук арианского епископа, он

был приговорен к смерти по навету своей мачехи. Как мученик за веру, он почитается и в Православной Церкви 1 ноября.

Первым святым и великим символом грядущего времени расцвета, был **св. Леандр, архиепископ Севильский** (540-601), старший в замечательной семье святых. Происходил он из семьи знатного римлянина и дочери вестготского короля. Вместе с родителями, братьями и сестрами Флорентиной, Флугентием и Исидором Севильским он бежал от византийских властей в вестготскую Севилью (юго-западн. Испания).

Леандр в молодости принес монашеские обеты и жил в монастыре в Севилье. В то время испанская Церковь переживала раскол: большая часть вестготской знати, включая короля Леовигильда, и многие клирики разделяли еретические взгляды александрийского пресвитера Ария, отрицавшего божественность Христа. Когда в 579 году Леандра избрали епископом, он направил все силы на разрешение этой проблемы. Рассудив, что главной задачей является обращение королевской династии, Леандр попытался для начала убедить в своей правоте сыновей короля – Ермингильда и Реккареда. Однако это навлекло на него гнев Леовигильда, и ему пришлось покинуть Испанию.

Странствия привели его в Константинополь, где он в 584 году встретился с будущим папой Григорием Великим, который в то время был папским легатом в Восточной империи. По преданию, именно Леандр подал Григорию идею написать его знаменитые «Moralia» на книгу Иова.

В 586 году король Леовигильд умер и на трон вступил его сын Реккаред, еще раньше отвергший арианство благодаря проповедям Леандра. Епископ смог вернуться в Севилью. При поддержке короля

он продолжал проповедовать правильную веру. Его труды принесли плоды: в 589 году Третий синод в Толедо, на котором присутствовали высшие церковные иерархи Испании и наиболее влиятельные светские лица, официально отверг учение Ария. Григорий Великий, ставший к тому времени Папой, в знак признания особых заслуг Леандра даровал ему палий.

Помимо всего прочего, Леандр был первым, кто ввел в латинской Церкви обычай читать во время мессы Никейский символ веры – эта традиция сохраняется до сих пор.

Он написал 2 небольших сочинения "Против Ариан" (ныне утраченное), а также "Похвала и триумф церкви" и сочинение о женских орденах. Умер 13 марта 600 г. в Севилье.

Владыка Леандр² был, без сомнения, одним из величайших святых Испании, некоторые из его многочисленных сочинений дошли до нас. Среди древнеиспанских святых известен также и **Святитель Элладий**, епископ Толедский с 615 г. Будучи еще мирянином, служил при дворе визиготов министром. Но он так любил монашество, что оставил свое положение ради жизни в Агалийском монастыре близ Толедо, и позднее стал его игуменом, а позднее архиепископом родного города. Он почил в 632 г. и память его празднуется 18 февраля. По всей вероятности, в тот же год преставился младший брат свт. Леандра, св. Фульгенций, епископ Эсихи в Андалузии, также бывший великим светильником Испанской Церкви (память 16 января).

² он читается и в Православной Церкви, и в Католической, 27 февраля по западному и, вместе со св. мч. Ерменингельдом — 1 ноября, по восточному месяцеслову.

Следующей в этом славном списке идет **прп. Флорентина** (память 20 июня), сестра свв. Леандра и Фульгенция. Она стала монахиней и аббатисой (игуменией) монастыря в Андалузии, для которого св. Леандр написал дошедшие до нас правила монашеской жизни, трогательно изложенные в форме письма. Она преставилась в 636 г.

Наконец мы подошли к величайшей личности этого Золотого VII века, самому почитаемому из этой святой семьи, **свт. Исидору** (память 4 апреля), архиепископу Севильскому (560-636). Он воспитывался и получал образование от своего старшего брата св. Леандра, вслед за которым он вступил на Севильскую кафедру в 600 г. Родился в Картахене (Cartagena), Испания, ок. 560 г.; умер в Севилье (Seville), Испания, 4 апреля 636 г.; в юности получил блестящее риторическое образование. В 30 лет, после смерти старшего брата Леандра, наследовал епископскую кафедру в испанском городе Севилье. Во время своего длительного правления архиепархией Исидор укрепил испанскую Церковь проведением синодов, учреждая школы и монашеские обители, борясь с арианской ересью среди визиготов. Он председательствовал на Севильском синоде в 619 г. и на Толедском синоде в 633 г., и возглавлял синод именно он, а не архиепископ Толедский, благодаря своим исключительным заслугам как величайший учитель Испании.

Сознавая огромную важность образования, Исидор добивался того, чтобы в каждой епархии Испании была основана кафедральная школа, за столетия до того, как благоверный император Карл Великий издал подобный указ. Он хотел, чтобы студенты изучали закон и медицину, еврейский и греческий, равно как и античность. Эти школы были аналогами нынешних семинарий.

Столетиями Исидора считали «педагогом средних веков», так как он написал 20-томный труд «Этимология», или *Origins*, энциклопедию, в которой содержались все известные в VII веке в Европе познания. Его *Chronica Maiora* охватывала все мировые события от сотворения мира вплоть до того времени, включая труды других историков Церкви и события из испанской истории. Другая работа была дополнением трудов святого Иеронима по жизнеописанию всех упомянутых в Библии выдающихся мужчин и женщин, с добавленными сведениями о испанских видных личностях. Его исторические книги о готах и вандалах представляют сегодня для нас исключительную ценность. Он также автор уставов для монастырей, включая тех, что носят его имя, которые явились впоследствии примером для всех испанских орденов; книг по астрономии, географии и богословию.

Не являясь философом-мыслителем, святой Исидор оставил после себя труды, оказавших глубокое влияние на средневековых авторов, что подтверждается большим количеством ссылок на его работы в старинных манускриптах.

Исидор очень хотел обратить испанских готов-арианцев. Он переписал для них литургии и требники, известные как обряд the Mozarabic Rite, начатый ещё Леандром, и никогда не переставал проповедовать и разъяснять им их заблуждения все 37 лет своего архиепископства. Он также добивался обращения местных иудеев. Этот выдающийся человек любил подавать бедным, и в конце его жизни в его дом в Севилье нельзя было попасть, так он был переполнен нищими и несчастными из окрестностей.

Когда он понял, что смерть близка, то пригласил к себе двух епископов. Все вместе они пошли в церковь, где один накрыл его

холстом, а другой посыпал его голову пеплом. В этом одеянии каящегося он воздел руки к небу и стал страстно молиться о прощении. Затем получил последнее причастие, призвал к молитве всех присутствующих, простил всех, кто согрешил против него, попросил всех проявлять милосердие, завещал всё своё имущество бедным и отдал душу Богу.

Святой Исидор прославился еще и тем, что он боролся с арианством, председательствовал на многочисленных Соборах, основывал школы, укреплял монашескую жизнь и завершил формирование Мозарабского чина Божественной литургии.

Епископ Исидор был одним из самых плодovitых писателей раннего Средневековья. Ему принадлежит несколько десятков сочинений, среди которых исторические произведения "История королей готов, вандалов и свевов", "О рождении и смерти отцов", "О сиятельных мужах"; трактаты естественнонаучного характера "О порядке творений", "О природе вещей"; назидательные сборники "Сентенции", "Синонимы", "Некоторые аллегории Священного писания", "Книга чисел", церковные и монастырские правила, обширная переписка с современниками.

Вскоре после вступления на престол вестготского короля Сисебута (612—620 гг.) его духовный наставник и старший друг Исидор Севильский преподнес ему свое сочинение «О природе вещей» ("De natura rerum"). Этот трактат был написан по просьбе молодого короля, что явствует из обращения Исидора, предпосланного трактату. Правление Сисебута было последним относительно стабильным периодом существования Вестготского королевства.

Исидор, питавший к нему не только чувства, которые требуются от подданного, пусть даже занимающего высшие ступени в общественной иерархии, но и вполне отеческие, высоко оценивал деяния и политику Сисебута, считая его «образцовым монархом». Не менее он ценил и то, что Сисебут был покровителем наук и искусств в Вестготской Испании, на его время пришелся расцвет так называемого «вестготского ренессанса», точнее — оживления интеллектуальной жизни страны, быть может не столь выдающегося по своим конкретным проявлениям и достижениям, если сравнивать его даже с позднеримской эпохой или с подъемом культуры в Остготской Италии, но весьма впечатляющего при сравнении с той атмосферой культурного упадка и идейного безвременья, в которой пребывала в первой половине VII в. Западная Европа.

Исидор к тому времени стяжал славу как христианский богослов, однако его интеллектуальные устремления всегда были направлены и на другие цели — сохранение и популяризацию античной образованности. Главный труд его жизни (кстати, также отчасти вдохновленный королем Сисебутом) — «Этимологии» — составили фундамент средневекового образования, включив в себя сводку по всем основным отраслям знания, представленным в поздней античности.

Трактат «О природе вещей» был написан прежде «Этимологии», но по тематике он перекликается с ними, в особенности с XIII и XIV книгами, посвященными описанию Земли и ее частей. Тематика, близкая к той, что затрагивается в «О природе вещей», вкраплена и в некоторые другие книги «Этимологии». Исидор, отличавшийся значительной для своего времени эрудицией, всегда тяготел к

грамматическим и риторическим основаниям культуры, однако его интересовали и вопросы, относящиеся к сфере «философии природы». Так, в своих «филологических» сочинениях «Различия», «Сентенции» он рассматривал вопросы о возникновении мира, градации (иерархии) творений и др. В той мере, в какой это было принято в христианской экзегетической литературе, Исидор обращается к ним и в своих теологических сочинениях, в особенности в «О порядке творений», в комментариях к библейской «Книге Чисел» и в некоторых других.

Исидор обратился к созданию трактата «О природе вещей» после многих лет занятий толкованием и комментированием библейских текстов. Большую роль в этом, как уже говорилось, сыграла просьба короля Сисебута. Однако сама эта просьба, вероятно, могла быть вызвана субъективными и объективными причинами. Интерес короля к «натурфилософской» проблематике в немалой степени был сформирован самим Исидором, который был его учителем и советником. Не случайно в обращении к Сисебуту Севилец ссылается на пример «идеального государя» — библейского царя Соломона: «Изучение природы всех этих вещей не следует оставлять суеверному суждению, если можно рассмотреть их с помощью здравого и трезвого разума. Ведь если бы изучение этого предмета не имело совсем никакого отношения к исследованию истины, никогда не сказал бы мудрый царь таких слов: „Он сам дал мне истинное знание того, что есть, чтобы я знал и расположение неба, и свойства элементов, и изменения обращения [светил], и деление времен [года], и смену лет, и расположение звезд"».

Стремление к знаниям, считал Исидор, должно входить в необходимый набор качеств «идеального государя», а поэтому он стремился привить его своему питомцу. Сисебут неплохо усвоил

наставления учителя. Он сам написал любопытную астрономическую «поэму», возможно являющуюся откликом на лунные затмения 611 и 612 гг. и на солнечное затмение 2 августа 612 г. Король несколько наивно и косноязычно, но старательно пытался передать те положения, которые мы находим в трактате Исидора «О природе вещей».

Трактат Исидора был предназначен не только для короля, но и, вероятно, для определенного интеллектуального круга. Намек на это, как представляется, содержится в обращении, предпосланном трактату. Во всяком случае, в дальнейшем это сочинение использовалось для обучения клириков космографии, о чем свидетельствует его распространение прежде всего в школьных центрах Западной Европы.

О влиянии трактата Исидора на раннесредневековую образованность говорит хотя бы тот факт, что до настоящего времени дошло 17 рукописей, полностью или фрагментарно содержащих это сочинение, относящихся, по классификации публикатора этого трактата французского ученого Ж. Фонтэна, ко времени от начала правления Сисебута (т. е. от 612 г.) до Карла Великого (IX в.). Фонтэн составил карту распространения трактата «О природе вещей» в Европе раннего средневековья. Созданный в Севилье, трактат был вручен королю в Толедо.

Вслед за этим его списки попадают в Сарагоссу, далее — во Флери, Сен-Дени и Камбре (Франкское государство), затем — на территорию Италии, в Монтекассино, а также в германские аббатства Фульд и др., а затем — в монастырь в районе Зальцбурга. Одновременно рукописи трактата появляются в Нортумбрии и Ирландии. Таким образом, рукописи трактата образуют несколько

ветвей: испанскую, галло-французскую, итальянскую, германскую, английскую, ирландскую. Произведение Исидора не лежало мертвым грузом, а переписывалось в монастырских скрипториях и изучалось в монастырских школах.

Сочинение Исидора «О природе вещей» — этапное. Это своеобразный «перекресток» предшествующих античной (языческой), христианской традиций и последующей средневековой интерпретации природы. В науке давно уже стало стереотипным утверждение, что средневековье не имело подлинного интереса к изучению природы. В странном на первый взгляд контрасте с этим утверждением находится простая констатация существования многочисленных средневековых трактатов «О природе вещей», «О мире», «О природе мира», энциклопедических сочинений, значительную часть которых составляют рассуждения «О природе».

Собственно, трактат Исидора открывает многовековой ряд подобных творений. Природа и мир не выпадают из поля зрения средневековых авторов, напротив, они, кажется, неизменно притягивают их. Вместе с тем, открыв любой из этих манускриптов, мы столкнемся с миром и природой, как будто знакомыми современному человеку и одновременно незнакомыми, узнаваемыми и неузнаваемыми. Дело не только в том, что современный человек имеет совсем иные, научные представления о строении Вселенной, о Земле и явлениях природы.

Исидор в то время стяжал славу как христианский теолог, однако его интеллектуальные устремления всегда были направлены и на другие цели — сохранение и популяризацию античной образованности. Главный труд его жизни (кстати, также отчасти вдохновленный королем Сисебутом) — «Этимологии» — составили

фундамент средневекового образования, включив в себя сводку по всем основным отраслям знания, представленным в поздней античности. Исидор обратился к созданию трактата «О природе вещей» после многих лет занятий толкованием и комментированием библейских текстов. Большую роль в этом, как уже говорилось, сыграла просьба короля Сисебута.

Однако сама эта просьба, вероятно, могла быть вызвана субъективными и объективными причинами. Интерес короля к «натурфилософской» проблематике в немалой степени был сформирован самим Исидором, который был его учителем и советником. Не случайно в обращении к корлю Сисебуту Севилец ссылается на пример «идеального государя» — библейского царя Соломона: «Изучение природы всех этих вещей не следует оставлять суеверному суждению, если можно рассмотреть их с помощью здравого и трезвого разума. Ведь если бы изучение этого предмета не имело совсем никакого отношения к исследованию истины, никогда не сказал бы мудрый царь таких слов: „Он сам дал мне истинное знание того, что есть, чтобы я знал и расположение неба, и свойства элементов, и изменения обращения [светил], и деление времен [года], и смену лет, и расположение звезд“. При жизни его почитали как чудотворца.

Особое место не только в наследии епископа Севильского, но и в средневековой культуре вообще занимают его "Этимологии" в 20 книгах - первая всеобъемлющая энциклопедия Средневековья, содержащая сведения, которые должен был знать каждый образованный человек.

Современники Исидора чрезвычайно высоко оценили его вклад в развитие культуры. О нем восторженно отзывались Браулион,

Ильдефонс Толедский, Мартин Брага и др. Валерий из Биерцо писал: «Поражая блеском своего языка, выдающимся трудолюбием, постигнув в совершенстве искусство философии, он возродил основы римской мудрости».

Хвалы Исидору расточали деятели «каролингского возрождения». Им восхищались Винсент из Бове, Федегар, а Данте включил его в число высочайших духовных авторитетов и поместил в рай:

...пылают, продолжая круг,
Исидор, Беда и Рикард с ним рядом,
Нечеловек в превысшей из наук.

Архиепископ Севильский считается самым образованным человеком своего времени. Не только потому, что Церковь назвала его Учителем Церкви вскоре после его смерти, или потому что он автор Этимологий, но потому что он являлся для нас примером человека, в котором соединились святость и просвещённость.

Образованность не отвернула святого Исидора от святости. Наоборот, именно святость позволила ему стать столь высокообразованным. Святой, посвятивший себя Богу, оказался наделённым талантами от Святого Духа; и учёность была одним из них. Такое знание, истинная наука, включающая в себя все прочие науки, способствует новым открытиям и преумножает их в любой области, которую она затрагивает.

Святые - это учёные божественного знания, и их собственные работы для нас не менее важны. А великие учёные - своего рода подвижники, поскольку любое открытие приоткрывает божественную тайну. Философ, также как и живописец, исследователь, также как и поэт, является крупным учёным.

Самые образованные люди почувствовали полноту, «запах» святости. В наш век это выглядит цветком; да и как можно что-то различать после пребывания в пучинах пустоты и отчаяния, если, конечно, ещё осталось желание к чему-то стремиться. Современному поколению нужно что-то солидное, прочное. Оно задыхается от истощения и жажды.

Поток жизни продолжает нестись, и всё, что нам нужно, это склониться и отпить из него, чтобы обновить старинные манеры и вступить кротко, без раздумываний или условий в то, что никогда не выйдет из моды и никогда не состарится: в Церковь, в которой сегодня мы молимся святому Исидору, покровителю учёных.

Сочинения Исидора изучали в школах и университетах средневековой Европы. Петрарка свидетельствовал об их распространении в его время, а гуманисты называли Севильца «последним филологом античности».

Это грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, медицина, право и другие науки. В течение многих веков эта энциклопедия была для Европы сводом программных знаний, поэтому святой Исидор издавна считается покровителем учеников и студентов. Это была по существу первая в мире энциклопедия. В ней, с целью объяснения смысла и происхождения слов, собран огромный материал, охватывающий всю сумму знаний эпохи. Сегодня святитель Исидор считается покровителем Интернета, потому что, что Всемирная сеть — это огромная сокровищница человеческого знания.

В искусстве святой святитель Исидор обычно предстает как престарелый епископ с князем у его ног. Иногда он изображается с пером и книгой (часто его Etymologia); с ульем или пчёлами (редко,

что символизирует ораторское искусство); или со своими братьями и сестрой, свв. Леандром, Фульгентием и Флорентиной

Возвращаясь к первенствующей в то время Толедской кафедре, мы вспоминаем св. **Евгения, еп. Толедского** (память 13 ноября). Святитель принадлежал к знатному вестготскому роду, образование получил в монастыре Агалиесе в Толедо, продолжил обучение в Сарагосе под руководством поэта и философа Браулия, епископа Сарагосы, который и посвятил юного инока Евгения в сан архидиакона. В 646 году король Хиндасвит назначил Евнеия Архиепископом Толедо. Святителю Евгению традиционно приписывается трактат «О Троице», к сожалению, до нас недошедшего. Его же преу принадлежат несколько писем, за строками которых мы видим облик их автора- человека робкого и интровертного, но наделенного в то же время живым и восприимчивым умом. Основные темы лирики святителя- страдание, разочарование в мирской жизни, обличение пороков, восхищение Божьим Милосердием, героизм святых.

К наследию святого Евгения относятся также 100 кратких стихотворений, изобилующих образами и ремесценциями из произведений античных авторов. Присущее святителю Евгению блестящее владение техникой стиха свидетельствует о хорошем знании классических авторов: Вергилия, Горация, Марциала, Овидия. Святой Евгений внес весомый вклад в развитие литургических песнопений; с его именем связывают также создание мозарабской литургии. Св. Евгений преставился в 657 г. Святитель был погребен в базилике святой Леокадии в Толедо, его память чтится 13 ноября.

Преемником по Толедской кафедре стал его племянник **св. Ильдефонсо** (память 23 января). Он родился в Толедо в 607 г. Против

воли своих родителей постригся в монахи и позднее стал настоятелем монастыря св. Космы и Дамиана под Толедо. Был учеником св. Исидора Севильского. В ноябре-декабре 657 г. он стал архиепископом Толедо (центральной Испании). Он считается одним из самых значительных представителей позднероманской литературы в вестготской Испании. В центре его созерцательного мышления находится чрезвычайное почитание Девы Марии. Размышлениям о Ней святой посвятил несколько книг. Святой Ильденфонсо принимал также значительное участие в формировании готско-мозарабской литургии в Испании. Умер 23.1.667 г.

Этот славный VII век завершается в 690-х годах тремя выдающимися личностями. **Свт. Юлиан Толедский** (память 8 марта), преемник на Толедской кафедре святых Исидора, Евгения и Ильдефонсо. Св. Юлиан был по происхождению иудеем, но принял крещение у св. Евгения и стал монахом Агалийского монастыря. Он был рукоположен во архиепископа Толедского в 680 г., председательствовал на трех Соборах и стал первым Архиепископом, осуществлявшим юрисдикцию на всей Церкви полуострова. Юлиан был выдающимся писателем, председательствовал на нескольких Соборах и много работал над уставом богослужений. Он преставился в 690 г.

Завершая наш кракий очерк о распространении христианства вна Перенейском полуострове выедем его характерные. черты. Это: верность Евангелию, простота, следование монашеской традиции и аскетизм, единство в разнообразии. Отчасти православие ранних времен Испанской Церкви было византийским православием, поскольку связи с Византией существовали и поддерживались. Тем не менее, применение византийских традиций было довольно

ограниченно. Раннюю Церковь характеризовало существование совершенно определенной монашеской традиции. Корни местной монашеской культуры лежат на Востоке, в пустынях Палестины.

Все святые, о которых мы кратко поведали в нашем очерке, были членами Вселенской Церкви. Она находилась в гармонии с местной ситуацией и обычаями. Существовали большие расхождения между образом жизни различных общин, но они были преодолены. Церковь оставалась единой.

FOR AUTHOR USE ONLY

Глава 3. Распространение веры Христовой на Британских островах

3.1. Иосиф Аримафейский- апостол Англии

Южная часть острова Великобритании населенная бриттами, завоевана была римлянами еще в половине I века до Рождества Христова; при императорах Веспасиане и особенно Траяне и Адриане римское господство здесь было вполне упрочено. Согласно преданию оба первоверховных апостола Петр и Павел проповедовали на территории Британских островов. Поэтому два крупнейших храма в Лондоне посвящены этим апостолам. Это Вестминстерское аббатство – оно посвящено апостолу Петру - и Кафедральный собор Лондона – он посвящен апостолу Павлу. Особо почитается в Англии святой Албаний, который был здесь первомучеником. В III веке христианство проникало сюда из южной Галлии или даже из Малой Азии, с обрядами и учреждениями Церкви восточных, и имело значительное число последователей между туземцами-кельтами (пиктами и скотами, предками шотландцев).

Церковь на Британских островах в первом тысячелетии была частью единой, святой, соборной и апостольской Церкви. За всю историю Православия на Британских островах было явлено не менее 950 святых, имена и дни памяти которых нам известны. Это святые, как Англии, так и Ирландии, Уэльса, Шотландии, Корнуолла и отдельных маленьких островов. Большинство святых имеют местное, региональное значение, они были известны и почитаемы в каких-то отдельных графствах, маленьких государствах, городах или даже

деревнях на территории Британии. Несколько десятков святых Британских островов имеют общенациональное значение, их вклад во Вселенское Православие велик, поэтому можно смело сказать, что их значение универсально. Немало святых Британии были широко известны и далеко за пределами своей страны.

На Британских островах существовали совершенно разные типы святости. Среди райских небожителей, теперешних молитвенников небесных, живших некогда в Англии, люди бедные и богатые, простые и образованные, ученые и богословы, короли и простолюдины. Также отшельники, настоятели и настоятельницы монастырей, священники и епископы, аристократки и королевы, мореплаватели и проповедники, монахини и девы, миряне. Конечно же, с самых первых веков христианства до середины XI века было в Англии и много мучеников.

Когда впервые на остров Британию было принесено слово Божие? Имея многочисленные и легенды и предания (причем первые, в отличие от вторых, довольно сомнительны), кажется, не очень разумным даже пытаться отвечать на этот вопрос. Но именно это мы и постараемся сделать с помощью отцов Церкви, святых Божиих и местных преданий.

Одно из средневековых преданий гласит, что **святой праведный Иосиф Аримафейский** посещал английский город Гластонбери. Церковь в Гластонбери издавна считается старейшей Церковью на острове Британии.

Согласно гластонберийской легенде, Иосиф Аримафейский был дядей Приснодевы Марии, богатым купцом, торговавшим корнуоллским оловом. Как гласит предание, Иисус провел несколько «недостающих лет» с Иосифом в Англии, и Иосиф Аримафейский с

Его помощью построил простенькую церковь-плетенку в Гластонбери. После смерти Иосифа тайно похоронили в мраморной гробнице возле той церкви.

Легенды Гластонбери, истории об Иисусе Христе и Иосифе Аримафейском вдохновили Уильяма Блейка, и он написал в начале девятнадцатого века поэму «Иерусалим»:

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик Господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где вечный меч, копьё и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

Как известно из церковной истории, праведный Иосиф был богатым и знатным членом синедриона из города Аримафеи

(Рамафы). Он был тайным учеником Спасителя. В характеристике Иосифа Аримафейского все четыре евангелиста (Мф. 27: 57-61, Мк. 15: 43-47, Лк. 23: 50-53, Ин. 19: 37-42) проявляют поразительной разноречивостью. Это случай, когда разноречивость подтверждает подлинность текста, потому что характеристики гениально дополняют друг друга и очень помогают понять многогранную личность Христова ученика. Больше имя Иосифа Аримафейского в Библии не упоминается.

В древнейшем из канонических Евангелий — Евангелии от Марка, сказано: "Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату и просил Тела Иисусова. // Пилат удивился, что Он уже умер; и призвав сотника, спросил его: давно ли умер? // И узнав от сотника, отдал Тело Иосифу. // Он, купив плащаницу, и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба" (Мар 15:43—46).

Показательно, что о теле Христа заботятся не ученики-апостолы, а благочестивый фарисей (в сцене даже не упомянуты ученики; за действиями Иосифа наблюдают две женщины — Мария Магдалина и Мария Иосиева. В Евангелии от Матфея, где почти дословно повторен этот эпизод (Матф 27:57—60), сказано, что Иосиф учился у Иисуса и что совершенно новая гробница, в которой он положил тело Иисуса, была подготовлена им для себя самого.

Далее евангелист Лука, опиравшийся в на два предшествующих Евангелия, добавляет, что Иосиф был "человек добрый и правдивый", не участвовавший в суде над Иисусом, хотя и бывший членом совета, т. е. Синедриона (Лук 23:50—53). В Евангелии от Иоанна Иосиф изображен как ученика Иисуса, но тайного, "из страха от иудеев", и ему уже помогает в погребении Христа Никодим,

принесший благовония для умащения тела (Иоан 19:38—40). Текст Евангелия от Иоанна уточняет, что похоронить тело Иисуса Христа нужно было спешно, ибо наступала суббота, когда хоронить нельзя, и пещера, приготовленная Иосифом находилась недалеко от места казни, в некоем саду.

Итак, для Матфея Иосиф - богач, для Марка - знаменитый член совета, для Луки - добрый и правдивый человек, для Иоанна – апостол, скрывающий свою учебу у Иисуса Христа. Ибо в отличие от других учеников, ему было что терять и кроме жизни: приличное состояние, положение в обществе. Спаситель не требовал, чтобы Иосиф открыто исповедовал свою веру, раздал имение или вышел из состава Синедриона.

Наверное, Иосиф был не единственным "добрым и праведным" в Синедрионе, но стал единственным, кто отказался участвовать в суде над Иисусом. Хотя он и был членом синедриона, но не участвовал в «совете и деле» иудеев, вынесших смертный приговор Господу. Может быть, от него Церковь имеет все сведения об этом суде над судом, как говорят святые отцы, который совершался тогда, потому что никто из учеников, естественно, не мог присутствовать на нем.

Так, в решающий момент, он поставил Иисуса Христа выше национального, политического и религиозного единства. Он не стал выступать, спорить, убеждать сплоченную ненавистью массу - просто ушел, присоединившись не только мыслью, но и скорбью к ученикам.

Сердце Иосифа в самой страшной ситуации оказалось бесстрашнее и щедрее многих: именно Иосиф просил у Пилата тело казнённого Иисуса, и, получив разрешение снять Его с креста,

похоронил в вырубленной в скале гробнице, принадлежавшей ему самому.

Иосиф был богат, но готов был пожертвовать своим богатством. Он купил и высек в высокой скале очень дорогую гробницу и рассчитывал на то, что будет похоронен на этом месте, так что отдать гробницу ему стоило жертвы. То, что он отдал гробницу Господу, было актом его величайшей любви и поклонения. В Евангелии сказано, что он был искренний и искал Царства Небесного – об истинном духе его.

Благодаря тому, что вместо себя, человека смертного, Иосиф положил Его, Богочеловека, все кладбища и погосты земли Иосифом были освящены. Как Господь вошел в гробницу Иосифа, так Он вошел во все гробы. И как воскрес из гробницы Иосифа Аримафейского, так воскресит из мертвых все человечество земли.

Он снял с Креста тело Спасителя, обернул плащаницей и положили в новом гробе, в котором никто ранее не был погребен. Тут же были Богоматерь и святые жены-мироносицы. Привалив тяжелый камень к двери гроба, они удалились. Считается, что погребением в гробнице Иосифа Аримафейского было исполнено мессианское пророчество Исаии: «Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребён у богатого» (Ис.53:9). В апокрифических текстах — «Евангелии Петра», «Деяниях Пилата» и других — содержатся другие сведения об Иосифе, в большинстве своём легендарные. Так, например, «Евангелие от Петра» сообщает, что Иосиф Аримафейский был личным другом Понтия Пилата.

Затем Иосиф Аримафейский появляется в «Acta Pilati», апокрифических «Деяниях Пилата», известных также в Средние века под названием евангелие от Никодима.

В «Деяниях Пилата» Иосиф Аримафейский представлен как член синедриона, высшего иудейского совета и судебного органа. Как свидетельствует евангелие от Никодима, Иосиф Аримафейский отсутствовал, когда судили Иисуса, и это освобождает его от вины.

Роль Иосифа Аримафейского уникальна и сокрыта в Новом завете.

Его по праву можно назвать апостолом неизреченной любви. Иосиф безумно любил Господа и совершил несколько абсолютно беспрецедентных служений Христу:

- 1) голосовал в синедрионе против смертной казни Христа;
- 2) снял Господа с Креста;
- 3) исходатайствовал у Пилата тело Христа, сохранил тело Господне от осквернения;
- 4) предоставил свою гробницу Тому, Кому нет места ни на земле, ни в земле;
- 5) бесстрашно свидетельствовал в синедрионе, где его избили до полусмерти;

Господь возжег огонь в его сердце, и препоручил Иосифу Свое тело, Свою Кровь, Свою церковь.

А согласно представлению средневекового поэта Робера де Борона³, Иосиф Аримафейский был воином Понтия Пилата, скрытым последователем Христа. После Тайной вечери сосуд Иисуса попал к Пилату. Римский наместник отдал чашу Иосифу, боясь, что его заподозрят в симпатиях к Иисусу Христу.

³ Робер де Борон (Robert de Boron, конец XII — начало XIII века) — уроженец деревни Борон во Франш-Конте. По его собственным словам, он был чиновником и рыцарем на службе Готье де Монбельяра, участника Четвёртого Крестового похода. «Роман об истории Грааля» (у этого произведения есть и распространенное другое название — «Роман об Иосифе Аримафейском»). Две другие части трилогии Роберта не сохранились. От второго романа, «Мерлин», дошли лишь первые 502 стиха, от третьего, «Персеваль», — ни строчки. Но книги Роберта де Борона были в свое время столь популярны, что мы располагаем, и в большом количестве списков, прозаическими транскрипциями этих произведений, что позволяет в некоторой степени судить об общем замысле романиста.

Робер сообщил нам, что через сорок лет Иосифа в темнице навестил император Веспасиан. Императора излечил от проказы плат Вероники, и тогда же он прослышал об Иосифе Аримафейском. Все это время жизненные силы Иосифа поддерживал удивительный сосуд тайной вечери. Веспасиан освободил Иосифа, и он с сестрой Энигией, ее мужем Броном (Хеброном) и несколькими ближайшими друзьями покинул Святую землю. Странникам пришлось голодать, и Иосиф, воодушевленный Святым Духом, создал Круглый стол по образцу стола Тайной вечери. Брон ловил рыбу, и ее возложили рядом с сосудом. Робер де Борон описал неожиданную блаженную трапезу Иосифа и его спутников и назвал таинственный сосуд Тайной вечери Граалем. По его словам, все, кто соприкасается с Граалем, испытывают такую же радость, какую переживает рыба, вырвавшаяся из рук человека в воду.

Старинное предание гласит, что спустя несколько дней после распятия Иисуса Христа фарисеи написали Иосифу Аримафейскому записку с приглашением в синедрион для беседы с ними. Иосиф простосердечно пришел, желая благовествовать им Спасителя, несмотря на опоясывающие страхи и ядовитые взгляды, вонзавшиеся в него тысячами. В синедрионе его допрашивали, пригрозили сделать с ним то, что не смогли сделать с Назарянином – разорвать на куски и отдать на съедение псам. Его упрятали в темницу и окружили десятью воинами. Праведного Иосифа спрятали в подвале дома Каиафы, где за несколько дней до того находился Христос, когда синедрион выносил Ему смертный приговор. На том самом месте, где Господь сказал: "Идите от Меня, проклятые, в огонь геенский, уготованный дьяволу и сынам его", назвав иудейских священников сынами дьявола и дав им удел в огне геенны, теперь оказался Иосиф. Он молился и зывал к

Господу, святой Иосиф услышал сладчайший голос Спасителя: "Я Тот, Кого ты снял с креста".

Как говорит иное, более распространенное предание, святой Иосиф вместе со святыми Марфой, Марией и Лазарем отправились миссионерами в Галлию, после чего другие остались на континенте, а Иосиф отправился проповедовать слово Божие в Британию.

Несмотря на то что, согласно официальной версии, христианство в Британию принес святой Августин в 597 году, из неканонических источников, а также из более поздних летописей явствует, что Иосиф Аримафейский действительно бывал в Британии либо в 37 году, либо в 63-м. Автор этого повествования заявляет, что Иосиф покинул Иудею вместе с группой беженцев. В Массалии (нынешний Марсель) Лазарь и Мария Магдалина задержались, а остальные отправились на север современной Франции, в Галлию.

Затем Иосиф Аримафейский и около десятка других людей (в этом отношении в разных текстах имеются расхождения) отправились проповедниками в Британию. Иосиф морем добрался до Западной страны, король которой, Арвираг, даровал Иосифу и его спутникам земли на Белом острове. Тот, кто интересуется подробностями, может обратиться к книге "Реликвии церкви в Гластонбери", написанной в XII веке Уильямом Малмсберийский. Более раннее изложение роли Иосифа Аримафейского в христианизация Британии принадлежит перу Григория Турского, жившего в VI веке, и носит название "История франков". Другая часть истории, посвященной Иосифу Аримафейскому и первой христианской общине в Гластонбери, касается посаженного им куста боярышника. Остановившись для отдыха на горе Веариол-Хилл, Иосиф воткнул в землю посох, и в этом месте вырос куст боярышника.

Посох же был вырезан из дерева, выросшего из тернового венца, надетого на голову Иисуса перед казнью. Боярышник, растущий в Гластонбери на том же месте, цветет в мае и под Рождество и носит название Священного Терновника.

Согласно преданиям именно праведный Иосиф построил церковь в Гластонбери, посвященную Божией Матери. Возможно, это была самая первая церковь Божией Матери в мире. Церковь сгорела при пожаре в 1184 году. Другие святыни, связанные со святым Иосифом, бережно хранили православные, а затем католические монахи Гластонбери. Икона Божией Матери «Гластонберийская», уничтоженная протестантами (хотя, возможно, она исчезла и раньше), была написана, согласно Преданию, самим Иосифом по повелению Ангела, дабы показать великую преданность Богородице. Возможно, это была первая икона Божией Матери в Англии.

Итак, именно святой Иосиф Аримафейский положил начало делу Христова благовестия на Британских островах по старинному церковному преданию положил, именно он, пришедший с проповедью из Святой Земли. Как известно английский город Гластонбери от Иерусалима отделяют 5300 км.

Около 40 лет назад несколькими иконописцами, в числе и из Русской Зарубежной Церкви, была написана православная икона Богородицы «Гластонберийская». Совершилось чудо, Богоматерь явила Свою милость, и прежнее Ее почитание на этой земле ныне возрождается. В Гластонбери появилось православное присутствие, сюда совершаются ежегодные паломничества православных, проводятся богослужения, служатся молебны, совершаются крестные ходы с гластонберийской святыней – Гластонберийской иконой Пресвятой Богородицы.

Одно предание повествует о родственной связи между Королем Артуром и Иосифом Аримафейским. Обычно родословную Артура через его мать, Игерну – к ее отцу и деду Ламборду, к Мануэлло, Кастеллорсу, Аминадабу, Джосу и, наконец, к Хелаиосу – потомку Иосифа Аримафейского. По тому преданию, что каждый из двенадцати рыцарей Круглого Стола вел свое происхождение от св. Иосифа.

Сегодня Гластонбери представляет собой изумрудную равнину с величайшими руинами – все, что осталось от аббатства пятнадцатого века, разрушенного Генрихом VIII в 1539 году. Стены и колонны лишены крыши; арки, словно влюбленные, которых разделила непроходимая пропасть, все еще стоят на покрытом травой пространстве.

Однако когда-то это был остров – возможно, тот легендарный остров Авалон, где, как гласит предание, умер Артур. В шестом веке равнину окружила вода, но постепенно, по словам Капта, болотистое озеро, обрамлявшее остров, наполнилось слоями торфа, глины и гальки. К первой половине XVI века в этой области все еще насчитывалось шесть озер.

Сначала Гластонбери назывался «Ynis-witrin» - «Зеркальный остров». Впоследствии обнаружили, что он представляет собой идеальное место для выращивания яблок, и тогда он получил имя «Insula Avalonia», от валлийского слова Aval – яблоко.

Археологические раскопки в Гластонбери показывают, что расцвет деревни пришелся на период с 50 года до н.э. и до, примерно, 80 года н. э. Жители этой деревни обладали самой развитой цивилизацией в Британии того времени были высоко образованы, искусны в различных видах работы. Они в совершенстве владели

плотницким мастерством, использовали каноэ для прибрежной торговли, строили колесные тележки и добывали свинец, олово и медь.

Деревня Гластонбери имела, вероятно, отношение к торговле оловом. Капт говорит, что металл, добытый в Мендип Хилз, что над Гластонбери, складывали не небольшие лодки и сплавляли вниз по реке Бру. Поэтому озерные деревни Гластонбери могли быть естественными стоянками для купли-продажи. Таким образом, нет ничего невозможного в том, что Иосиф и его соратники, следуя по давно проложенным торговым маршрутам, прибыли в Гластонбери и поселились там, на острове, выбрав уединенное живописное место, цивилизованные обитатели которого в силу естественного выбора первыми услышали слово проповеди.

История располагает свидетельствами, подтверждающими существование раннего христианства в Британии. В любом событии авторы различных текстов со всей убежденностью называют Иосифа самым ранним проповедником христианства в Британии.

По Преданию, когда святой Иосиф начал проповедовать в Гластонбери благую весть Иисуса Христа, местные жители противостояли ему: кричали и забрасывали его камнями. Но он не уstraшился и продолжал проповедь. Однажды, когда на холме Виариал Хилл святой Иосиф говорил в праздник Рождества Христова о том, как Царь царей родился в хлеву и лежал в яслях, толпа стала требовать знамения. Тогда он услышал голос, говоривший ему, чтобы он воткнул свой посох в землю. Святой сделал так, и за несколько минут посох выпустил ветки, почки и расцвел. Видя такое знамение, народ уверовал.

Это растение прижилось. Ботаники относят его к терновнику либо к одному из видов боярышника. Терновник Гластонбери не приживается путем посадки отростков, но его можно привить на родственное растение. Протестанты уничтожили гластонберийский терновник, но побеги его сохранились, и терновник существует по сей день. Начиная с 1929 года вошло в обычай подносить эти цветы правящему монарху.

Именно гластонберийский терновник держит в руке Богоматерь на Гластонберийском образе. Некоторые апокрифы говорят о Чаше Грааля - сосуде с кровью Иисуса Христа, которая была собрана св. Иосиф Аримафейский, совершившим погребение снятого с Креста тела Спасителя. Стоит упомянуть, что повествования, которые несут древние предания, не имеют ничего общего с современными необоснованными фантазиями, такими, например, как "Код Давинчи". Праведный Иосиф мирно скончался в Англии. По Преданию мощи тайных учеников Христа, принимавших участие в погребении Господа, находятся в Иерусалиме. В храме Воскресения Господня (Гроба Господня) ниже уровня пола врасположены два пещерных склепа (кохима) святых Никодима и Иосифа Аримафейского.

По другому преданию, Иосиф после своих многолетних трудов и гонений, чувствуя, что плоть его приходит уже к крайнему истощению, возвратился в Аримафею, в свой родной город.

Святой Иосиф Аримафейский поминается Церковью в неделю жен-мироносиц. Память Иосифа в Католической церкви — 31 августа.

Если же предания об Иосифе Аримафейском вызывают у скептиков сомнения, то абсолютно точно то, что земли, находящиеся в районе устья реки Темзы, торговали оловом со Средиземноморьем

еще задолго до того, как римляне основали в Британии свои поселения и, в частности, построили в середине I века город Лондон.

Далее наш рассказ пойдет о святом **апостоле Аристовуле** (память 4/17 января, 16/29 марта, 31 октября / 13 ноября, а также 15/28 марта в греческих Церквях). Апостол от семидесяти, он был родом с Кипра и приходился родным братом апостолу Варнаве. Об Аристовуле упоминает апостол Павел в Послании к римлянам (16: 10). Восточные источники особенно подчеркивают, что святой Павел отправил святого Аристовула проповедовать в Британию, которую населял воинственный и свирепый народ, особенно на островах Скилли и в Корнуолле. Здесь он много потрудился и много перенес страданий от жестоких и неверующих людей. Его били, тащили по улицам как преступника, смеялись над ним. Он терпел многие неудачи и злоключения. В конце концов народ воспринял от него свет Христов. Аристовул обучал их в вере, крестил, строил церкви, рукополагал пресвитеров и диаконов. Преставился в Британии.

В британских «Генеалогиях святых» сказано, что святой Аристовул был известен под именем Арвистли Хен (переводится как «старец») и что он приехал в Британию с другими людьми – новообращенными евреями и своим собственным сыном по имени Манав. Область на реке Северн в бывшем уэльском графстве Монтгомеришир издавна называлась Арвистли – вероятно, здесь Аристовул и принял мученическую кончину.

Наконец, немаловажно, что восточные источники указывают на то, что в Англии проповедовали первоверховные апостолы Петр и Павел (память 29 июня / 12 июля). Так, византийский агиограф святой Симеон Метафраст († 960) рассказывает, что апостол Петр совершал миссионерские путешествия по странам Востока, затем прибыл в Рим,

а после этого отправился на Запад: в Испанию, северную Африку, Галлию и «Британию».

Святой Симеон пишет, что святой апостол Петр провел много времени в Британии и привел там многих ко Христу, рукополагал епископов, священников и диаконов. В Британии апостолу Петру явился ангел и повелел ему возвращаться в Рим, чтобы претерпеть распятие и мученическую смерть. Хотя о проповеди апостола Павла в Британии говорится меньше, но свидетельства об этом сохранились достаточно определенные. После миссионерских поездок по Ближнему Востоку и странам Малой Азии он основал Церковь в Риме, миссионерствовал в Италии, Испании, Галлии, а затем вышел в Атлантический океан и доплыл до Британии.

Примечательно, что до наших дней в Лондоне сохранились, возможно, старейший в этом городе собор, посвященный апостолу Павлу, и старейший после него собор в Вестминстере, посвященный апостолу Петру.

В заключение скажем, что, конечно, у нас нет доказательств, подтверждающих, что святые апостолы и лица из их окружения (в том числе и праведный Иосиф Аримафейский, о котором сложилось столько легенд) когда-либо посещали Британию. Но никто не имеет достаточно доводов, чтобы доказать обратное. К тому же, приведенные нами мнения и наблюдения имеют большой авторитет в Православной Церкви. Их невозможно просто так отвергнуть. Думаем, было бы интересно добавить в конце немного местного фольклора, подтверждающего, что апостолы все же были в Британии, о чем свидетельствуют письменные предания.

Хорошо известно также о существовании торгового пути из Средиземноморья в Корнуолл. Согласно шотландской средневековой

легенде, апостол Андрей посещал Шотландию. Надо сказать, что, хотя нет доказательств, подтверждающих истинность этого позднего предания, но нет и доказательств, опровергающих это событие.

Скорее всего, предание, рассказывающее о посещении апостолом Андреем Шотландии, не стоит понимать буквально: оно просто связано с пребыванием в этой стране части его мощей в первые века нашей эры, что является достоверным фактом.

3.2. Распространение христианства в послепостольские времена

Так же как и Галлия, с которой она была в постоянных сношениях, кельтская Британия имела в IV веке христианское меньшинство и входила в римский христианский мир. Епископы этого острова принимали участие в большинстве соборов, связанных с арианскими спорами. Пелагий, учения которого принесли столько забот святому Августину Гипонскому, отцу и учителю Вселенской Церкви, был британец. Источники четко свидетельствуют о существовании епископских кафедр в Eboracum (Йорк), Londinum (Лондон). Между тем в ту же пору политическом быту Великобритании произошли перемены, имевшие большое влияние на распространение в ней христианства.

После 407 г. завоевания варваров на континенте принудили римские войска покинуть Британию. Собственно в Англии христианство было уже давно распространено между старыми бриттами. Последние, после того как римляне оставили их, при своем внутреннем разъединении, были не в силах защищаться от нападений пиктов и скоттов, а потому в 449-ом году пригласили на помощь языческих англосаксов из северной Германии.

Последние завоевали южную и среднюю часть острова для себя и повели упорную истребительную войну против бриттов, все более и более отодвигавшихся в западном направлении, из которых многие бежали в Арморик (в Галлии), которая потом чрез это была переименована в Бретанию. Уэльс и Корнуэлл остались главными центрами старого кельтского народного племени. Еще в начале VI-го века здесь были цветущие монастыри, превосходные епископы, как святители Давид, Дубриций и другие. Но для обращения англо-саксов ничего не было сделано старым британским духовенством ; наоборот, само оно в завоеванных областях впадало в дикость. Ненависть между победителями и побежденными была чрезвычайно сильна; первые трактовали последних, как рабов, не позволяли им возобновлять разрушавшиеся церкви, а сами они упорно пребывали в язычестве.

В 441—442 гг. остров был захвачен языческими племенами из Северной Германии—саксами и англами. Местные жители, кельты, из которых многие были христианами, нашли убежище в тех местах, которые теперь именуется Корнуэлл, Уэльс и французская Бретань. О Церкви на беспокойном острове продолжали пастырски заботиться как Рим, так и епископы Галлии. По указанию папы Целестина святой Герман Оксеррский дважды ездил в Британию (429—431 и 446—447), основной его целью была борьба с пелагианской ересью, но причины этих поездок были и миссионерскими, и пастырскими.

Существуют также легенды о распространении христианства в Шотландии. Одна из таких легенд сообщает, что в IV веке греческий монах, святой Регул, привез туда мощи святого апостола Андрея, обратил в христианство короля и построил храм.

В начале V века римляне почти совсем оставили свои британские владения; на смену им с материка Европы пришли (449 г.) воинственные англосаксы, завладели южной частью Великобритании и основали здесь семь королевств.

Когда ослабленный Рим вывел из Британии свои легионы, Церковь на Британских островах лишилась мощной поддержки и стала полагаться на свои собственные силы. Англосаксы уничтожили христианство в восточной части острова. В западной части, им неподвластной, Церковь выжила, поддерживаемая со стороны дочерней Ирландской Церкви. Теснимые германскими завоевателями, кельтские племена нашли пристанище в горах Уэльса и Корнуолле.

Некоторые из бриттов переселялись на континент, Галлию в Арморик, просвещенную их предками. У британского автора Гильды, жившего в первой половине VI века, сохранилось интересное свидетельство об этом переселении: «Они садились на суда, испуская громкие жалобы, и, когда ветер надувал их паруса, они пели с Псалмопевцем: «Господи! Даль еси насъ яко овцы, снеди, и во языцехъ разсеяль ны еси" (Пс.43,12)». По этому фрагменту можно судить о духовном состоянии кельтов, которые, будучи еще недавно язычниками, так глубоко восприняли Истину Христову.

Кельтская Церковь имела своих святых, из которых самый знаменитый – **святой епископ Давид** (520-588). Он один из четырех покровителей Британских островов. Коренной житель Уэльса, владыка Давид обратил ко Христу многих обитателей этой страны. В народе епископа прозвали "Водяной человек": из всего строгого уклада жизни его монастыря более всего поражал полный отказ от спиртного. В эпоху, когда не было электронных или бумажных наркотиков: телевизора, радио, кино, газет, детективов, когда не было

даже чая, вино и пиво было единственным средством как-то скрасить уныние будней. Не слишком чуткие люди считали, правда, наркотиком религию; они бы заявили, что понимают св. Давида и других христиан, воздерживавшихся от алкоголя. Что ж, можно назвать религию опиумом - но ведь и человека можно назвать курицей без перьев. Царство Божие не украшает жизнь - скорее, жизнь есть украшение Царства Божия.

Монастыри, основанные им при содействии монахов стали средоточием христианской веры. Христианские общества сохранялись не только на востоке Англии, но и в ее центральных областях, занятых англосаксами.

Восстановление в Британии общепринятых норм церковной жизни наступило только с обращением англосаксов, осуществленным под покровительством папы Григория Великого в начале VIII века. В конце IV века в проповеди христианства подвизался один из первых кельтских миссионеров – **святой епископ Ниниан**. Достоверных сведений о его жизни, дате и месте рождения практически не сохранилось.

По преданию Св. Ниниан появился на свет в Камбрии. Он был сыном одного из лояльных Риму британских королей и, с детства отличаясь набожностью, отправился в вечный город, где много учился. Затем он пошел в Галлию, где продолжал учебу у святого Мартина Турского. В Риме он был посвящен в сан епископа, а затем получил от римского папы Сириция задание обратить в христианство языческие племена пиктов. Вернувшись на родину, Ниниан отправился на север от Британии – в Каледонию, туда, где жили язычники-пикты.

Известный средневековый историк и писатель, **Святой Беда Достопочтенный** повествует о том, что в 397 г. Ниниан прибыл в Уитхорн, поселение на юго-западе Шотландии, заложил там каменную церковь, названную Candida Casa — т.е. Белый дом — и приступил к миссионерской деятельности среди племен бриттов. Затем он отправился на север, где начал проповедовать христианство на южных территориях пиктов. Считается, что в своих миссионерских странствиях Св. Ниниан добрался до Шетлендских островов.

Британские историки справедливо считают Ниниана просветителем южных пиктов. Его кафедральный собор, именовавшийся "белым домом" (Candina Casa), был посвящен святому Мартину. И это не случайно: подобно Мартину Турскому, обратившему в христианство галлов, Ниниан многих привел к вере в Истинного Бога (15,49). Candina Casa стала важным миссионерским центром, из которого последователи Ниниана продолжали его дело. Сохранилось известие о том, что несколько ирландских вождей училось при этом храме".

Из многих спорных вопросов, связанных с изучением пиктов, вопрос о роли, которую сыграл святой Ниниан в обращении пиктов, вызывал едва ли не самые ожесточенные дебаты. Некоторые историки заходят так далеко, что вообще отрицают наличие каких-либо достоверных сведений о миссии Ниниана к пиктам. Другие полагают, что Ниниан вел активную миссионерскую работу на севере, заложив многочисленные монастыри. Сведения о жизни и деятельности Ниниана — самые смутные, и именно поэтому полемика по этому вопросу не прекращается до сих пор.

В этой полемике затрагиваются многие важные вопросы. Если мы действительно можем доказать, что Ниниан успешно осуществил

миссию к пиктам, тогда именно ему принадлежит честь называться крестителем Шотландии, а труды святого Колумбы (о котором мы поведаем ниже), жившем более века спустя, представляются менее значительными. Некоторым шотландским историкам кажется, что Колумба — символ ирландского влияния и «кельтской», церкви, в то время как Ниниан (хотя он и был бриттом!), по крайней мере, не ирландец и воплощает собой единение с Римом.

К счастью, наиболее грубые издержки национализма в изучении вопроса о Ниниане уже ушли в прошлое. Сейчас основной задачей является тщательный анализ поздних письменных источников, чтобы найти в них следы ранних подлинных фактов. Раньше эти поздние материалы или полностью принимались, или полностью отвергались, в зависимости от точки зрения отдельных специалистов. В кратком очерке мы сосредоточимся на более широких аспектах проблемы места Ниниана в истории пиктской церкви.

В Уайтхорне археологи обнаружили остатки сооружений, которые отождествили с церковью, первоначально основанной здесь святым Нинианом. Внешние стены здания были покрыты штукатуркой кремового цвета, что сочли впечатляющим доказательством того, что это здание и есть *Candida casa* — Белый дом; именно так, согласно летописи Беде, называли церковь Ниниана. Если принять такое отождествление, тогда получается, что Ниниан жил приблизительно во второй четверти V века.

Однако недавно было высказано предположение, что слово *casa* — не очень подходящее название для остатков этой древней церкви. Понятие *casa* является обозначением очень скромного здания, чего-то вроде хижины. Каменное сооружение с белеными стенами, таким образом, могло быть построено близким преемником Ниниана. Это

было зримое воплощение смиренного, «чистого» жилия святого, в котором он поселился, когда прибыл в Уайтхорн — только на сей раз выполненное из долговечного материала. Если согласиться с таким предположением, то надо думать, что Ниниан жил и работал несколько раньше — в начале V века.

Помимо материалов, относящихся непосредственно к Ниниану, у нас есть только одно свидетельство распространения христианства среди пиктов в то время. Примерно в середине V века святой Патрик, просветитель Ирландии, написал письмо воинам Коротика, короля бриттов Стратклайда, текст которого дошел до нас. В этом письме Патрик осуждает воинов за то, что в ходе набега на Ирландию они приняли участие в истреблении группы христиан. И вместе с ними в этом позорном инциденте приняли участие и «недостойнейшие, негоднейшие вероотступники-пикты». Это недвусмысленное заявление предполагает, что когда-то, ближе к началу V века, данная группа пиктов была христианской. Это говорит в пользу более ранней датировки Ниниана.

Самое важное свидетельство и о жизни Ниниана, и о его миссии к пиктам — это пассаж в «Церковной истории» преподобного Беда. В главе, где рассказывается в основном о миссии святого Колумбы к пиктам, предпринятой в VI веке, Беда рассказывает, что по традиции южные пикты были обращены «уже давно» священнослужителем по имени Ниниа — «епископом и святым человеком из племени бриттов, который получил должное образование в Риме».

Святой Беда, скорее всего, добыл эти сведения от Пектхельма — первого епископа англского епископата в Уайтхорне, основанного как раз перед тем, как Беда закончил свою «Историю». Источником для Пектхельма, скорее всего, послужило кельтское «Житие святого

Ниниана», ныне утраченное. Трудно сказать, содержалось ли утверждение об обращении пиктов Нинианом в утраченном «Житии», однако маловероятно, чтобы англосаксы взяли на себя труд выдумать подобную историю о миссии к пиктам.

Представляется, что сам Беда ничего не знал о церкви Ниниана в стране пиктов как в его время, так и в прошлом. Судя по «Истории» в целом, Беда определенно считает, что вся церковь пиктов — детище святого Колумбы. Единственное упоминание о Ниниане — это пассаж, который довольно неловко вставлен в рассказ о миссии Колумбы. В самом том, что деятельность этих двух миссионеров отнесена к разным регионам — югу и северу и обращение пиктов происходит в две стадии, есть нечто искусственное. Ни один другой источник не предполагает, что влияние Колумбы на севере было ограничено. Таким образом, вполне возможно, что и миссия Ниниана в Уайтхорне должна была охватывать всю территорию пиктов.

У нас нет данных о том, что активная, действующая церковь, основанная Нинианом, существовала когда-либо у пиктов бок о бок с церковью Колумбы. «Житие святого Ниниана», созданное в XII веке, где можно было бы ожидать найти хоть какие-то сохранившиеся до того времени традиции, практически не содержит никакой информации о пиктской миссии Ниниана, которой не было бы у Беды. Миссии посвящена отдельная глава, но фактически это — попытка сказать хоть что-то, когда сказать на самом деле нечего.

В тех областях Шотландии, которые были пиктскими, есть много посвящений святому Ниниану, однако пользы от них немного, поскольку древность каждого отдельно взятого посвящения невозможно доказать. Замечательная находка раннесредневекового клада металлических предметов на острове Святого Ниниана

(Шетлендские острова) заставляет полагать, что существовавшая на острове до викингов церковь была посвящена святому Ниниану, но нужно еще доказать, что она была посвящена именно в этот период, а не гораздо позже. С уверенностью можно сказать, что большинство посвящений святому Ниниану принадлежат к периоду возрождения его культа в XII столетии, а не ко времени пиктского господства.

Предполагалось, что представители основанной святым Нинианом церкви составили римскую партию, деятельность которой привела к разрыву с церковью святого Колумбы в начале VIII века. Гораздо вероятнее, что римская партия в церкви того времени обязана своим появлением нортумбрийской оккупации страны пиктов и последующему влиянию епископа Уилфрида и позднее — епископа Трумвине на пиктские церкви в оккупированных областях.

Следовательно, четких следов деятельности святого Ниниана среди пиктов мы пока найти не можем. Но все-таки весьма вероятно, что первый английский епископ Уайтхорна действительно сказал Беде, что Ниниан обратил пиктов и что эта информация пришла из раннего кельтского «Жития» Ниниана, ныне утраченного. По крайней мере, есть хоть одно серьезное достижение в решении этой проблемы: теперь точно доказано, что в Гэлоуэе никаких пиктов никогда не было: сейчас это считают средневековым мифом.

По крайней мере, теперь мы знаем, что пикты, о которых идет речь, — это пикты к северу от линии Форт — Клайда. Представляется, что Ниниан действительно работал среди пиктов, однако результаты оказались непрочными, и выжившие церкви и монастыри быстро слились с церковью Колумбы. Бритты забыли и о них, и об их патроне, бриттском епископе Ниниане.

Пока Ниниан проповедовал на севере, еретическое учение британца Пелагия, получившее распространение на востоке острова, благодаря трудам его ученика Агриколы стало быстро распространяться на Британских островах. Пелагий считал, что первородный грех не изменил природу человека, и что человек может достичь полной святости благодаря добрым делам. Эта ересь так укоренилась, что британские христиане обратились в Галлию за поддержкой. В 429 году два епископа, Герман и Луп, отправились к ним на помощь. Как известно, епископ Герман проповедовал по всей стране и снискал такой авторитет, что был поставлен во главе британской армии, сражавшейся со скоттами и пиктами. Первым его делом было обращение и крещение тех воинов, которые не были еще просвещены верой во Христа.

Англосаксы были язычники, и распространение христианства в Великобритании на некоторое время было задержано ими; бритты-христиане были сильно стеснены ими. Только спустя более чем столетие англосаксы стали принимать христианство.

Возникновение и становление древней английской Церкви стало основным фактором, благодаря которому началось осознание англосаксами своей национальной идентичности. Уже в начале 8 века святой летописец Беда Достопочтенный, автор «Церковной истории английского народа», подчёркивал единство всех малых королевств «в составе одной великой английской нации». Именно поэтому христианская составляющая духовной культуры англосаксонского периода английской истории заслуживает тщательного изучения.

Обращение англосаксов в христианскую веру было начато римлянами, однако есть все основания полагать, что успешное развитие этого процесса было во многом определено миссионерами из

Ирландии. Дело в том, что для Англии 7 века существовали два миссионерских центра: далёкий Рим с одной стороны, и близкие «святые острова», населенные кельтскими православными иноками, Линдисфарне - Айона с другой.

Умилительные описания смирения и праведности миссионера Айдана с Айоны, приглашённого королём Освальдом, образуют контрастное сопоставление с повествованием о римском миссионере Лаврентии, преемнике Августина. Тот, напуганный рецидивом язычества в Лондоне, собирался покинуть Британию. Однако во сне ему явился св. апостол Пётр и изрядно его высек за попытку уклониться от миссионерского долга. Высек так, что остались следы побоев, которые, будучи предъявлены королю, привели последнего в трепет. Думается, этих примеров достаточно, чтобы показать различия между двумя типами духовности.

Традиция Линдисфарне - Айоны при этом видится в полном смысле слова православной, то есть соответствующей основным заповедям Христа о любви, смирении и кротости: «...и научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим.» (Мф. 11, 29). « И аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь.» (1 Кор. 13).

Увы (или к счастью) в те времена, как и в любые другие, христианам не хватало властности, умения организовывать и командовать, и только очень сильная королевская власть давала возможность благовестию развиваться и расти, количественно и качественно. Святые короли Этельберт (кстати, анаграмма этого имени толкиеновское «Элберет») в Кенте, Эдвин в Нортумбрии, Освальд, объединивший под своим управлением практически всю

Британию, король Анна в Восточной Англии, имевший четырёх(!) святых дочерей, Освиу в Мерсии. Это далеко не полный список христианских властителей. Мы привели наиболее яркие имена только из 7 века. Причём, практически везде наличествовал именно православный тип христианской духовности, имевший источником главным образом кельтские (ирландские) монастыри.

Невозможно обойти вниманием ещё одну особенность этого периода, весьма многозначительную в контексте современности. Имеется в виду яркий расцвет женского монашества. Святой Беда Достопочтенный упоминает следующих женщин-монахинь, прославленных Английской Церковью в лике святых: племянница св. короля Эдвина Хильда, дочь св. короля Освиу Эльфлад, дочь короля Эадбальда Эорсенгота, её тётя Этельбур.

Все или почти все эти женщины происходили из королевских семей. Многие из них основывали монастыри и становились там настоятельницами. Судя по описаниям Беды они представляли именно древний тип христианской святости, сохранившийся до новейших времён в Православной Церкви. Аскетизм, молитвенность, прозорливость, дар рассудительности. - и всё это при настоящем смирении.

Издrevле высокий статус женщины в германских племенах (вспомним, например, Брунгильду из «Песни о Нибелунгах») не был поколеблен христианством в Англии, скорее наоборот: традиционно отмечается сильное влияние монахинь-настоятельниц в масштабе всей Англии (для 7 века). К ним ездили за советом короли, с ними были в дружеских отношениях святые подвижники - мужчины (например, Кутберт и Эльфлэд).

Подобные фигуры во множестве имели место на востоке - византийские святые царицы, русские благоверные княгини и преподобные - тогда как западная церковь почти не даёт нам таких примеров ни в раннехристианской древности, ни позднее. Даже у континентальных саксов нет ничего подобного - возможно, потому, что они переняли у римлян их тип отношения к женщине. Скандально известный римский (как, впрочем, и позднеэллинический) разврат не способствовал сохранению статуса женщины в обществе, не говоря уже о его повышении.

Отдельного внимания заслуживает кельтское женское монашество. Некоторые исследователи считают, что распространение женских монастырей было связано с особой ролью женщины в друидической религии. Однако пример достаточно хорошо исследованного галльского друидизма говорит о самой принижённой роли женщины в этой религии и галльском обществе вообще. Представляется более основательным вывод о возрастании роли женщины в кельтском обществе в связи с распространением христианства. Именно христианство позволило женщине обрести свое призвание в делах милосердия и молитвы. Наиболее почитаемая кельтская святая -- Бригитта (+525; память 1/14 февраля) -- была крещена самим святым Патриком и вопреки воле своих родителей. Она основала монастырь в Кильдаре, со временем ставший крупнейшим поселением в Ирландии и известный также как "город бедных" благодаря высочайшему развитию в нем служения милосердия.

Англия же была далеко, и именно православный тип христианства способствовал развитию чувства достоинства женщины - причём, любой женщины. Мы считаем это явление фактом именно

духовной культуры, а не психологической особенностью данного национального характера и не затянувшимся последствием матриархата. Потому что идея достоинства женщины оказалась в буквальном и религиозном смысле одухотворена отношением одной из женщин к надчеловеческому бытию: одна из женщин стала матерью Бога, то есть, единственным человеком на земле, которому по сыновнему своему положению повиновался сам Бог.

Достоинство высочайшее, которым никогда не обладал ни один мужчина. Итак, идея достоинства женщины, найдя подходящую почву у англосаксонских племён и не будучи уничтоженной другими культурными влияниями, получила мощное развитие в духовной культуре Англии 7 века. Можно небезосновательно предположить, что англо-американский феминизм последнего столетия - это та же идея, но лишённая высокого духовного содержания.

В середине 7 века произошло очень важное событие, во многом определившее характер христианской культуры в Англии. После сильнейшей эпидемии чумы Англия осталась без архиепископа, то есть некому было рукополагать новых епископов, что являлось совершенно неприемлемым для любой христианской страны. Посланный в Рим для рукоположения Вигхерд умер, не успев принять сан.

Ситуация требовала немедленного разрешения, и папе Виталиану пришлось отправить в Англию в качестве архиепископа человека, для которого языковой барьер не представлял большой проблемы. На весь Рим нашёлся один такой - и тот оказался питомцем Восточного Православия. Святой Беда особо отмечает это, указывая даже на такие внешние признаки, как отсутствие тонзуры и ношение бороды.

Чего не могло и не хотело делать британское духовенство, то взялся совершить в конце VI-го века римский папа Григорий Великий и с добрым успехом. Бывши еще игуменом в одном из римских монастырей, он обратил внимание на англо-саксонский народ. Однажды на невольничьем рынке он увидел несколько молодых полных сил людей этого племени, и тогда он решил быть миссионером этого еще языческого народа. Но в 590-году он был избран на престол святого Петра. Тогда он дал поручение экономам Римской Церкви купить на рынке саксонских мальчиков и доставить их в Рим, которых он имел в виду крестить и подготовить к проповеднической миссионерской деятельности посреди родного им народа. Но это средство только медленно привело бы к цели.

Случилось между тем событие, которое помогло отправить миссию к англо-саксам в самом скором времени. Англо-саксонский король Этельберт женился на франкской принцессе Берте, уже христианке.

Благодаря пастырской мудрости святого Григория Великого (Двоеслова) первым архиепископом Кентерберийским и апостолом английским, основателем христианской церкви в южной Англии справедливо считают святого Августина Кентерберийского. Патриций и аристократ по происхождению, Августин был настоятелем в бенедиктинском монастыре св. Андрея в Риме, который был воздвигнут на деньги семьи будущего просветителя Британских островов. Именно благодаря духовному деланию в обители сформировался характер будущего миссионера.

При таких благоприятном стечении обстоятельств и наличии подходящих кадров папа послал в 596-ом году аббата Августина с 39

римскими монахами в Британию, где к тому времени англосаксы имели уже 7-8 независимых королевств.

На пути в Британию через Францию они услышали столько ужасного о грубости намеченного (предположенного) к обращению народа, что они решили просить у папы разрешение на возвращение их. Но Григорий настоял на своем плане ; он отправил миссионерам рекомендательное письмо к франкским князьям и епископам и дал им совет взять с собою из Галлии толмачей. Они достигли острова Танет (Thanet) в 597-ом г. и попросили у короля Этельберта разрешение проповедовать в его стране.

Посольство прибыло весной 597 г. на остров Танет (Thanet) близ юго-восточного побережья Англии и было хорошо принято королем Этельбертом I Кентским, давшим миссионерам место для обитания в Кентербери и старую церковь св. Мартина, где позволил молиться. При поддержке Этельберта они работали и склонили многих к обращению, включая короля.

Римские благовестники начали свою деятельность в главном городе Дарверне, в храме святого Мартина, где совершалось богослужение для благочестивой королевы. Народ внимательно слушал проповедников. Бескорыстие и строгая жизнь пришедших, чуждых пресвитеров были признаны и оценены. Число обращенных умножилось, и 2 июня 597-го г. крестился сам король.

Через свои рескрипты Григорий I руководил делом миссии с благоразумием и осторожностью. По его указанию не были разрушены языческие храмы, но превращены в христианские церкви, обеды из жертвенного мяса не были запрещены, но удержались как трапезы благодарения, по роду раннейших агап; некоторым недозволенным самим по себе обычаям дано было

христианское значение. Эти педагогически рассчитанные меры принесли свои благие плоды. Кент был центром, из которого христианство распространялось все далее и далее.

Следующей осенью Августин был посвящен в сан епископа. Августина отправить в Галлию, где он получил посвящение во епископа от архиепископа Арльского, викария папы.

На Рождество Христово 597-го г. Августин крестил уже 10000 англо-саксов. Он послал, затем, двух из своей свиты — пресвитера Лаврентия и монаха Петра — к папе с докладом о событиях и с просьбой о новых сотрудниках, также ища разрешения по поводу тех или иных случаев. Григорий I дал нужные указания относительно литургии, о браке новообращенных и об отношении нового епископа к франкскому епископату, вместе с тем послал реликвии и церковные сосуды, как и новых помощников.

Когда общество Августина начало работать еще с более блестящими результатами, папа послал ему в 601-ом г. архиепископский паллий и предписания касательно английской иерархии. Он назначил для Англии двух митрополитов — в Лондоне и Йорке, каждого с 12-ю епископами. Августин должен был пожизненно оставаться первым митрополитом. После его смерти первенство должно было перейти к старшему по годам службы... Но так как тогда Дарверн был главным городом страны, то Августин избрал этот город, как митрополию, вместо Лондона. Принимавшему участие в деле Августина королю Этельберту папа выслал письмо и подарки. Между тем посланный папою Меллит (Mellitus) успешно действовал в Эссексе (Essex). В 604-ом г. он крестил короля этой страны Саберета и основал епископию в Лондоне, где и стал

первым епископом. Пока живы были эти два короля, христианство в Англии развивалось.

В ходе миссии святого Августина тысячи людей Этельберта были окрещены Августином на рождество 597 г., и он вслед за этим отправил двух своих монахов в Рим с отчетом об этом экстраординарном событии и запросом о дальнейшей помощи и совете. Они возвратились в 601 г. с паллиумом (т.е. символом юрисдикции митрополии) от Григория к Августину и с вновь прибывшими миссионерами, включая прославленных святых Меллитуса (Mellitus), Юстуса (Justus) и Полинуса (Paulinus). Папа римский Григорий, с которым Августин общался через своих поборников, указал ему очистить языческие храмы под христианские богослужения и посвятить 12 избранных епископов. Таким образом, ему была вручена власть над всеми британскими епископами, и христианизация Кента началась.

Августин основал Церковь Христову в Кентерберии, как свою кафедру, и монастырь Святых Петра и Павла (известный после смерти Августина как монастырь Святого Августина, где были похоронены первые архиепископы), который стал вторым в ряду бенедиктинских обителей во всей Европе.

Кентерберия, таким образом, была основана как главная епархия в Англии, сохранив эту позицию и впоследствии. В 604 г. Августин основал епископальные епархии в Лондоне (у восточных саксов), посвятив в сан Мелитуса, как епископа, и в Рочестере, посвятив в сан Юстуса.

На встрече с британскими епископами Августин старался, но напрасно, объединить и примирить бриттские (кельтские) церкви северного Уэльса и церкви, основанные им самим. Вторая встреча —

последнее его зафиксированное деяние — прошла в равной степени бесплодно.

Последователем святого Августина стал святитель Феодор из Тарса (Тарс - город апостола Павла): ему добровольно подчинилась вся Английская Церковь. Он преподавал своей пастве не только Святое Писание, но также искусство стихосложения, астрономию, счет.

Им были учреждены школы, где преподавался и греческий язык. Что касается чисто духовного аспекта, то, по весьма авторитетному мнению Беда Достопочтенного, «При этом архиепископе Церковь духовно выросла больше чем когда-либо прежде». А вот высказывание современного историка: «Феодор по воспитанию и образованию был православным с Востока. То удивительное обстоятельство, что первый великий архиепископ, возглавивший Английскую Церковь, происходил из Православного сообщества, до сих пор ещё недостаточно осознано...».

Именно Феодор из Тарса, действуя против ереси монофизитов, собрал, как это изначально было в христианстве и по сей день сохраняется в Православии, представителей всех английских епархий для соборного (как сказали бы в России) решения об истинности или ложности монофизитских воззрений. Английские авторы называют это собрание словом «synod». В русской же традиции синодом называется постоянно действующий орган управления Церковью. То же, что произошло в Хертфорде, по-русски правильнее было бы назвать Собором епископов и духовенства: Хертфордский синод, являющийся вехой нашей национальной истории, особо памятен тем, что это был случай, когда представители англичан собрались вместе для общего обсуждения проблемы и принятия решения. Хертфорд

есть первый предшественник нашей парламентской системы. Хотя потом ещё достаточно долго англосаксы были политически организованы в отдельные княжества, их Церковь уже была единой организацией под председательством архиепископа, и путь к национальному объединению был указан.

В заключении нам хотелось бы упомянуть и про других святых неразделенной Церкви Великобритании. Недавно Священный Синод Русской Православной Церкви на заседании принял решение отмечать Собор святых, в земле Британской и Ирландской просиявших. Празднование будет происходить ежегодно в третье воскресенье после праздника Троицы по юлианскому календарю.

Со времени учреждения Сурожской епархии, и во время пастырского служения митрополита Сурожского Антония, духовенство и миряне епархии стремились сохранять память о многих святых, которые просияли на островах Великобритании, трудясь и проповедуя Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, засвидетельствовав веру в Него через мученичество, монашескую жизнь и пастырское служение в Церкви Христовой.

Традиция нашей Церкви прославляет тех, кто со времен Святых Апостолов, следовал словам Божиим: "Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа" (Матфей 28:19), и нес благовест о Спасителе, проповедуя по земле Великобритании. Евангельское учение было впервые принесено сюда еще в апостольские времена апостолом Симоном Зилотом, Иосифом Аримоефским и апостолом Аристовулом от семидесяти.

Позже, как свидетельствует история ранней Церкви, равноапостольный Константин Великий был объявлен императором в

городе Йорке, а мать его, святая Елена, была по преданию, происхождением из британских земель.

Со времени первого возвещения Евангелия Христа на Британских островах, сотни святых просияли здесь. Память о многих из них была сохранена, и теперь святые ранней, Неразделенной Церкви продолжают читаться не только в Сурожской Епархии, но и во всем православном мире.

Среди древних английских святых наиболее известны:

Святой Мученик Албан (+304), первомученик Великобритании, он пострадал для Христа во времена преследования Диоклетиана, отдал свою жизнь, чтобы спасти христианского священника, крестившего его. Его святые мощи, хранимые в городе, названном в его честь Сент-Олбансом (Saint Albans), почитают в течение многих столетий и теперь им поклоняются в древнем монастыре и соборе, построенном в его честь. Его память - 22 июня.

Святитель, Давид, епископ Меневииски (+601) проповедовал Евангелие уэльсам и установил монашескую жизнь на земле Уэльса. Он защищал Православие от ереси Пелагия, и выступал на Соборе в Бреви в 569 году, который осудил эту ересь. Его чтят как небесного покровителя Уэльса, и его святые мощи почивают в соборе святого Давида в местах, которые раньше носили название Миневия. Его память - первого марта.

Святители Эйдан (+651) и Катберт (+687), епископы Линдисфернские. Святитель Эйдан, первый епископ Линдисферна, был апостолом Нортумберии. Монах монастыря святого Колумбы в Ионе, он был посвящен в епископы в 535 году, чтобы проповедовать Евангелие в Линдисферне.

Преподобный Беда Досточтимый, летописец ранней христианской Великобритании, сообщает нам, что святитель Эйдан был епископом, который благовествовал со страстной любовью и достоинством, но в то же самое время он был полон превосходной мягкости характера. Его память - 31 августа.

Святитель Катберт, известный аскетической жизнью и даром чудотворения, трудился для единства Церквей в Великобритании над преодолением разделений. Его святые мощи, почитают вот уже много столетий в соборе города Дурхама. Его память - 20 марта.

Преподобная Хильда, игуменья монастыря Уитби (+680)
Святая матушка Хильда происходила из знатной семьи. После ее обращения в христианство, она выбрала монашеский путь, и установила известный "двойной" монастырь (с отдельными сообществами монахов и монахинь) в Уитби. С ее помощью был собран знаменитый Собор в Уитби, который в 664 году определил правильную дату празднования Пасхи других церковных праздников. Ее память - 17 ноября.

В наше время торжества материализма и бездуховности пример древних святых необычайно вдохновляет к подвижничеству, к отказу от духовного оцепенения, к исканию Христа. Кельтские святые заставляют нас вспомнить о подлинных целях христианской жизни, о необходимости милосердия, миссионерства и личного подвижничества. Это хорошо понимал святитель Иоанн (Максимович), духовное настроение которого, как нам кажется, наилучшим образом соответствовало кельтской святости.

Святой Феликс, апостол Восточной Англии Феликс родился в конце VI века в Бургундии, на востоке нынешней Франции. Еще юношей он был пострижен в монахи и затем рукоположен в

священники, вероятно, под влиянием монахов ирландского монастыря св. Колумбана в Бургундии. Именно здесь он познакомился с Сигибертом, царственным изгнанником из Земли Восточных Англов, которого он огласил и крестил.

Когда в 630 году король Сигиберт вернулся на Землю Восточных Англов, он попросил Феликса последовать за ним и проповедать благую весть в своем королевстве. С этой целью Феликс был посвящен в сан епископа, вероятно Онорием, архиепископом Кентерберийским, известным своим особым благочестием. Согласно местному преданию, епископ Феликс, отплыв из Кента, проследовал в северном направлении и высадился на берег у развалин бывшей римской крепости, на том месте, где сегодня находится Феликсстов.

Хотя некоторые считают, что в качестве своей резиденции святитель избрал нынешний город Феликсстов, по мнению большинства историков, она находилась в процветающем в то время портовом городе Дунвич (Данвич), расположенном севернее.

По прибытии на место, епископ Феликс развернул энергичную миссионерскую деятельность по всей Земле Восточных Англов. Согласно суффолкскому преданию, именно он научил местное население строить церкви из кремня, коим изобилуют поля Суффолка. Местом своей деятельности Феликс избрал не только основанные им собор и церковную школу, которые, как мы полагаем, находились в Дунвиче, равно как и полуостров вокруг города Феликсстов с близлежащими землями (например, Халлоутри и окрестности Саттон Ху), но и север нынешнего графства. Здесь, в городке Бекклс и в селе Фликстон (которое, согласно поверью, как и Феликсстов, было названо в честь св. Феликса), он проповедовал святую православную веру. Существует также предположение, что он совершил плавание

вверх по течению реки Стур (Стауер) и подвизался как на юге графства, в Судбери, так и в средней части его, основаы совместно со святым Сигибертом монастырь на том самом месте, где ныне находится город Бери Сэйнт Эдмундс.

Вне пределов Суффолка, в Норфолке, святому Феликсу приписывают основание самой древней церкви этого графства, расположенной в Бабинглей, недалеко от города Сандрингхам. Находящиеся поблизости от этого места деревни Шернборн и Флитчам (считается, что последняя была названа в честь св. Феликса) до сих пор сохранили свою связь со святым. Святитель благовествовал также в селении Сахам Тони, в окрестностях Сваффхама, и, возможно, в Кокли Клей, где до сих пор сохранилась очень древняя церковь. Следы его ведут и в Лоддон и Ридхам, расположенные недалеко от Ярмута; здесь он подвизался в тесном сотрудничестве с миссионером из Ирландии – св. Фурсеем. И наконец, согласно преданию, епископ Феликс основал монастырь в Сохаме, в графстве Кэмбриджшир.

Деятельность святителя Феликса находила полную поддержку и понимание благочестивого короля восточных англов Сигиберта. После кончины Сигиберта в 635 году, преемником короля стал его двоюродный брат Анна. Будучи отцом нескольких святых, самая знаменитая из которых – святая Этелдреда (Одри), крещенная и оглашенная епископом Феликсом, король Анна явился гарантом продолжения апостольского подвига в этой стране после кончины святителя Феликса, который преставился ко Господу 8 марта 647 года и сразу же стал почитаться как святой и апостол Восточной Англии.

Глава 4. Святитель Патрик, просветитель и покровитель Ирландии

*" Я Патрик, грешник,
человек весьма неученый,
последний среди всех верных,
совершенно презираемый
многими..."*

("Исповедь")

Жители крупных городов мира за последние годы вполне уже привыкли к тому, что 17 марта на центральных улицах столицы происходит нечто из ряда вон выходящее. Ведь не каждый день увидишь, к примеру, на Новом Арбате процессии людей, разодетых, по преимуществу, в зелёные цвета и с ирландскими триколорами в руках. Не каждый день услышишь бодро вышагивающих волынщиков с их блеющими на всю окрестность волынками (мы в России и гармошку-то родную почти позабыли, а тут – инструмент столь диковинный и сама музыка такая необычная). Не каждый день удивишься на уличных танцоров, кружащихся по мостовой в каких-то явно нездешних стремительных плясках, сопровождаемых бубнами, флейтами и прямо по-цыгански разудалыми скрипками.

И всё это странное людское сборище, радостно бредущее по московскому асфальту, пестрит ещё вдобавок изображениями трилистника – зелёной травки о трёх круглых листочках, известной и каждому русскому ребёнку как кислица, или заячья капуста. Но над всем этим развесёлым балаганом, так некстати оглашающим

московскую землю в дни Великого поста, главенствует некто, ради кого весь этот сыр-бор и затеян. Именно так посольство Ирландской республики ежегодно делится радостью своего национального праздника, посвящённого святому Патрику, Просветителю Ирландии, с Москвой и москвичами.

Святой Патрик именно главенствует, если добавить к этой пёстрой картине ещё и его колоссальную скульптуру, которую мне довелось однажды видеть, случайно пересекшись в этот день с праздничной процессией. Фигура святого, медленно везомая на какой-то платформе, достигала метров семи в высоту. Св. Патрик облачён был в епископские одежды зелёного цвета и высокую митру. В руке он сжимал огромный дубовый посох, а окладистая борода довершала его портрет, в котором столь явственно и знакомо проступали уже черты вполне себе русского архиерея...

Потом вся эта скоморошья компания по своей традиции разбредётся по многочисленным пабам – поближе к пивному апофеозу своего праздника. Нам же, людям трезвящимся и благочестивым, далее идти за праздными гуляками не след, а самое время задуматься о жизни и трудах этого удивительного святого, имя которого у нас, пожалуй, на слуху, но – и только. А ведь имя святого Патрика, по печальному недоразумению отсутствующее в русских святцах, возвращает нас к нашей древней традиции – знать, любить и почитать святых Вселенского Христианства.

Но прежде, чем поведать о благовестнических подвигах святого Патрика, специально отметим, что когда и каким образом в Ирландии появились первые христиане точно не известно. Но точно известно (об этом сообщает Проспер Аквитанский, современник описываемых событий), что в 421 году Папа Целестин I (Celestine) отправил

епископом в Ирландию Св. Палладия (St. Palladius), задачей которого было не только обращение язычников, но и духовное руководство уже обращенными. То есть к этому моменту в Ирландии было уже столько христиан, что им требовался собственный епископ. Миссия владыки Палладия особого успеха не имела.

Через десять лет он был направлен в Шотландию, где вскорости и умер (в 431 или в 432 году н.э.). Папа Целестин в 431-ом году послал новопосвященного епископа Палладия с четырьмя другими миссионерами в Ирландию. Он нашел там только несколько христиан, не организованных в общину. Поэтому он возвратился в северную Шотландию, где вскоре и умер

Как известно, уже в 5-6 веках достигло в Ирландии вера Христова достигла своего расцвета, от которого еще далека была остальная Европа. Нам немало известно об ирландских миссионерах, которые проповедовали Слово Божие в странах Запада, просвещая и Германскую землю, или просто искали спасения в уединении, отшельничестве в нехоженых германских лесах.

Одним из таких отшельников и был св. Ланделин, живший в VI в. По преданию, происходил он из знатного рода. Но отвергнув мирские богатства и власть, святой посвятил свою жизнь Богу. В поисках места для уединенной молитвы, он переправился на материк, пересек земли франков, переправился через Рейн и обосновался в тех краях, где сейчас расположен Альтдорф. Он остановился в семье одного христианина по имени Эдульф.

Эдульф был женат и имел трех дочерей, младшая из которых была слепа. Несмотря на скудный достаток, семья Эдульфа принимала странника так, как если бы это был сам Христос, деля с ним кров и небогатую трапезу. Но Святой не задержался надолго в доме

благочестивого хозяина, стремление к отшельничеству повлекло его в дальнейший путь. Покидая благочестивую семью, Ланделин просил, чтобы его разыскали, если он не вернется к определенному сроку, и указал свой дальнейший путь, чтобы его легче было найти.

Неподалеку в лесу святому Ланделину посчастливилось найти место подходящее для уединенного монашеского подвига. Он построил себе скромную хижину и поселился в ней, питаясь ягодами и кореньями.

На беду, неподалеку находился замок язычника Гизико - Гизенбург. Однажды группа охотников из замка травил оленя. Перепуганное животное в поисках спасения вбежало в хижину отшельника. Когда св. Ланделин вышел навстречу охотникам, старший егерь принял его сначала за обыкновенного разбойника, но увидев, что к Ланделину доверчиво относится дикое животное, что собаки отказались не только наброситься, но и лаять на него, егерь решил, что имеет дело с колдуном. С этой вестью он и бросился к своему хозяину. Гизико приказал немедленно убить отшельника, отсечь ему голову. Смиренно и безропотно принял св. Ланделин мученическую кончину, вознося молитвы за своих убийц. Господь щедро прославил своего верного служителя - на месте гибели Святого из земли забили источники...

Не дождавшись к назначенному сроку своего гостя, жена и дочери Эдульфа отправились на поиски отшельника и вскоре нашли его тело. Они решили забрать тело Святого, чтобы предать его земле на другом берегу Рейна, в христианских землях. Пока женщина с двумя дочерьми собирала ветви, чтобы соорудить носилки, младшая дочь, слепая, оставалась у тела. Не осознавая, что она делает, девушка

омочила пальцы в крови мученика и, проведя ими по глазам, прозрела.

Воздав благодарственные молитвы Господу и Его святому, женщины положили тело на самодельные носилки и отправились в путь. Дойдя до места, где сегодня находится приходская церковь Мюнхвайера, они опустили свой бесценный груз на землю, чтобы немного передохнуть. Когда же они вновь взялись за носилки, ноша их внезапно оказалась такой тяжелой, что женщины не смогли даже приподнять ее. Тогда тело погрузили на повозку, запряженную волами, но животные не двинулись с места. Тут уж стало ясно, что это знак - святой сам выбрал место своего упокоения. Там они и предали земле тело мученика. А чтобы потом легко было найти гроб, женщины воткнули в могилу паломнический посох самого св. Ланделина. А Господь и тут явил чудо - посох вскоре зазеленел став ростком дуба и спустя какое-то время превратился в могучее дерево.

События эти произошли ок. 640 г. (по некоторым сведениям - ок. 680). Довольно рано у гробницы святого мученика стали селиться монахи, а в 728 году епископ Страсбургский Видегерн основал там монастырь. Мощи святого почивают в саркофаге под алтарем церкви в Мюнхвайере, а часть его главы - в церкви Еттенхайма (Еттенхайммюнстер - бывший монастырский храм) и является, вместе с источником, изшедшим из земли на месте кончины Ланделина, основным местом его почитания и целью многочисленных паломников.

Собственно Апостолом Ирландии был святой Патрик. Ко времени его смерти в Ирландии было много епископов, еще более пресвитеров и монахов. Основанные им монастыри были школами веры и убежищами для наук. Женский монастырь был учрежден

около 490-го года Святой Бригиою. Между учениками Патрикия были известны Бенигн (Benignus) или Бенен, архиепископ Армата, и Святой Киран (Kieraa), епископ Клонмакниса ; позже прославился Финиан, епископ Клонарда, со многими другими, так что еще издавна Ирландия была известна, как остров святых. И этом главная заслуга святого Патрика. Однако, как и у других угодников Божьих, его путь к святости был нелегким и тернистым.

Главными свидетельствами жития и подвигов благовестия Святого Патрика являются два документа, предположительно написанные его собственной рукой: его «Исповедь» (Confessio) и письмо, адресованное приближенным Коротикуса. А к числу наиболее ранних и, по всей видимости, наиболее достоверных его жизнеописаний относятся воспоминания о нем, оставленные епископом Тиреханом (ок. 675 г.), а также его Житие (Vita), написанное другим его биографом по имени Муирху (ок. 700 г.). Воспоминания Тирехана, написанные им не на латыни, а на ирландском языке, остались незаконченными. Муирху использовал это сочинение, а также «Исповедь» самого Патрика для составления более подробного жизнеописания Святого. При определенной тенденциозности, неизбежно сопутствующей любому средневековому Житию, “Vita Patricii” обладает несомненными литературными достоинствами и содержит немало любопытных фактов, переплетенных с не менее любопытными легендами.

Хотя имя равноапостольного Патрика связывается главным образом с Ирландией, но родился он в 389 г. на севере Англии в семье знатного британца кельтского происхождения Кальпурния, который совмещал служение диакона и должность городского чиновника на римской службе (напомним, что Британия до 410 г., когда оттуда

были выведены римские легионы, являлась одной из провинций Римской Империи). Мать его носила имя Концесса; она была близкой родственницей святителя Мартина Турского.

Священником был и дед Патрика – Потит. Собственно, новорождённого мальчика нарекли совсем другим, кельтским именем Суккат, а при крещении дали имя латинское – Магон. Много позже св. Патрик напишет свою "Исповедь", из которой нам известны основные события его жизни, начиная с детства. Вместе с двумя сёстрами Магон обучался дома обычному для того времени кругу наук – латыни, истории и Священному Писанию. Он не постыдится сказать о себе, что наука не особенно шла ему впрок, и к шестнадцати годам Магон отнюдь не отличался большой набожностью.

В 405 г. происходит, однако, событие, с которого и начинается постепенный переворот всей его жизни. Ирландские пираты, кормившиеся разбоем и работоторговлей, нападают на богатую виллу Кальпурния, детей которого, включая Магона, и слуг разбойники захватывают как добычу и увозят в Ирландию.

В "Исповеди" есть об этом скорбные строки: "Мы заслуженно всё претерпели, поскольку мы отвратились от Бога, не соблюдали Его заповедей и не были послушны нашим священникам, постоянно напоминавшим нам о спасении. И Господь навел на нас пламень Своего гнева и рассеял нас среди народов, даже до края земли, где я, в ничтожестве моем, теперь пребываю как чужестранец". В Ирландии Магон был продан одному из местных племенных вождей, который, как бы в насмешку над аристократическим происхождением юноши, дал ему прозвище Cothrige, что на местном наречии означало "знатный человек". Со временем имя это трансформировалось в

латинское Патрик, Патрикий (Patricius), поскольку имело то же самое значение.

С этим именем герой нашего повествования не расставался уже никогда. Целых шесть лет прожил Патрик в плену. Однако, совсем ещё молодой человек, к тому же воспитанный в довольстве и сам имевший прежде слуг, не дрогнул душой, оказавшись рабом на чужбине. Годы мытарств, проведённые им в Ирландии, явились для него временем настоящего духовного взросления и молитвенного преобразования. "Я каждый день пас стадо и каждый день молился множество раз. Любовь моя к Богу, страх Божий во мне и моя вера возрастали все более и более и дух мой побуждал меня к тому, что за день я произносил до ста молитв и почти столько же ночью, – и так даже тогда, когда находился в лесу или в горах, и я просыпался до восхода, чтобы молиться – в снегу, на ледяном холоде, под дождем, и я ни разу не занемог и не поденился, ибо, как я вижу теперь, дух полыхал во мне в те дни..."

Господь не оставил своего верного послушника в этих тяжких испытаниях. В сонном видении Патрику открывается путь к свободе; таинственный голос говорит ему, что для него готов уже корабль на побережье, и одного этого становится довольно юноше, чтобы немедля встать и пойти. Куда? Он и сам, должно быть, не знал, куда же именно. Не имея никаких средств и ни малейшей защиты в чужой стране, где беглому рабу, в случае его поимки, оставалась только казнь, Патрик, ведомый Божиим Промыслом, направляется в сторону моря, пешком проходя не одну сотню миль... Там, куда он пришёл, и в самом деле стояло готовое к отплытию судно. Взять его на корабль капитан категорически отказывался – у Патрика при себе не было ни

единой монетки. Но... разве не Сам Господь шёл перед слугою Своим?..

Горячие молитвы юноши услышаны, и он, согласный на любой корабельный труд, покидает берега Ирландии – страны, которая отпустила его всего лишь на время... Патрик оказывается на континенте, в Галлии, разорённой к тому времени войнами и мятежами.

Согласно «Житию», после бегства из ирландского плена он не сразу попал в родную Британию. Та самая «пустынная местность», в которой он оказался вместе со своими спутниками, была, по предположению, Галлией – описание ее навело ученых на мысль о северо-западном побережье Бретани или об окрестностях Нанта. В течение долгого времени Патрик и его спутники скитались по этой действительно пустынной и дикой земле, изнывая от голода и жажды, и лишь на двадцать восьмой день пути наткнулись на человеческое жильё.

Вспоминая об этом эпизоде своей жизни, Патрик пишет о своем «вторичном пленении». Остается неясным, был ли он по дороге захвачен очередными разбойниками или его спутники-язычники обращались с ним не как с равным, а как с рабом. Так или иначе, в своей «Исповеди» он говорит о втором плене, а также о том, как, уже будучи на грани отчаяния, ночью он услышал голос, говоривший ему: «Пребудешь в неволе два месяца». Так и случилось – шестидесятую ночь Патрику удалось освободиться, и он продолжил свое нелегкое путешествие на родину. Целый год Патрик странствовал по Галлии и Италии и лишь затем смог возвратиться домой.

Продолжались годы его новых странствий, снова вдали от родной земли, куда попадёт он не ранее, чем спустя ещё долгие семь

лет. Пройдя всю Галлию с севера на юг, Патрик попадает на остров Лерин, расположенный в нескольких милях от города Канны. Здесь в начале V века основан был знаменитый впоследствии монастырь, населённый по преимуществу монахами-кельтами и державшийся устава восточного образца. Именно здесь подвизался св. Викентий Леринский (+ 450 г.), знаменитый подвижник и богослов, который вполне мог быть учителем Патрика.

В самом деле, после таких испытаний любой нормальный человек должен был бы до конца своей жизни с содроганием вспоминать о тех местах, где ему пришлось пережить столько бедствий. Но похоже, что Святой Патрик, внимая Божьему Откровению, напротив, испытывал необъяснимую тягу именно к таким местам. Вскоре после своего возвращения он опять оставил родину и отправился не куда-нибудь, а именно в Галлию. Там он получил сан диакона и имя Патриция (Patricius), и там же, по всей вероятности, пришел к мысли о том, что он призван проповедовать христианство в той стране, откуда когда-то с таким трудом бежал – в Ирландии. Ведь Патрика не было ни малейших сомнений в том, Кто и куда его призывает.

Нетрудно представить, что пережили родственники едва вернувшегося после стольких лет отсутствия и неизвестности человека, который теперь вновь готов покинуть их, добровольно отправляясь туда, откуда он изведён был чудом. Но, как это почти всегда бывает в жизни святых, – то, чего не понимали родные, знал о себе Патрик: он уже не принадлежит никому, кроме Бога. Нельзя сказать, что Ирландия к тому времени сплошь оставалась языческой; вдоль её побережья, а кое-где и в глубинке существовали

христианские общины, и евангельская проповедь на "зелёном острове" звучала уже давно, пусть и не во весь голос.

И тем не менее всякий, кто решался отправиться туда ради Христова дела, должен был обладать немалым мужеством. Однако, Патрик не сразу возвращается в Ирландию. Прежде он вновь плывёт на континент, в знакомую для него Галлию, где в г. Осерр его ожидает встреча со св. Германом, епископом-миссионером, много сделавшим для крещения британцев. Патрик проходит период обучения под руководством святителя, и вскоре его посвящают в сан диакона.

Как говорит его Житие, он в ту пору «пожелал освободить тех людей, пленником которых когда-то был, из плена инога, более тяжкого, и привести их к свету Христовой веры». Сам Патрик, впрочем, говорит об этом несколько иначе: «Не желал я отправляться в Ирландию... но направил меня Господь, и приуготовил, дабы днесь пребывал я в краю, некогда удаленном от меня, и озаботился — или, вернее, помыслил — о спасении других, тогда как прежде, напротив, не помышлял даже и о себе.»

Ему приснился вещий сон, в котором он слышал голоса жителей покинутого им острова: «Мы молим тебя, вернись, святой отрок, - вернись к нам и будь среди нас». Через некоторое время после этого ему было явлено еще одно знамение, убедившее его в том, что он «призван крестить людей Ирландии». Однако, и в те патриархальные времена такие дела не решались без административных проволочек. Чтобы получить разрешение на миссионерскую поездку в Ирландию, Патрик должен был обратиться к высшим духовным чинам и Синоду Британии.

Поначалу, как водится, ему отказали, посчитав его слишком юным и недостаточно образованным для такой серьезной миссии.

Патрик едва не пал духом, но «Господь укрепил его», и он продолжал настаивать на своей просьбе; ни уговоры, ни предупреждения об опасностях, подстерегавших его в Ирландии, не уменьшили его рвения. В одном из его Житий говорится о том, что Синод согласился отправить его в эту опасную страну во искупление какого-то серьезного проступка, который Патрик совершил в юности. Из «Исповеди» этот момент неясен: Патрик, напротив, говорит о некоем коварном друге, который обнародовал перед всеми его давний, давно искупленный грех, и из-за этого-то греха его так долго не пускали в Ирландию, считая недостойным такой важной и ответственной миссии.

Он стремится поскорее направиться в Ирландию, но Церковь решает пока иначе, и посылает туда другого миссионера из числа клириков – Палладия, который, пройдя все положенные степени, вскоре был ради этой цели рукоположен во епископа.

Однако его миссия оказывается кратковременной и малоудачной. Как мы помним, заболев и вернувшись в Британию, Палладий умирает. Когда в 432 году Патрик, уже в епископском сане, прибыл-таки в Ирландию, ему было уже около сорока пяти лет. Непонятно в таком случае, что имел в виду Синод, говоря о его «юности и неопытности»: то ли в сорок пять лет человек считался еще слишком молодым, чтобы проповедовать язычникам, то ли вся эта волокита длилась столько времени, что из «святого отрока» Патрик успел превратиться в зрелого мужа, успевшего уже принять святительский сан..

Тогда Ирландия страдала от постоянных междоусобиц племенных вождей, именуемых по традиции королями. Все они были

язычниками, и епископ-миссионер, , встретил поначалу весьма недружелюбное к себе отношение.

Первоначально Патрик и его спутники высадились в устье Vantry River , и были сразу встречены враждебно настроенными друидами. Такая первая встреча его не очень обескуражила, он просто решил найти более гостеприимный берег для начала своей миссии, и отправился в Далриада, где в свое время он познал жестокость, и куда с христианским смирением он хотел принести любовь.

Камни, пущенные в св. Патрика и его людей, как нельзя лучше свидетельствовали об окаменелости сердец местных идолопоклонников в отношении к Благой Вести. Следующую свою остановку он сделал в устье Бойна (River Boyne). Вышедшие ему на встречу местные жители с удивлением и радостью услышали весть об Искуплении на своем родном языке. Здесь же он совершил свое первое чудо на ирландской земле: некто Диху выхватил свой меч и хотел сразить святого, но его рука застыла на полпути, потеряв способность двигаться. Так он и стоял не в силах пошевелить ею, пока не стал более дружелюбным. Пораженный Дилху подарил Патрику большой амбар, где стали проходить службы. Это было первое святилище, созданное Патриком в Ирландии. Позже здесь выстроили церковь и монастырь, а место так с тех пор и называется Саул (Sabhall - "амбар" или "сарай" по-гаэльски).

А крепость своего бывшего хозяина Патрик застал охваченной огнем. Слава опередила Патрика, Милху в порыве безумия собрал все свое добро в дом, поджег его и сам кинулся в пламя: гордость не позволила ему оказаться побежденным собственным рабом.

Однако, какое-то время спустя проповедь святого обратила ко Христу сердце одного из местных вождей. Человек этот пожертвовал просторный амбар для устройства в нём первого храма.

Вслед за этим св. Патрик со своими спутниками направился в земли своего бывшего хозяина, у которого некогда находился на положении раба. Вождь этот пришёл в великий страх, решив, что Патрик идёт отомстить ему.

Языческие жрецы – друиды – предсказали напуганному вождю, что Патрик одержит победу, и тот в безумном ужасе зажёл собственный дом и погубил себя в пламени... Миссия св. Патрика медленно, но неотвратно приносила добрые плоды. Сам он ни минуты не сомневался, что вся его жизнь и дело его жизни находятся в крепкой руке Господней. А со стороны человека жизни этого отважного и безгранично уповающего на Бога мужа постоянно исходила угроза.

Делу его упорно противились не столько даже местные вожди-короли, сколько могущественная каста кельтских друидов. "Кто я такой, Господи?.. К чему Ты призвал меня, что Ты содействовал мне с такой божественной силой, так что теперь, среди варваров, я могу постоянно восхвалять и прославлять имя Твое, где бы я ни был, и не только во дни успеха, но и в дни испытаний?" – так будет позднее говорить св. Патрик, оглядываясь на пройденный путь.

Мы упомянули друидов как важнейших противников миссии св. Патрика. Далеко в лесах, укрывшись под сводами сумрачных пещер, на берегах глухих озёр и рек, добраться до которых только и можно было что тайными тропами, жила древняя кельтская религия, её жрецы-друиды совершали своё служение и справедливо считались духовной элитой, аристократами кельтской цивилизации... Влияние

друидов было огромным... Они боролись с римлянами, участвовали в восстаниях и имели высокий политический авторитет... В Ирландии свои загадочные ритуалы друиды совершали в священных рощах, около почитаемых источников... Спорным остаётся вопрос о человеческих жертвоприношениях. Внутри кельтского мира жрецы-друиды были объединены в строго иерархическую организацию, надклановый религиозный орден, который реально обладал политической и духовной властью. Вот с этими-то людьми и предстояла святителя духовная брань, от победы в которой зависела судьба всего его священного дела.

Вскоре, в конце первого года проповеди, накануне Пасхи святой безстрашно отправляется в Тару – сакральный центр Ирландии, где находилась ставка верховного короля страны, которому подчинялись все прочие вожди. Король Лоэгайре, окружённый воинами и друидами, встретил Патрика крайне враждебно. Предание рассказывает, что подосланные к святому убийцы стали свидетелями небывалого чуда: едва они появились перед св. Патриком и его восемь беззащитными спутниками, как святой муж воззвал к Небесам, и вместо людей убийцы увидели проходящих мимо оленей.

Все эти эпизоды жития святого Патрика показывают, что он действительно отдал этому народу всю жизнь, хотя до конца своих дней тосковал по родине и не раз порывался оставить эту дикую землю и вернуться домой. Более логично предположить, что, приплыв в Ирландию, Патрик прежде всего стал искать единомышленников и единоверцев. Хотя хроники и говорят о том, что, когда Патрик прибыл на север Ирландии, где ни одна живая душа там еще не слышала о Христе, такие души там все-таки встречались. Главным

образом это были выходцы из Галлии и Британии, многие из которых уже были христианами.

Патрик стал объединять их в общины, подобные монашеским, с довольно строгим уставом и аскетическим укладом жизни. Это вызвало живой интерес у местного населения: что это за люди, живущие вместе, молящиеся какому-то своему неведомому богу и творящие дела милосердия, не требуя за это ни платы, ни благодарности? Отшельничество с его суровыми подвигами не только возбуждает любопытство, но и пробуждает призвание. Вскоре к этим общинам стали присоединяться новообращенные – уже из числа ирландцев.

Местная знать, недовольная тем, что чужеземный жрец сманивает к себе их детей, несколько раз арестовывала Патрика с нешуточным намерением его казнить, но почему-то очень быстро отпускала, причем многие из его бывших противников, побеседовав с ним, начинали склоняться к новой вере. Мы не знаем, какими аргументами убеждал их Святой Патрик, но, без сомнения, убеждать он умел. Впрочем, убеждал он, по всей видимости, не только словом: широко известна история о том, как он состязался с друидами в присутствии верховного короля Логайре, противопоставив «языческому чародейству ту силу, что дает истинная вера». Каким образом происходило это «состязание магов» и почему в итоге друиды оказались побежденными и посрамленными – остается только гадать, но на короля это определенно произвело сильное впечатление. Дальнейшие его беседы со Святым Патриком, во время которых тот и использовал свой знаменитый трилистник в качестве символа Святой Троицы, окончательно решили дело. Хотя у короля и оставались

некоторые сомнения относительно третьего лица Троицы – Святого Духа, он все же решил креститься.

Не следует думать, что, приехав в Ирландию, он, движимый ностальгическим чувством, тотчас проникся любовью к местному населению, которое в свою очередь восторженно внимало ему, слыша из его уст Благоую Весть на своем родном языке. Специально отметим и то, что на этой «дикой земле» его ожидало не мученичество во славу Христа – он не боялся этого, а, напротив, по примеру многих святых, желал быть удостоенным мученического венца – нет, его ожидали бытовые склоки, преследования со стороны недругов и завистников, неустроенность, вечные расходы, на которые он простодушно жалуется в своей «Исповеди» (королевской челяди – плати, проводникам – плати, разбойникам и вымогателям – тоже...)

Все попытки запугать святого силой оружия и даже покушение на его жизнь оказались напрасными: скромного вида человек, в руках у которого был лишь деревянный посох, говорил с королём смело и вдохновенно. Св. Патрик предупредил князя Лозгайре, что тот лишится Божия благоволения, если будет упорствовать в язычестве и противиться проповеди Евангелия. Друиды, используя всё магическое искусство и пытаясь помешать святому с помощью ложных своих чудес, оказались бессильны против истинных чудес, которые на глазах у короля совершал св. Патрик силою Святого Духа. Раннехристианские святые всегда особенно настаивали на том, что никаких чудес они совершать не могут – чудеса творит Бог, а они лишь послушны Его воле. «Меня, - писал в последствии сам святитель - доподлинно наимерзейшего, вдохновил Он прежде других — дабы мог я, по мере сил моих, со страхом, почтением, верою, не ропща,

прийти к народу сему, ведомый любовью ко Христу; и, отдавшись ему на всю жизнь, удостоился бы служить ему преданно и смиренно». Повторилась история духовного состязания пророка Божия Моисея с египетскими волхвами, но итогом поединка с друидами стало крещение короля Лозгайре со всем его домом.

Скажем коротко об одном эпизоде из жития святого Патрика, который показывает его пастырскую ревность о своих духовных детях, его безстрашие перед лицом сильных мира сего в защите тех, кто был вручен ему Богом.

Однажды воины бриттского князя Коротика совершили вероломный набег на общину только что крещёных ирландцев; многие христиане были жестоко убиты, другие уведены в плен и проданы в рабство язычникам, имущество их разграблено. Св. Патрик обратился к Коротику с посланием, в котором призывал его вернуть пленных. Коротик оставил это послание без ответа. Тогда святой направил другое послание – поданным жестокосердого князя. "Кто из святых не содрогнется, веселясь с такими людьми или разделяя с ними трапезу? – писал св. Патрик, призывая их отвратиться от Коротика и его воинов. – Они наполнили свои дома добром мертвых христиан, они живут грабежом. Они не знают, несчастные, что предлагаемое ими друзьям и детям в пищу есть смертоносный яд, как Ева не понимала, что данное ею мужу – смерть. Таковы все, кто делает злое: они заслужили смерть как наказание вечное".

Миссионерское служение святого в Ирландии продолжалось не один десяток лет, в течение которых Патрик сделал чрезвычайно много. Он создавал новые общины и посвящал для них клириков. От него приняли рукоположение немало епископов, которые возглавили

новые ирландские епархии. Крестилось очень большое число народа во главе с клановыми вождями.

Сохранилось предание о том, как Патрик обратил в Христову веру дочерей одного из местных властителей. Как-то раз на рассвете принцессы Этне Светловолосая и Федельм Рыжеволосая пошли к лесному источнику, чтобы искупаться. Увидев возле источника Святого Патрика, они приняли его за лесное божество и испугались. Но любопытство оказалось сильнее страха; они приблизились к нему и спросили: «Где ты живешь? Откуда ты пришел?» Патрик ответил: «Чем спрашивать обо мне, лучше бы вы спросили меня о моем Боге». «Кто твой бог и где твой бог? На кого он похож? Где он живет? Есть ли у него сыновья и дочери, золото и серебро? Живет ли он вечно? Хорош ли он собой? Где его дом: на небе или на земле, в море или в реке, в горах или в долине? Велики ли его владения? И молод он или стар?»

Святой Патрик сказал им на это: «Наш Бог – Бог всех людей, Бог неба и земли, морей и рек, гор и долин, солнца, луны и всех звезд до единой. Жилище его – и над небесами, и под небесами. Все на свете создано им, и все ему принадлежит. Он наполняет все сущее своим дыханием, всему дает жизнь, всем правит и все хранит. Он зажигает солнце, дарует воду иссохшей земле, волнует моря и воздвигает скалы. Он подчиняет звезды луне, луну – солнцу, и все светила вместе подчиняет иному, высшему свету. У него есть сын, во всем ему подобный. Сын и Отец – суть одно и то же, но Отец больше, чем Сын. Святой Дух исходит от Них; Отец, Сын и Святой Дух неразделимы. Я могу привести к престолу Небесного Короля дочерей короля земного».

Св. Патрик рассказал им о Христе и Его Благой Вести. Он объяснил смысл Искупления, Голгофской жертвы, Пасхи Спасителя и спросил девушек: «Верите ли теперь, что с водою крещения все грехи будут отпущены и вы родитесь заново для другой жизни?» — «Да!» — воскликнули сестры. «Верите ли вы в жизнь после смерти и в воскресение в день последний?» — «Верим», — был их ответ. «Верите ли вы в единство Церкви?» — «Верим», — сказали Этна и Феделм.

Здесь же, в источнике Хлебах, св. Патрик совершил таинство крещения над сестрами и на их головы положили белые покрывала. Но девушкам хотелось ещё большего, и они стали просить св. Патрика: «Мы должны увидеть Господа нашего, нам не терпится, подобно тем разумным девам, о которых ты говорил, войти с Ним на брачный пир». Удивлённый такой горячей верой св. Патрик ответил: «Вы можете сейчас принять Тело Христово, как залог воскресения, но брачный пир состоится только при Его пришествии или за чертой этой жизни», — «Дайте нам таинство Причастия, позвольте нам войти в этот небесный чертог», — вновь просили сестры. Святой причастил их запасными Дарами и, приняв Тело и Кровь Христову, девушки, внезапно просветлев лицами, тихо опустили на траву.

И он учил их Христовой вере так, как верил сам, а потом окрестил их. Но когда он сказал им, что они смогут попасть к Небесному Престолу лишь после смерти, они страшно опечалились и так горячо молили Бога забрать их к себе поскорее, что Бог исполнил их желание, и они уснули вечным сном. Души их устремились к границам иного, высшего мира. Все, кто был свидетелем этих событий, не могли удержать слёз. Сестер положили рядом и накрыли

белыми рясами. Весть о смерти юных княжон быстро разнеслась по Коннахту.

И вот их положили на смертное ложе, подруги плакали и причитали над ними, плакал и друид, воспитавший их. Святой Патрик, сам слегка обескураженный таким поворотом дела, постарался его утешить, говоря, что дочери князя пребывают в чертоге Господнем, и тогда друид уверовал и тоже велел себя крестить. А девушек похоронили недалеко от источника, и на их могилах стали происходить чудеса...

К источнику пришли два брата-друида, воспитавшие девушек, Камплит и Маэл. Они начали обвинять св. Патрика и его Бога в жестокости и несправедливости, но святому удалось успокоить их, а потом уговорить выслушать и его слова. Спор прекратился, и после долгой беседы жрецы-язычники сами уверовали во Христа. Несколько дней продолжалось оплакивание, после чего останки Этны и Фedelм были погребены около источника Клебах и сам св. Патрик совершил над ними панихиду. Память святых дев Коннахта совершается 11 января. В соборе города Армага находится великолепный витраж, изображающий обращение этих сестёр. Для христианства раннего Средневековья такая скорая смерть после крещения не воспринималась как трагедия. Повод для слёз и печали был, но перед глазами вечности столь скорый союз с Богом считался благом.

Во многом схожая история излагается в «Житии...», составленном Муирчем. Там рассказывается о дочери одного британского короля, которую звали Монесан. Она искала Бога, а её раздосадованные родители выбивались из сил в поисках жениха для своей взрослой девушки. На все уговоры и предложения Монесан отвечала отказом. Дело доходило даже до побоев и истязаний в

холодной воде. Терпеливо всё перенося, девушка спрашивала у матери или няни, знают ли они «Создателя огненного колеса, что освещает землю?». Ей отвечали, что Создатель солнца — это Тот, Чей трон на небесах, и не её дело заботиться о таких вещах, а подчиниться воле старших, выйти замуж. «Я никогда этого не сделаю,— говорила Монесан,— мой Жених ещё не призвал меня».

До родителей однажды дошли слухи о просветителе Ирландии и, почти отчаявшись, они вместе с дочерью отправились на «Зелёный остров». После долгих испытаний и приключений им удалось найти святого. Появление британцев очень удивило св. Патрика. «Что заставило вас пуститься в столь опасную дорогу?» — спросил он при встрече. «Мы бы никогда не покинули свой дом, — сказала мать,— не отважились ступить на эти дикие земли, если бы не наша упрямая дочь. Из-за её безумного желания увидеть Бога мы теперь здесь и просим твоей помощи». Св. Патрик обратился к девушке: «Веришь ли ты в Бога, Который вечен, невидим и вездесущ?» — «Да, верю!» — воскликнула она. «Но как же ты хочешь Его тогда увидеть?» — спросил святой. «Не знаю как, но верю и в то, что это произойдёт», — были слова Монесан. Св. Патрик крестил её во Имя Св. Троицы, и девушка тут же умерла. Её похоронили в этом же месте, а святой предрек, что через двадцать лет тело Монесан Британской будет торжественно перенесено в соседнюю часовню и множество людей начнут приходить в неё для поклонения и молитв.

На самом деле нет четких и достоверных исторических данных о том, что все это было в действительности, так что эта страшноватая, с точки зрения современного человека, история свидетельствует не столько о миссионерских приемах равноапостольного Патрика,

сколько о том, какой выглядела сама его миссия в глазах новообращенных ирландцев.

Поистине, эти пылкие и нетерпеливые люди не знали меры ни в чем, даже в благочестии, - если уж идти к престолу Небесного Короля, то идти немедленно, зачем заставлять его долго ждать? Смерть, следующая непосредственно за крещением – излюбленный сюжет многих ирландских Житий.

К счастью, не все ирландцы, обращенные в христианство равноапостольным Патриком, стремились до времени попасть в Царствие Небесное, иначе крещение Ирландии обернулось бы для нее катастрофой.

Но, как известно, христианизация Ирландии, напротив, обошлась сравнительно малой кровью. О том, почему она прошла так легко и безболезненно, написано немало исследований. Несомненно, исторические обстоятельства сложились в пользу быстрого утверждения христианства в Ирландии, но это ничуть не умаляет той огромной роли, которую сыграл в этом ее креститель – Святой Патрик.

«Исповедь» Святого Патрика свидетельствует о том, что он сам старался жить по Евангелию и учил жить так же тех, кого крестил в новую веру. Дошедшие до нас документы, написанные его рукой, изобилуют библейскими цитатами и ссылками на литургические тексты. Хотя сам он в той же «Исповеди» непрестанно твердит о своем ничтожестве, ясно, что это лишь условная дань жанру – так писались все христианские автобиографии. Несомненно, он обладал определенными богословскими познаниями и – что не менее важно - превосходными организаторскими способностями.

Опасения Папы относительно того, что он принесет в Ирландию какую-нибудь ересь наподобие модного в те времена пелагианства, были напрасными: Патрик считал себя римлянином по духу и стремился организовать ирландскую церковь по римскому образцу. Другое дело, что это не очень получалось: если в Европе церковная жизнь почти целиком строилась вокруг городов, то в Ирландии городов просто-напросто не было, поэтому в истории ранней ирландской церкви главную роль вскоре стали играть монастыри. Сам Патрик, насколько это известно, не основал ни одного монастыря в привычном нам смысле этого слова, зато ему приписывается основание множества церквей, самая известная из которых – церковь Саул в Арма.

Тем не менее, во время пребывания Святого Патрика в Ирландии очень многие из ирландцев избрали для себя монашескую жизнь. При этом они оставались жить в своих домах, занимались обычным ремеслом, одновременно стараясь строить свою жизнь в соответствии с идеалами христианского монашества. Поскольку все они считали Патрика своим духовным отцом, их так и называли – «монахи Святого Патрика» (*monachi Patricii*).

Надо сказать, что духовными детьми Святого Патрика считали себя не только они – за все время его долгой жизни он, если верить преданиям и хроникам, лично окрестил едва ли не всех жителей Ирландии, желавших принять христианство.

Богослужбная практика в ирландских монастырях была тоже более близка к восточному православию, чем к Риму. Устав и внутренние правила скорее напоминали восточную аскезу, чем распространённые на Западе положения св. Бенедикта. Монахи принимали на себя различные подвиги. Можно было увидеть в ручьях

и озёрах иноков, которые, стоя по шею в холодной воде часами и даже днями, распевали псалмы и творили молитву. Питались просто. Мясо не ели. Разрешалась рыба в небольших количествах, овощи, хлеб и множество молочных продуктов. В монастыре Св. Коламбы на о. Айона монахи делились на три степени. Старшие иноки должны были совершать службы, переписывать Библию и другие св. тексты.

Средний уровень состоял из рабочей братии, которая выполняла множество монастырских послушаний и вела хозяйство. Младшие проходили различного рода обучение, прежде чем им доверяли серьёзные дела. Все были одинаково одеты в длинную белую тунику с капюшоном и кожаные сандалии. На службу облачались в специальные белые рясы. Особого разговора требует кельтская тонзура. Римские монахи остригали только макушку головы, причём так, чтобы оставался круг недлинных волос. Она называлась «тонзурой св. Петра», и ее пытались ввести в Ирландии св. Патрик, в чём не смог преуспеть. Кельтскую тонзуру привёз на континент св. Коламба, и она прожила много лет в Британии, Бретани как символ сопротивления Риму.

Монастыри станут европейскими университетами в эпоху варварских нашествий и войн. В них сохраняются латинский, греческий и еврейские языки, там будут сделаны уникальные книги в кожаных переплётах и с изумительной каллиграфической вязью, а самое главное, из этих обитателей отправятся ирландские монахи-миссионеры с проповедью Христа в Европу и далее.

Охваченные стремлением к уединению, ирландские монахи вынуждены были уходить всё дальше и дальше в неизведанные морские просторы, несмотря на то, что этим религиозным людям был совершенно чужд какой-либо интерес к географии, они тем не менее

необычайно способствовали открытию новых неизведанных островов и помогли проложить пути, которые привели к открытию Нового Света».

Жизнь св. Патрика очень символична и недаром является одним из источников кельтской святости, частью её основания. Древние кельты имели совершенно иное представление о святости, чем мы. Прежде всего, святость была очень привязана к какому-либо месту.

Галльский святой не обязательно был ирландским святым, и Римская церковь отказывала в притязании на святость и галлам, и ирландцам». Как нельзя лучше к церкви св. Патрика подходят слова Блаж. Августина: «Призваны не потому, что святые, но святы, потому что призваны».

В отличие от «красного мученичества» (отдать жизнь за Христа) или «зелёного мученичества» (участвовать в суровой аскезе) кельты посвящали себя «белому мученичеству» (проводя годы вдали от дома и очага в молитве). У них было особое слово «хираэтх» для обозначения тоски по дому.

Таковым «белым мученичеством» была вся жизнь просветителя Ирландии. В годы святительского служения Патрика остров украсился множеством храмов и монастырей; последние сыграют в дальнейшем уникальную роль в деле христианского просвещения Европы. И речь идёт не только о западе, но и о землях к востоку от Балтики. Миссионерство делается отличительной чертой кельтских, и особенно ирландских, монахов, которые своеобразным подвигом апостольского странничества приведут ко Христу тысячи душ повсюду, куда позовет их Божий Промysl. Пешком, а чаще на маленьких кораблях или даже на утлых с виду, плетёных из ивняка и

крытых кожами, лодках – кораклах – доберутся они до самых отдалённых уголков европейского континента.

Есть, как нам кажется, небезпочвенные предположения о миссии кельтских монахов на о. Валаам (в ряде публикаций священника Стефана Красовицкого, например), да и в других частях будущего Русского Северо- Запада. В начале статьи мы уже упоминали о трилистнике как об ирландском символе св. Патрика.

Изображения троючастного листка обыкновенной кислицы или очень схожего по форме белого клевера – неперменный атрибут многих изображений самого Просветителя Ирландии. Предание говорит о том, как св. Патрик, используя эту обычную подножную травку, учил ирландцев на её образе догмату о Пресвятой Троице. Надо сказать, что в мифологии кельтов число 3 всегда было наделено особенными сакральными значениями, и св. Патрик, как и его многочисленные ученики, относились к древней культуре ирландского народа бережно и благоговейно, мудро отделяя пшеницу от плевел.

Легенда же, прочно удерживающая второе место по популярности гласит, -Св. Патрик изгнал из Ирландии всех змей. В качестве доказательства приводят тот факт, что змей на острове и по сей день не существует (за исключением цирков, зоопарков и частных коллекций). Скорее всего змей и других рептилий с амфибиями не существовало изначально по причинам геологического характера: Ирландия была соединена с материком в ледниковый период.

По мере потепления климата и таяния льдов, уровень воды в морях и океанах повышался, и к том моменту, когда погодные условия в Ирландии уже позволяли холоднокровным тварям чувствовать себя вольготно, эти самые твари побраться на остров

просто не могли... И следовательно, Св.Патрику изгонять было некого. Но как бы там ни было, а легенда существует, и гласит она следующее:

Силой, данной ему свыше, Св.Патрик приказал всем змеям собраться со всей Ирландии на горе, которая теперь носит имя Croagh Patrick, а затем мановением своего посоха низверг их в море. Не явился только один самый старый и хитрый змей. К нему пришлось применять "военную" хитрость. Св. Патрик предложил змею забраться в ящик, который был для него (змея) якобы слишком мал... Слово за слово, и в конце концов разозленный гад для доказательства своей правоты залез в этот ящик. Ящик пришелся впору, крышка захлопнулась, и последний змей отправился в море вслед за своими товарищами.

Другая история рассказывает, что древний змей, обитающий в водах озера Дилвин (Dilveen), доставил Патрику столько хлопот, что утомленный святой пообещал ему "вернуться в понедельник". Но за другими заботами обещание забылось, Патрик так и не вернулся, а змей до сих пор каждый понедельник всплывает на поверхность, разочарованно оглядывает окрестности и на своем змеином языке говорит что-то вроде "Понедельник-то затянулс-с-ся, Патрик..."

Всю эту историю со змеями можно воспринимать не буквально, а как иносказательное и образное повествование о победе христианства над язычеством: в этом случае змеи символизируют друидов, изгнанных из Ирландии навсегда.

Возможность именно такой интерпретации этой одной из самых распространенных из преданий о Св. Патрике дает другая, менее известная, история о сорокадневном посте. И произошла она на той же самой горе Croagh Patrick. Св. Патрик провел там в молитвах за

Ирландию и ее народ 40 дней Великого Поста 441 г.н.э., а демоны искушали его и нападали, приняв образ огромных черных хищных птиц. Их было столько, что небо потемнело над этим местом, но Патрик не позволил страху и отчаянию овладеть его сердцем, а продолжал с еще большим воодушевлением молиться и звонить в колокол, отгоняя демонов... И явился к нему Ангел и пообещал ему в качестве награды за проявленную твердость в вере, что и обращенный им ирландский народ сохранит такую же стойкость и твердость в вере до самого Судного дня. А еще было обещано, что саксы завоевав Британию, не завоюют Ирландию, что за семь лет до Конца света Ирландия уйдет на дно океана и избежит ужасов Последнего дня и что именно Св. Патрик будет судить Ирландцев в день Страшного Суда ...

Известно и трепетное и деликатное отношение Святителя к народной культуре ирландцев. Два крупнейших кельтских празднества – весенний Белтейн и осенний Самхейн – именно начиная с эпохи св. Патрика постепенно утрачивают свои языческие черты, органически встраиваясь в новое – христианское мироощущение новообращенных. Так, Самхейн становится Днём Всех Святых в календаре западных христиан. (И только горестного сожаления достойно видеть, как наши "расхристанные" современники на Западе, а теперь уже и в России делают из этого дня бесовский карнавал под названием halloween). Стоит отдельно сказать о совершенно особенной форме так называемых кельтских крестов.

По мнению ряда исследователей ирландских древностей, происхождение креста, в средоточии которого находится круг, напрямую восходит к святому Патрику. Читаем об этом у о.А. Шабанова: "Когда св. Патрик в очередном столкновении с друидами

узнал об их поклонении солнцу, то произнёс следующие знаменитые слова: "Мы тоже верим в Солнце – Солнце Правды – Христа". И приказал перечеркнуть круги, символизовавшие солнце, крестом.

Так появился Кельтский крест, или крест св. Патрика, распространившийся по всему северо-западу Европы до России включительно (Новгород Великий, Изборск)". Кресты эти, порой достигавшие в Ирландии и Британии немалой высоты, чаще всего искусно вырезались из камня и включали в себя, помимо очень характерного кельтского орнамента, изображения Христа Спасителя, Пречистой Девы и святых.

Ирландия, некогда ставшая для юного Магона источником его горестей и страданий, впоследствии сделалась всем смыслом жизни святого Патрика. Последние строки его "Исповеди" полны благодарения Богу и одним только желанием: "...Да не отделит меня Бог мой от Своего народа, который Он приобрел Себе в этой дальней стране. Я молю Бога, чтобы Он дал мне стойкость и удостоил меня быть Его верным свидетелем до самой моей кончины".

Житие гласит, что зная о скорой своей кончине, святой из очередного путешествия поспешил в Армаг, желая умереть в любимом городе. Но по дороге в огненном кусте (как пророку Моисею) ему явился ангел и сказал: «Поверни обратно, Богу угодно, чтобы твоё достоинство, благочестие и ученье были живыми запомнены в Армаге». И св. Патрик взошёл на каменистую вершину горы Кроу.

Там сорок дней он провёл в посте и молитвах. Когда настал последний час, святой поднял принесённый тяжёлый колокол и бросил его вниз с молитвой о том, чтобы Христова вера не иссякла в Ирландии. Колокол подхватили ангелы (на самом деле «тяжелые»

колокола появились гораздо позднее). Перед самой смертью его благословил и прочитал отходные молитвы епископ Тассахский. Св. Патрик скончался 17 марта 461г. в один год со св. Львом Великим. Один из больших валунов на кладбище в Даунпатрике сегодня носит его имя, никто не знает, где точно погребено тело святого. В Армаге и сейчас стоят на двух холмах церкви. Они смотрят друг на друга. Первая из них — ирландская церковь, находится на том самом месте, где был первый монастырь святого, а в другой базилике, располагается одна из самых богатых коллекций кельтского религиозного искусства.

Предание говорит, что в течение первой ночи после погребения святого ангелы с песнопениями охраняли свежую могилу, а пришедшие люди уснули. На другой день ангелы исчезли, оставив после себя удивительное благоухание, как бы от сладкого вина и аромат дикого мёда. Ночью уже множество ирландцев, желавшие проститься со св. Патриком, пели псалмы и читали заупокойные молитвы. А когда спустя много лет над могилой решили возвести храм, то при раскапывании грунта строители были поражены светом, исходившим из захоронения.

О времени блаженной кончины святого Патрика единого мнения нет; одни полагают, что она последовала в 461 г., другие называют более позднюю дату – 493 г. (память святого празднуется 17/30 Марта). Предание связывает это событие с городом Даунпатрик, где на кладбищенском валуне высечено его имя. Но в действительности, никому в точности не известно место погребения Апостола Ирландии.

Закончить этот рассказ нам хотелось бы надеждой на то, что имя этого великого святителя и миссионера древности, равно как и имена

многих других святых, просиявших на Западе христианского мира, однажды и навсегда станут достоянием и нашей молитвенной и богослужебной жизни.

Это тем более важно, если учесть, что древняя Кельтская церковь имела очень много общего с православными церквами Востока. Заслуживает ли святой Патрик, за которым стоит приведённая ко Христу страна Ирландия, нашего безпамятства и неведения?

В V веке Св. Патрик привел ирландцев к христианству... Ирландия, бывшая до этого страной, "невежественной во всем кроме магии", стала "Островом Святых", землей монахов и родиной миссионеров, несших христианство в другие страны. Спустя полтора тысячелетия он вместе с трилистником и арфой превратился в символ ирландской нации. Тогда он был огненным Апостолом Христа, Божьим избранником. Теперь его имя приобрело всеобщую славу, но личность лишилась всякого религиозного значения, и "почитание его памяти становится похожим на суеверие, на род какого-то совершенно пустого ритуала."

При этом встает вполне резонный вопрос, о том, что же был святой креститель Ирландии? Его «Исповедь» рисует нам совершенно его как живого человека: одновременно нерешительного и непреклонного, доверчивого и подозрительного, по-детски обидчивого и откровенного, непоследовательного – и глубоко верующего. И все же, когда читаешь этот сбивчивый, противоречивый и пылкий рассказ человека о самом себе, в котором он то жалуется на невзгоды и козни недругов, то простодушно хвалится содеянным; то доверительно обращается к читателю, то – не менее доверительно – к Богу, трудно не поверить в святость этого человека. Удивительного

человека, обратившего к вере целый народ и ставшего символом этого народа на долгие столетия

Жизнь Св. Патрика за века обросла легендами, празднование его дня - традициями. Сейчас вряд ли найдется человек, который не знает, что означает для Ирландии 17 марта. И именно романтические легенды, создавать и пересказывать которые ирландцы большие мастера, и древние традиции, в поддержании которых ирландцы могут перешагнуть даже англичан, создали Св. Патрику, а вместе с ним и Ирландии, такую популярность в мире. Патрик принес Ирландии христианство, теперь (вместе с миллионами ирландских эмигрантов и их потомков) несет Ирландию миру.

Равноапостольный святитель Патрик почитается и Вселенской Православной церковью, поскольку он был канонизирован еще до трагического разделение Церкви в 1054 году. В ряде поместных православных Церквей его память чтится 30 марта по новому стилю (17 марта по старому стилю). Примечательно и то, что Патрик является еще и покровителем Нигерии. Это объясняется тем, что здесь трудились в основном миссионеры из Ирландии.

Глава 5. Кельтские миссионеры в средневековой Европе. Святой Колумба: путь на восток

Много ли ассоциаций возникает у нас, когда мы слышим слово “кельты”? Вспомнятся, пожалуй, лишь монументальные камни Стоунхенджа. Что-то в истории сурового, но очень искреннего кельтского народа было неповторимо-обаятельное. А вера Христова была принята им гармонично и естественно, и что особенно примечательно: в традициях восточного аскетизма. Более того, археологические раскопки на северо-западе России свидетельствуют о прочных связях между Британией и славянскими народами, о пребывании кельтских миссионеров. Например – каменные кельтские кресты (крест в круге). Таким образом, христианство шло на Русь не только с востока – из Византии, но и с северо-запада (на псковские, новгородские, ладожские земли).

Зародившись и оформившись как новое вероучение на развалинах многонациональной Римской Империи, христианство по самой своей сути не имело специфических национальных корней. В этом, возможно, состояла его сила: комплекс этических законов христианства был направлен в первую очередь на человека как на духовную личность, и это способствовало его быстрому распространению в Европе раннего средневековья, столь многоликой и пестрой. Но, попадая в новую этническую среду, христианство каждый раз неизменно окрашивалось, если можно так выразиться, в специфические “национальные цвета”, что дало нам все разнообразие существующих и в наши дни форм местной святости.

Одну из наиболее интересных и сложных форм конкретного воплощения христианского учения представляет собой кельтская Церковь, особенно — в период раннего средневековья, когда она была еще относительно свободна от влияния Рима. Наиболее яркое свое воплощение кельтская Церковь нашла, безусловно, в Ирландии, христианизированной уже в V в. (миссия святого Патрика традиционно датируется 432 г.) и оставившей в своей истории множество имен местных святых, зачастую официально так и не признанных Римом. Но кто именно объявлялся святым в Ирландии в период раннего христианства? Ответ на этот вопрос, как мы полагаем, необычайно важен, так как облик святого может служить своего рода индикатором того, как именно понималась идея святости данной этнической культурой.

Однако ни святой Патрик, бритт по происхождению, попавший в Ирландию во время одного из пиратских рейдов, ни Бригита, дочь рабыни, не могут быть названы в полной мере воплощениями ирландской Церкви или символами ирландской святости во всей сложности этого понятия. Самым “ирландским” из ирландских святых по праву считается третий “столп” ирландской ранней церкви — Колумба (или Колум Килле), сыгравший очень большую роль не только в распространении христианства в стране, но и в ее культурной и политической жизни в целом.

Святой Колумба родился в 521 г. в Гартане, на севере Ирландии, и принадлежал к роду так называемых Уи Нейллов, потомков знаменитого мифического короля по имени Ниалл-девять-заложников, что уже по рождению давало ему право претендовать на верховную власть в стране. Как известно, Колумба избрал для себя иной путь и еще в ранней молодости добровольно отказался от

политической карьеры, однако знатность его корлевого происхождения во многом обусловила тот авторитет, которым он обладал на протяжении всей жизни, и то влияние, которое он мог оказывать на местных правителей.

При рождении святой Колумба получил другое имя, но во время обучения в латинской школе святого Финниана в Мовилле был прозван товарищами за его преданность христианской вере Колумом Килле, буквально — “Голубем Церкви”. Однако приверженность христианскому вероучению сочеталась в нем с интересом к национальной древней духовной культуре: он прошел курс обучения в школе поэтического мастерства и на протяжении всей жизни сохранил не только любовь к поэзии (он сам писал латинские и ирландские духовные гимны и ему приписывается также множество стихов светского содержания). Совершенно не склонный видеть в их поэзии лишь реликты языческой доктрины, он считал их в первую очередь носителями культуры, причем — не только культуры прошлого.

Его миссионерская деятельность началась очень рано, причем, как и у его предшественников, осуществлялась она в первую очередь в основании монастырей.

Колумба положил начало "странствию ради Христа" -- оставлению дома и всего необходимого, чтобы следовать Христу, который на земле не имел "где приклонить главу" (Мф. 8, 20). Многие кельтские монахи оставляли обжитые места и путешествовали по кельтским королевствам и северным островам, устремлялись в Европу, всюду миссионерствуя и упражняясь в аскетизме.

Свой первый монастырь святой Колумба основал в 546 г. на севере Ирландии возле живописной дубовой рощи, по которой монастырь и получил свое имя — Дерри (ирл. Doire), букв.

“дубовый”. Кроме этого, им было основано еще несколько монастырей, среди которых в первую очередь следует назвать монастыри Дурроу и Келлс, прославившиеся потом своими скрипториями (так наз. “Книга из Келлса” — богато орнаментированное Евангелие — считается одним из шедевров средневековой книжной миниатюры). Но, пожалуй, именно Дерри осталось для Коламбы самым любимым местом во всей Ирландии, именно о нем тосковал он более всего, находясь в изгнании и именно эта тема, тема “разлуки с милым Дерри”, где все “дышит покоем, уединением и свежей прохладой”, постоянно звучит в приписываемых ему стихах.

В свое знаменитое добровольное изгнание на остров Айону у западного побережья Шотландии святой Колумба отправился в возрасте сорока двух лет, то есть — в 563 г. Причины его отъезда полностью не ясны и до сих пор. Среди многочисленных легенд, которыми со временем обросла эта фигура, существует красивый рассказ о том, что якобы святой Колумба побудил своих знатных родичей вступить за него после “неправого приговора” верховного короля: тот повелел отнять у святого тайно переписанную им копию Вульгаты, принадлежавшую святому Финниану, и расценил сам факт тайного переписывания рукописи как кражу.

В результате между сторонниками святого Колумбы и сторонниками короля вспыхнула битва при Кул Древне, в ходе которой погибло много людей. Потрясенный этим кровавым побоищем, Колумба решил покинуть пределы Ирландии и искупить свой грех, обратив в лоно Церкви столько человек, сколько погибло по его вине. Неправый приговор короля “Каждой корове должен принадлежать ее теленок” вошел в список “исторических фраз”

Ирландии, однако сама легенда о “битве из-за книги” скорее всего не имеет под собой никаких оснований и вряд ли могла возникнуть раньше XII в. Королем, который, видимо, имелся при этом в виду, был Диармайд мак Кербалл из так называемых “южных” Уи Нейллов, которые постоянно враждовали с “северной” ветвью за призрачную “верховную” власть, сводившуюся по сути лишь к контролю за северными и, отчасти, северо-западными районами страны.

Битва при Кул Древне, в которой Диармайд был разбит объединенными войсками северных Уи Нейллов и Коннахта, действительно имела место, но произошла она в 561 г. и была одним из многочисленных междоусобных столкновений. Связь святого Колумбы с этим событием не поддерживается никакими историческими источниками, толчком же к возникновению данной романтической легенды, как полагает один из современных исследователей, мог послужить тот факт, что битва при Кул Древне упоминается в первом Житии святого, написанном около 685 г. девятым аббатом Ионы святым Адамнаном (*Vita Columbae*), который пишет, что Колумба отправился на Иону “через два года после того сражения”.

Ответить на вопрос, почему святой Колумба покинул Ирландию и удалился в добровольное изгнание на Айону, довольно трудно. Несомненно, какие-то конфликты со светской властью действительно могли в данном случае сыграть свою роль, однако противником святого Колумбы при этом, скорее всего, был не король Диармайд, а кто-либо из северных же Уи Нейллов; скорее всего им был Айнмире, сын Сетны, с которым, в отличие от Диармайда, у Колумбы всегда были сложные отношения (как и потом с его сыном Аодом).

Однако возможный конфликт такого рода, видимо, мог бы стать скорее поводом, толчком к его отъезду, истинная причина которого была гораздо глубже. Еще более прозаическим поводом могла бы быть названа волна чумных эпидемий, захлестнувших остров как раз в середине VI в., однако, как мы понимаем, вряд ли простое желание спасти жизнь могло заставить святого, видящего свою основную задачу в распространении Божиего слова и новой веры, покинуть навеки собственную родину. С другой стороны, видеть в его отъезде на Иону одни лишь миссионерские задачи — он стремился обратить в христианство местное пиктское население — тоже было бы известным упрощением проблемы. Следует помнить и о том, что Иона с древних времен была культовым друидическим островом.

Миссионерская деятельность для святого Колумбы всегда была действительно очень важна, но тут, как мы думаем, не она сыграла решающую роль. Более глубокой причиной его отъезда из Ирландии скорее всего послужил некий внутренний конфликт, возможно — отмеченные им в самом себе проявления гордыни, поскольку популярность его в Ирландии к сорока годам невероятно возросла, и он постепенно превратился не только в духовного лидера страны, но и в крупную фигуру на политической арене, несмотря на то, что никогда не имел епископского сана, а предпочитал оставаться обычным аввой.

Отъезд за море всегда осмыслялся в ирландской, еще дохристианской культуре как посещение иного мира или как смерть. И очень часто это именно так и было. Интересно, что в раннесредневековой Ирландии существовало особое наказание, которое официально смертной казнью не считалось, но по сути,

конечно, ею и было: осужденного завозили на маленькой лодочке далеко в море и оставляли там одного без весел и паруса и почти без запасов съестного. Параллельно с этим в повествовательной традиции бытовали чудесные рассказы о плаваниях в далекие земли, о прекрасных островах, лежащих за морем. Этот жанр был единственным, который переняла и христианская традиция (ср. “Плавание святого Брендана”), равно как переняла она и идею плавания за море как своего рода очищения. Таким образом, отъезд на Иону был для Колумбы и его спутников своего рода актом самоуничтожения и одновременно — обретения земного рая.

Судя по данным устной традиции, просуществовавшей почти до середины XVI в., при жизни святого Колумбы основанная им обитель не напоминала суровый монастырь: там не соблюдались посты, допускалось пиво, рядом с членами общины жили их жены. Но неизменным при этом было для всех и, конечно, в первую очередь для самого святого исполнение высшего урока: молитвы и созерцания.

Несмотря на данный им зарок не видеть “мужей и жен” Ирландии, святой Колумба все же вынужден был в 590 г. приехать на собор в Друим Кете. О его поездке в Ирландию подробно рассказывается в тексте “Приложения” к основному его Житию, составленному уже в XVI в., причем не клириком, а поэтом Манасом О’Данналом, который стремился увидеть в святом в первую очередь яркую личность.

Среди многочисленных легенд о святом Колумбе, наверное, наибольшей популярностью пользуется рассказ о том, как он встал на защиту поэтов-филидов, которых король Аод хотел вовсе изгнать из Ирландии. Согласно легенде, в благодарность за это поэт Даллан Форгалл обещал написать ему хвалебную песнь. Песнь эта, “Чудо

святого Колума Килле” дошла до нас и, более того, действительно датируется концом VI в. Так что, как мы видим, эта часть рассказов о святом истинна.

О святом Колумбе, одном из самых любимых в Ирландии святых, существует очень много легенд, в которых реальность так тесно сплетается с вымыслом, что отделить одно от другого становится уже почти невозможно. Святой Колумба — это символ ирландской Церкви, почерпнувшей в дохристианской культуре установку на Слово. Он был поэтом, он был миссионером и проповедовал Слово Господне, он проводил ночи в молитве. И пусть рассказ о “битве из-за книги” и оказывается поздним вымыслом, — его любовь к рукописи, к Книге вполне исторична; недаром среди реликвий ирландской Церкви хранится Псалтирь, написанная, как считается, его собственной рукой.

Он был, по многочисленным свидетельствам, худым и высоким и отличался необычайно ясным и светлым лицом, от которого исходило удивительное сияние. И действительно — святой Колумба Ирландский может быть назван одной из самых светлых фигур в истории этой страны. Преставился святой Колумба в ночь на 9 июня 597 года на острове Айона; там, согласно его завету, он и похоронен. Острова эти, лежащие между Шотландией и Ирландией, словно камни, по которым можно перейти с одного берега ручья на другой, — земля св. Колумбы, писателя и морехода, мастерски управлявшего судном и прекрасно владевшего устным и письменным словом, в том числе поэтическим, великолепного каллиграфа, знавшего, помимо своего родного языка, еще и латынь.

Современным читателям будет интересно узнать, что монашеская жизнь Айоны отличалась особой строгостью. Колумба

составил устав, который требовал полного отречения своей воли и строгого послушания. Иноки проводили время в постоянном физическом труде, который сочетался с непрестанной молитвой, чтением и изучением Писания и святых отцов, упражнениями в богословии, а также писанием и украшением книг, обучением детей и молодых иноков, оказанием гостеприимства по отношению к странникам.

Особым отличием монашеского братства Айоны и всех связанных с ней монастырей была полукруглая тонзура на всей передней части головы. Тридцать четыре года он прожил на этом острове и в 597 году от Р.Х. отошел ко Господу в великой святости. К моменту его кончины основанный им монастырь уже был одним из крупнейших западноевропейских центров культуры и христианского подвижничества. Духовные чада св. Колумбы после него еще долго обучали наукам монархов, создавали прекрасные рукописи и, главное, поклонялись и служили Господу. Лишь спустя двести лет общину разорили и уничтожили викинги.

Однако встал вопрос: является ли Православие лишь одним из многих претендентов на наследие св. Колумбы, может ли оно рассчитывать лишь на кусочек этого пышного пирога? Знакомясь с историей Церкви Британских островов XIX века, поражаешься, как представители разных христианских конфессий и деноминаций один за другим стараются заявить о своих исключительных правах на святого просветителя Шотландии.

Впечатление от этого почти комическое. Обычно выставляют Колумбу верным слугой папы, нонконформисты, наоборот, подчеркивают различия в религиозной практике между Римом и ранней Кельтской Церковью, превращая св. Колумбу в одного из

первых героев-антипапистов. В XX веке пресвитерианский клирик Джордж Маклеод — личность харизматическая — основал на родном острове св. Колумбы общину, устроенную удивительно практично, что было так характерно для самого св. Колумбы. Община эта, по замыслу ее создателя, должна была умело сочетать религиозную практику с участием в разрешении проблем, терзающих современный мир, причем самых тяжелых и страшных. За прошедшие с тех пор годы община превратилась в межконфессиональную и, с точки зрения православных, скорее политическую, чем духовную организацию. Кроме того, на острове уже довольно долго работает англиканский приют.

Так что же, получается, что православные, начав устраивать паломнические поездки на Айону лишь в 1997 года, явились к шапочному разбору и могут теперь просто водрузить свой флаг на острове св. Колумбы рядом с другими флагами? И каково место православных в поединке между многими и различными образованиями (среди которых далеко не все религиозные), претендующими на часть наследия этого святого? Экологи называют его одним из первых зеленых, шотландские националисты — первым патриотом, феминистки видят в нем и в Кельтской церкви первопроходцев борьбы за равенство полов. Имеет ли смысл и православным христианам вопрошать: «Где тут наш кусочек св. Колумбы?»

На этот вопрос, в конечном итоге, может ответить только сам св. Колумба. В его житии — ярком, сильном, не оставляющем читателя равнодушным повествовании, записанном спустя примерно сто лет после его кончины, многое кажется странным, а многое — удивительно знакомым православному христианину. Мир, в котором

он жил, был как нельзя более далек от того, в котором живем сегодня мы. Кельтские земли никогда не принадлежали Римской империи.

Кельты не знали дорог, городов, денег, каменных зданий, памятников. У них вечно шла война — стычки между вождями мелких племен, — и каждый человек мог в любой момент умереть насильственной смертью. Выходя в море, любое судно могло запросто потерпеть крушение. Случайная встреча человека с себе подобным вызывала не легкое любопытство, как в наше время, а страх за собственную жизнь.

Мы видим, что внешние обстоятельства и условия жизни св. Колумбы бесконечно далеки от наших (даже если мы живем в одном из самых удаленных и диких уголков планеты), и вряд ли мы можем даже представить себе эти условия более или менее достоверно. Но прочтите заново его житие, и вы увидите, что там есть моменты, столь близкие нынешней православной традиции, — кажется, будто они произошли и записаны вчера, или в любой из периодов истории последних 2000 лет. Св. Колумба прежде всего обладал даром сострадания и вместе с тем духовного различения, в одно мгновение пронзающим толщу времени и пространства, преодолевающим барьеры жизни и смерти, и в этом он похож на современных греческих старцев, например, о. Порфирия и о. Иакова.

Находясь у себя в келье на Айоне, св. Колумба видел и знал, что в сотне миль оттуда терпят бедствие на море его собратья-монахи. Знал, что в эти минуты страдает родовыми муками беременная женщина в далекой Ирландии. Видел, что именно происходит на поле духовной битвы за души новопреставленных. И это были дар, естественным образом проистекавший из его собственной духовной борьбы, результат его стараний освободить душу от грехов гордости и

эгоцентризма и разделить беды и испытания других людей, близких и далеких.

Св. Колумба был наделен прозорливостью, т. е. остро развитым чувством понимания духовного предназначения окружающих его людей — видел, каковы их отношения с Богом и что им нужно делать, чтобы эти отношения исправить. Плодом его духовных усилий были и всякого рода физические знаки, показавшиеся бы странными и невозможными западному христианину, но хорошо известные христианскому Востоку: божественный сияющий свет, окутывавший его тело, благоухание, связанное с его присутствием (люди порой чувствовали это благоухание даже когда физически он был совсем в другом месте). И, прежде всего, конечно же, осязаемая реальность его общения с ангелами, и при жизни его, и после смерти.

Вот что испытал один человек, ирландец, находившийся за сотни миль от Айоны, в ту ночь, когда св. Колумба отошел ко Господу: «В ночь его блаженной кончины я видел остров, купающийся в ярком свете, исходившем от ангелов. Весь воздух и небо над ним даже до божественного эфира был наполнен сиянием бесчисленных ангелов, посланных с неба унести домой его душу. Я слышал сладчайшие песнопения сонмов ангелов, певших в вышине в то самое мгновение, когда его душа вышла из тела и ее понесли ангелы». От этого рассказа замирает дух, и в то же время он понятен всякому, кто знаком с духовной литературой христианского Востока — житиями святых и текстами о духовной борьбе.

Что же, вот вам и ответ? Говоря просто, да, так и есть. Зеленые чествуют Колумбу защитника природы, пресвитериане называют его сторонником папы, а православные предъявляют права на Колумбу-

святого, потому что в конечном итоге мы ничего не сможем по-настоящему понять в его жизни, кроме его святости.

Святость Колумбы начинается с действия, продиктованного смирением — он отказывается от земной власти, не желает быть местным вождем в своей родной Ирландии, стремясь всего себя безоговорочно отдать во власть Христа. И мы, будучи православными, вероятно менее, чем кто-либо другой, имеем оправдание, если не видим этого. Наша традиция прозревает самые глубины природы святости, поэтому и спрос с нас больше.

FOR AUTHOR USE ONLY

Глава 6. Святой Колумбан, кельтский благовеститель на землях Западной Европы

Ирландцы ходили на континент и раньше – в 6 веке. До нас дошли имена святого Мельдона, епископа Перроны, или Обана (Альбина), епископа Анжера. Возможно, истории о них и имеют историческое зерно. Имена у них кельтские, Обан в Галлии был весьма популярен, да и Перрона ко времени расцвета ирландского странничества уже давно была известна как Перрона Ирландская или Перрона скоттов. Однако эти случаи были единичными, да и немного последователей было у этих святых.

Первой ласточкой великой волны кельтского странничества на континент был св. Колумбан, и именно с этим человеком связаны корни подъема христианского самосознания в европейских церквях. Поэтому мы не погрешим против истины, если наш рассказ начнем с Колумбана.

Св. Колумбан (или Колумба Младший) родился в 543 году в Лейнстере. В отличие от большинства кельтских святых, которые были сплошь из интеллигенции или знати, Колумбан древним родом не блистал. О его происхождении вообще мало что говорится. Зато известно, что с малых лет юношу тянуло к книгам, в результате чего он и стал монахом.

Биограф преподобного Колумбана, инок Иона из Боббио, пишет, что юноша был весьма прельщен красотой одной или нескольких девушек из его родного селения, из-за чего не мог определиться между призванием ученого клирика, и по совету некой мудрой пожилой дамы решил бежать от греха подальше – стать

монахом в монастыре вдалеке от дома. Колумбан получил образование в монастыре Бангор, причем его наставником был св. Комгалл (вероятно, тот самый Комгалл, который встал на сторону Колумбы в споре из-за авторских прав и отправился с ним в Шотландию).

Полученное Колумбаном образование было блестящим – монах знал латынь, еврейский и греческий, разбирался и в отцах церкви, и в античных поэтах. Еще он был прекрасным проповедником и стихотворцем. В 590 или 585 году он отправляется на континент, в Галлию.

О причинах его отъезда можно только догадываться. Некоторые теории говорят о желании благовествовать германцам, и желании посетить Италию и Рим (сохранилась переписка святого с папой, которого святой весьма почитал). А возможно – в сердце святого жила «муза дальних странствий», желание пуститься в путь за неведомо мечтой, идти куда глаза глядят навстречу опасностям и приключениям.

Трудно сказать наверняка. Даже обычно дотошный до мелочей инок Иона из Боббио кратко говорит: «проведя несколько лет в монастыре, он пожелал идти в неведомые земли, следуя заповедям, которые Бог дал Аврааму...». Чуть позже он говорит, что Колумбан и его спутники шли: «сеять семена спасения». Что послужило толчком для такого решения – неизвестно. Сам Колумбан в одном из своих посланий писал о том, что он искал «подходящее место странствия» - то есть, странствовал без конкретной цели, но искал пристанища, которое подходило бы его духу. Однако насколько можно верить письму? Или агиографу, писавшему спустя несколько лет после смерти святого?

Было ли у Колумбана мистические переживания наподобие тех, что пережил Патрик? Вынуждали ли его к этому обстоятельства, как Колумбу? Шел ли он по приглашению, как Айдан? Вряд ли это когда-либо станет известным. Известно только то, что монах Комгалл, бангорский «друг души» Колумбана, вначале не желал отпускать способного ученика, который мог бы стать заменой престарелому наставнику. Не то, чтобы он пытался силой настоять на своем – не в правилах мудрого «анамкары» было поступать так. Но авва Комгалл весьма скорбел из-за ухода любимца, покамест не решил, что странствуя по свету, Колумбан принесет больше пользы, нежели оставаясь в монастыре.

Наставник благословил ученика, и тот в компании двенадцати товарищей пустился в странствия. Погода была спокойной, море – тихим, дул ровный северо-западный ветер, курраг без труда осилил расстояние от Ирландии до континента, и вскоре друзья высадились на Армориканском полуострове. Эти земли звались Бретань или Малая Британия, и жили там переселенцы из Великой Британии, покинувшие родной остров еще во времена Артура. В Бретани Колумбан долго не задерживался, и направился в земли франков.

Дорога привела в Бургундию – одно из четырех королевств, на которые разделилась держава Хлодвига. Мы уже вкратце обрисовали положение на франкских землях в 7 веке: слабая церковь, словом, для миссионера с острова святых здесь был работы непочатый край.

Современник святого Колумбана, монах Иона из Боббио пишет: «В то время христианская вера то ли из-за обилия внешних врагов, то ли по небрежению епископов почти исчезла в тех краях. Люди только и помнили, что символ веры, а о спасительной благодати и борьбе с грехами плоти помышляли лишь немногие...».

Колумбан с товарищами начал ходить по селениям и проповедовать Евангелие. О Боге и Христе франки знали, большинство из них были крещены, и потому проповедь гостя из-за моря была привычна франкскому уху: многое из того, что говорил пришелец из-за моря, они и так слышали от епископов и монахов.

Новым казалось другое – то, что приезжие проповедники всерьез относились к своей проповеди, слова подтверждали делом и жили в соответствии с тем, что проповедовали. Они презирали роскошь и жили в строгости, зато прекрасно знали не только Библию, но и отцов церкви (не говоря уже о светских науках), чем являли прямую противоположность «родным» франкским епископам – послушным ставленникам власть имущих. Здесь не столько слова, сколько дела ирландцев привлекли к ним внимание окрестных жителей.

Вскоре слух о заморских гостях дошел до короля. Ученый гость из далекой страны был желанным гостем при дворе, да и просил он немного – всего лишь места для поселения. Король Бургундии Гонтран (Гунтрамн), один из внуков Хлодвига, доброжелательно принял Колумбана и предложил ему выбрать место для жилья. Колумбан выбрал развалины римской крепости в Аннегрей, где стал жить с немногочисленными товарищами.

Впоследствии он переместился в местечко Люксейль, где основал монастырь и привлек несколько сотен последователей, жаждущих более близкого общения с Богом и святой жизни. Колумбан выработал устав монашеской жизни, во многом похожий на устав св. Бенедикта, но гораздо проще и строже. В нем жизнь монаха разделялась на физический труд и аскетические упражнения (не одобряемые, а впоследствии и вовсе запрещенные Римом), притом сильное ударение делалось на послушание духовному наставнику.

С проповедью аввы Колумбана среди франков связывают возникновение традиции украшения елки на новый Год и Рождество. В этом он следовал традиции святого Патрика, «воцерковляя» языческие обычаи.

Германцы-франки, хоть и были крещены, но продолжали по привычке в день зимнего солнцестояния поклоняться священному дереву – ели. Колумбан, не желая мириться с языческими пережитками, но вместе с тем уважая традиции народа, украсил крестами и прочей христианской символикой ближайшую ель и объяснил им христианское значение этого зимнего праздника – рождение Христа.

В какой-то мере дюжина ирландцев была всего лишь каплей в море, и поднять церковь франков из того упадка, в котором они находились. С таким же успехом десяток дровосеков могли бы начать систематическую вырубку германских лесов. Но все же определенный результат их работа приносила. Слушавшие проповеди Колумбана верующие начинали задумываться о сути веры, которую формально исповедовали. А главное – привлеченные примером жизни святого, франки начали сходить в монастырь, основанный ирландцами. Слухи же о столь необычном по тем временам монастыре сделали Колумбана и его товарищей знаменитыми.

Влияние миссионеров на франкских землях росло, все большее количество людей из разных сословий присоединялось к гостям из-за моря. Однако со временем возникли трудности. Дело в том, что Колумбан придерживался кельтских традиций в чине богослужения, праздновании Пасхи и форме тонзуры – кельтская тонзура выбривалась на передней части головы, от уха до уха. Кроме того, его строгий образ жизни не слишком нравился местному духовенству,

которое не придерживалось столь строгой морали. Когда в 603 году Колумбана вызывали на собор для разбирательства, святой отвечал, что не он придумал традиции, по которым живет, сеять раздоры не желает, а в Галлию прибыл ради Христа и просит только позволения жить вдали от людской суеты.

В свою защиту Колумбан написал даже несколько писем папе – св. Григорию Великому. Реакция папы на его послания неизвестна (два первых письма не дошли, а третье подоспело как раз к смерти понтифика), однако красноречие и вежливость рассыпающегося в комплиментах ирландца дают понять, что папа если не одобрил Колумбана, то во всяком случае не стал осуждать его.

Тем более, что труды святого Колумбана были другому святому – Григорию – очень даже на руку: ирландец укреплял франкскую церковь, освобождал ее от влияния королей, да еще и клялся папе в верности и покорности. Кроме того, Колумбан, похоже, римские традиции принял – это видно из того, что конфликт был улажен и еще семь лет святой без особых притеснений трудился на франкских землях.

Так что если бы все ограничивалось тонзурой и Пасхой, Колумбана оставили бы в покое. Но на престоле Бургундии Гунтрамна сменил Теодорих (Теудерих) Второй. Новый монарх симпатизировал Колумбану, однако не мог или не желал отказываться от не слишком целомудренного образа жизни – нормального в глазах франкского короля, но неприемлемого в глазах ирландского монаха. Оно неудивительно – Меровинги привыкли не отказывать плотскому влечению и не церемониться с неугодными подданными, а духовенство либо следовало их примеру, либо смотрело на королевские грехи сквозь пальцы.

Столь трагическое положение вещей давно уже вошло в традицию, однако Колумбан прибыл из страны, где у духовенства в порядке вещей была принципиальность и непреклонность в вопросах морали. Он говорил королю правду в глаза, и слова его не оставались без результата. Этот новый Иоанн Креститель впрямь решил изменить средневекового Ирода, и, казалось, был недалек от успеха.

Однако, как и во времена Иоанна Крестителя, здесь не обошлось без Иродиады. Ей оказалась бабка Теодориха Брунгильда, сохранившая влияние при правлении внука. Престарелая Брунгильда поощряла его в разгульном образе, поскольку, как указывает биограф Колумбана Иона из Боббио, постоянно гулявший по лупанариям (борделям) король не слишком думал о женитьбе, а отсутствие в доме законной жены упрочняло позиции волевой и энергичной бабки.

Брунгильда не без успеха настраивала внука против Колумбана. Для этого Брунгильда вынуждала местных епископов поднимать забытые споры о противоречиях между кельтскими и римскими церковными обрядами, пытаясь тем самым выставить Колумбана как раскольника, сеющего смуту в церкви. Поскольку обычно непреклонный святой подобного рода умело обходил и смягчал, личину раскольника и еретика надеть на Колумбана никак не удавалось (несмотря на все старания местного духовенства, которое, конечно же, не слишком жаловало наглого иноземца).

Но у Брунгильды были способы и получше. Она время от времени вынуждала последнего отступать от придворного этикета в пользу морали и святости, чем, естественно, выводил из себя короля. Бомба, фитиль которой тлел несколько лет, разорвалась в 610 году. Однажды Колумбан пришел во дворец, а Брунгильда вывела ему навстречу выводок детей Теодориха (естественно, от наложниц из

дома свиданий). Колумбан отказался благословить их и ушел восвояси. Король, желая решить дело миром, послал Колумбану богатые дары в знак своего расположения и готовности пойти на мировую. Любой франкский епископ или аббат счел бы это невиданным благом, но пришелец из Ирландии почел позором принять дары от нечестивца, пытающегося мздою загасить его праведный гнев.

Проповеди Колумбана, угрожавшего грешнику муками ада, возымели определенное действие, но ненадолго. Теодорих не был религиозным по своей природе, и не мог долго идти на поводу у дерзкого монаха. Постепенно король вернулся к прежнему образу жизни, заслужив новые упреки со стороны Колумбана. Терпение его лопнуло, и средневековые Ирод с Иродиадой стали искать повода избавиться от назойливого Колумбана. Правда, голову на блюде Ирод решил заменить более гуманными методами.

В поисках этого повода Теодорих стал упрекать Колумбана в том, что он не только нарушает обычаи и традиции римских церквей, но также не пускает в монастырь никого, кроме «своих» и даже не оказывает ему, королю, соответствующего приема. Речь шла о том, чтобы приготовить королю лучшие покои в монастыре, накормить-напоить и спать уложить. А еще – король оставлял за собой право беспрепятственно заходить в любые помещения монастыря – куда ему заблагорассудится.

Пускать мирянина в монастырские покои было и остается по сей день грубым нарушением монастырского устава. Для гостей держали (держат и в современных монастырях) отдельные комнаты. Но вход в большинство внутренних помещений монастыря светским был закрыт. Для принципиального ирландца это само собой разумелось,

для короля же – представляло собой непростительное ущемление королевских прав и привилегий.

Напрасно король и монах уговаривали друг друга – никто не поступился своими принципами и в результате Теодорих должен был вернуться домой не солон хлебавши. Обидевшись на Колумбана, он приказал ему с товарищами под страхом наказания возвращаться туда, откуда пришли – в Ирландию. Естественно, Колумбан сказал, что не покинет монастыря иначе как только по принуждению. И естественно, его принудили.

Иона пишет, будто король вначале заключил дерзкого кельта в темницу, но идея избавиться таким образом от диссидента, как оказалось впоследствии, оказалось не совсем удачной – слишком велика была популярность у Колумбана и слишком мала – у королевской семьи. Сами стражники не осмелились держать в заключении проповедника, пред словами и делами которого преклонялись. Поэтому то ли чудо открыло двери темницы, то ли доброта охранников, то ли красноречие святого, а только очень скоро Колумбан без ведома короля очутился на свободе и проследовал в обитель Люксейль, встречая на своем пути только поддержку и симпатии народа. Как бы там ни было, а пределы королевства Колумбан должен был все-таки покинуть. Ведь он отвечал не только за свою жизнь, но и за жизнь своих монахов. Ради них миссионер вынужден был уйти из монастыря.

Он прекрасно понимал это, и потому не стал испытывать королевское терпение и покорно дал провести себя с земляками до границ Бургундии, а там – до ближайшей гавани. Поведение всех участников этого конфликта вполне обоснованно и предсказуемо. И Теодорих и Брунгильда, и Колумбан следовали каждый своим

принципам и защищали свои ценности. Отпрыски Хлодвига считали, что представитель королевского рода может не стесняться себя в удовлетворении своих нужд – от любовных походов до расправы с неугодными – и готовы были не моргнув глазом пожертвовать жизнью какого-то мелкого клирика, тем более, чужеземца.

В свою очередь Колумбан считал, что называющийся христианином человек должен соблюдать хотя бы элементарные Божьи заповеди, и что священники и монахи для того и созданы, чтобы напоминать людям о простых истинах. При этом неважно, какую должность занимает человек – перед Богом все равны, а религиозные убеждения стоят того, чтобы пожертвовать ради них положением, свободой и жизнью.

Сохранилось прощальное письмо Колумбана к монахам в Люксейле: «Куда бы Бог не послал вас – идите, и множество святых произойдет от вас. В конце концов, в бедах наших нет ничего нового. Разве не было в давние времена философа, мудрейшего среди всех, которого бросили в тюрьму и казнили за то, что он, в отличие от всех остальных, веровал в Единого Бога. Без врагов не будет битвы, а без битвы – венца победителя. А где идет битва – там есть место и для отваги, и для мужества, и для терпения, и для верности, и для мудрости. Без борения стяжать можно разве что отчаяние и невзгоды.

Итак, без боя не станешь победителем. И добавлю я – невозможен почет без свободы». Кельты всегда славились красноречием, доходившим иногда до многословия, однако последнее обращение учителя и пастыря к любимым ученикам не может не тронуть – и не удивить. Может быть, лучше всех житий и панегирик историков вкупе с скрупулезными исследованиями эти несколько слов могут характеризовать своего автора. Здесь и гордость, и

достоинство, и свободолюбие, и мудрость, и посвящение своему делу, и – любовь к наукам.

Под «мудрейшим философом» святой подразумевает, как нетрудно догадаться, Сократа. Колумбан славился своей ученостью – в своих стихотворениях, посланиях и проповедях он цитировал не только отцов церкви, но и латинских поэтов (включая малоизвестных). Это неудивительно, поскольку библиотеки в ирландских монастырях были богаты всякого рода литературой.

От отцов церкви Колумбан мог проникнуться чисто христианской трактовкой жизни и учения Сократа. Удивительно другое – что средневековый миссионер в прощальном послании к ученикам в качестве примера избрал именно Сократа, а не какого-нибудь мученика или святого (благо примеров хватало уже тогда). Значит, не только Писанию учились монахи в Люксейле, и гораздо шире и гармоничнее было образование в ту пору, нежели принято считать.

Из Люксейля Колумбана отправили в Нант, чтобы посадить на корабль и отправить вниз по Луаре и через море в Ирландию. Письмо, приведенное нами выше, писалось скорее всего, оттуда. Иона из Боббио обстоятельно описывает триумфальное шествие ирландцев по франкским землям, сопровождающееся проповедью и чудесами. Так ли это было или нет – трудно сказать. Наверняка слава ирландцев, к которой теперь был добавлены венцы мучеников, гарантировала им теплый прием в любом доме – тем более, что верноподданные франкские клирики никогда не обладали таким авторитетом, а потому их запрет не имел особой силы в сердцах жителей тех земель.

Впрочем, авторитет странников из-за моря не помешал королевским вассалам делать свое дело. По прибытии в Нант

законопослушный франкский епископ Софроний и племянник короля Теодебальд нашли корабль, идущий в Ирландию и незамедлительно посадили на него Колумбана с товарищами. Путь, начавшийся столь славно и уже принесший столько добрых плодов, должен был подойти к концу. Конечно, Колумбан сделал на франкских землях достаточно много, монастыри в Аннегрей и Люксеyle не остались бы в запустении, а Нейстрия или Бретань приняли бы последующих гостей из-за моря если бы ирландцы хотели вернуться.

Но на душе у Колумбана было невесело. Не то, чтобы возвращение в родную Ирландию было бы для него поражением. Страну он покидал по меньшей мере как мученик, да и земляки приняли бы его с радостью в любом случае. Но почему-то не хотел он возвращаться на родной остров, где на каждом шагу можно было увидеть или монастырь, или церковь, или просто странствующих монахов. Ирландия была островом святых и ученых, и не было резона увеличивать их количество. На континенте же жатвы было много, а делателей – мало. Скромные, безупречно честные и посвященные своему делу, ирландцы были солью земли в этих диких краях.

С другой стороны, Колумбан чувствовал, что его служение в Галлии действительно подходит к концу. Пришло время уходить. Вот только куда? Со скрежетом зубным он покорился судьбе и тешил себя мыслями о родных берегах, которые ждали его вдалеке. Однако событиям суждено было обернуться иначе. Буря не позволила кораблю выйти в море и волны выбросили судно на берег.

Несколько раз моряки пытались повторить попытку. Капитан корабля почуял неладное, а Колумбан усмотрел в этом перст Божий и воспользовался случаем, чтобы сойти на землю. Он был в Нейстрии – северо-западной области бывшего королевства Хлодвига, где правил

король Хлотарь, не особенно выделявшийся на фоне монархов тех темных лет, но, по-видимому, не блистающий и на поприще пороков и жестокости. Во всяком случае он старался не участвовать в войнах между королевствами, а узнав, что на его земле находится опальные кельты, тут же пригласил его к своему двору и предложил остаться в Нейстрии.

Придворная жизнь была Колумбану и его товарищам не по душе, и король понимал это. Он предложил им выбрать место для поселения и основать монастырь. Таким образом служение ирландцев в Галлии продолжалось бы в прежнем духе, а враги не могли бы его достать – во всяком случае, так говорил Хлотарь.

Однако Колумбан то ли зарекся верить королям, то ли действовал по принципу «уходя, уходи», но попросил Хлотаря об одном – помощи при прохождении через Австрию (земли короля Теодеберта), чтобы затем идти через Альпы в Италию. Владыка Нейстрии сожалел, что приходится прощаться со столь интересными гостями, однако силой никого не удерживал и провел через свои земли на границу с Австрией. Он еще несколько раз встречался с Колумбаном, просил у него совета и приглашал вернуться в Нейстрию.

Впрочем, в Нейстрию Колумбан так и не вернулся, да и вообще с землями франков старался распрощаться как можно скорее. Предчувствие, охватившее его еще в Нанте, усиливалось. Все больше святой понимал, что странствия Христа ради ведут его за пределы наследства Хлодвига. В Австрии Теодеберт принял его с радостью и подобно Хлотарю предложил ирландцам выбрать место для поселения. Глава кельтских монахов вначале думал отказать и

просить только разрешения пройти через его земли, но потом решил принять во внимание два немаловажных фактора.

Во-первых, в Австразию к Колумбану пришли многие его подопечные из Люксейля. Очевидно, Брунгильда не ограничилась изгнанием пастыря и решила лично заняться рассеянием овец. Даже несколько епископов уже успело пострадать от репрессий. Оставить своих товарищей, пришедших к ним из соседней страны, ирландцы не могли – наверное, совесть не позволяла. Поэтому нужно было искать компромиссный вариант.

Во-вторых, Австразия выгодно отличалась от Нейстрии или Бургундии своим географическим положением. Выгодно для монахов, так как восточные рубежи королевства выходили на земли германских язычников, до сих пор живущих в полуварварском состоянии. Язычники, не ведающие истинной веры и Всеблагого Спасителя! Разве можно найти более привлекательный удел для peregrina, ищущего приключений ради Христа и желающего сеять семена спасения? Естественно, перед столь заманчивыми перспективами ирландцы не устояли. Колумбан согласился остаться в Австразии, но для поселения выбрал руины древнего города Бригантии (Брегенц) недалеко от Рейна.

Для колумбановой задумки это место подходило как нельзя лучше. Отсюда можно было идти к язычникам – алеманнам, швабам, тюрингам, померанам, саксам. Достаточно было просто спуститься или подняться по Рейну на лодке и доплыть до пределов нужного племени. В то же время монастырь находился практически на земле Австразии, поэтому угроза со стороны возможного набега была сведена почти что к нулю. Поэтому, хоть место и не совсем устраивало святого, он остановился там.

Так начался третий период жизни Колумбана – германский (после мирной жизни в ирландском парнике и злключения на франкских землях). Теперь ирландцу-путешественнику предстояло иметь дело не с добрыми ирландцами и не с франками, хоть и не слишком праведными, но все же имеющими определенное понимание христианства. Здешние обитатели частично были когда-то крещены (вероятно, во времена Хлодвига или даже вестготов), но давно уже забыли о делах давно минувших дней. Большинство же были язычниками чистой воды, не имевшими никакого понятия о Боге, которому молятся пришельцы из далеких краев.

Работа была куда труднее предыдущих, однако же и ирландцы с единомышленниками из Люксейля были не лыком шиты. Тем более здесь было во многом проще, чем в прогнившем насквозь франкском обществе. Язычники не притворялись христианами и честно грешили, не прикрываясь благословением подкупленных пастырей. Могли, конечно, и убить, но для гордеца и романтика смерть от язычников была подобна гибели в честном бою – а это гораздо привлекательнее удара в спину.

Такие испытания были кельтам по душе. Подниматься к язычникам вверх по Рейну кельтским странникам было гораздо приятнее, чем плыть по течению. Вероятно, к этому периоду относится песня Колумбана, переделанная с «Песни гребцов», написанной еще во времена Стилихона и вестготов.

Добротно сделан смелый наш корабль.

Пора по Рейну вверх нам уходить.

А ну, споем! Пусть слышит океан!

Несется ветер, пенится волна,

Но храбрый бурю может победить
А ну, споем! Пусть слышит океан!

Чернеют тучи, ураган гудит,
Но кто не трус – руля не отпускать.
А ну, споем! Пусть слышит океан!

Мы не сдаемся – берег впереди,
И шторм не вечно будет бушевать.
А ну, споем! Пусть слышит океан!

А если горе сердце посетит,
Иль в душу искушение войдет –
Пой как моряк! Пусть слышат небеса!

Как воин, препоясавшись мечом,
Ты искушенья сможешь отразить.
Пой как моряк! Пусть слышат небеса!

Когда горит в душе святой огонь –
Рассеешь ты все замыслы врага.
Пой как моряк! Пусть слышат небеса!

И Бог, источник жизни и добра,
Победы радость разделит с тобой.
Пой как моряк! Пусть слышат небеса!

Что интересно, именно подниматься по Рейну пришлось нашим миссионерам. Колумбан с товарищами стал проповедовать швабам, свевам, и, возможно, алеманнам, периодически выходя из стен монастыря и общаясь с местными жителями.

Народ, живущий в окрестностях, давно уже с любопытством поглядывал на чужеземцев, которые отстраивали никому не нужные развалины, с радостью общались с местными жителями, но с неизменным негодованием говорили об их богах. Единственная информация о служении Колумбана язычникам, имеющаяся у нас в наличии, - это агиография Ионы, повествующая главным образом о чудесах – будто язычники хотели принести пивное приношение богу Одину и специально для этой цели приготовили большой сосуд, наполненный превосходным напитком.

Колумбан в негодовании дунул в направлении пивного чана, и он разбился. Чудо повергло в изумление публику и святой смог проповедовать им Евангелие. Навряд ли каждая проповедь Колумбана сопровождалась чудесами. Скорее всего, ирландцы непринужденно общались с язычниками, не слишком изнуряя их проповедью.

Впрочем, пиво сыграло в их благовестии далеко не последнюю роль. Ирландцы пиво варить умели, а в варварском мире пиво играло роль примерно такую же, как вино – у народов Средиземноморья (цитирую Иону из Боббио).

Несколько чудес с пивом Колумбан совершил еще в Бургундии (умножения его вместе с хлебами, а также нежелание пива выливаться на пол, когда монастырский служитель забыл закупорить бочку).

Дикие же германцы, у которых без ячменного напитка не обходилась ни одна встреча, по достоинству могли оценить пиво, предлагаемое им ирландцами. Между прочим, именно так зародились

традиции монастырского пивоварения, впоследствии прославившие Германию как страну пива.

О Колумбане сохранилось интересное предание – святой будто бы проповедовал славянам. Если верить Карамзину, проповедь его оказалась неудачной, и святой вернулся в Брегенц, успокаивая себя тем, что для покаяния славян «еще не настало время». На самом деле Колумбан только подумывал, чтобы идти на «земли венедов, которых также называют славянами, дабы просветить их помраченные умы светом Евангелия».

Непроходимые леса и дикие народы манили его куда больше Австразии и швабов с алеманнами. Здесь было кому трудиться, а Брегенц ему никогда особенно не нравился. С другой стороны, негоже было и оставлять место и людей, за которых отвечаешь перед Богом и совестью.

Удивительно, но каждый «переезд» этого странника проходил туго – то его не хотели отпускать, то наоборот, гнали в три шеи. Несмотря на тягу к путешествиям, он с большим трудом срывался с места.

Вот и сейчас – хоть и тянуло святого пуститься в дальние странствия, но и оставлять поднятый из развалин Брегенц охоты не было. Главным аргументом, который использовала муза дальних странствий, были слова Иисуса из Евангелия - «до края земли», «жатвы много, а делателей мало», «идите и научите».

В пользу оседлого решения была забота о братьях, и, возможно, возраст. Что поделаешь – Колумбану было уже за 70, а в таком возрасте даже столь деятельная натура начинает подумывать о покое. Что было делать святому?

В молитве он спрашивал Бога, стоит ли ему идти. Ответ был прост. Бог сказал Колумбану: «Взгляни, как велик мир. Иди куда хочешь и наслаждайся плодами дел своих». Колумбан обрадовался тому, что Бог не будет против, если он останется пока в Брегенце. Там он и сделал – жил в монастыре до 613 года.

В 613 году грызня между Австразией и Бургундией приняла открытый характер. Теодорих и Теодеберт ополчились друг против друга. Бабушка была на стороне любимого внука Теодориха, а Хлотарь, вняв совету Колумбана, остался в стороне. Теодеберт и его армия были разбиты, а сам он был насильно пострижен в монахи своей бабушкой, а впоследствии – убит. Австразия оказалась под властью Брунгильды и ее внука.

Тем, естественно, было известно о местопребывании Колумбана, поэтому ирландцу снова пришлось уходить. Он перешел через Альпы и оказался в Италии, где правители лангобардов Агилульф и Теоделинда выделила ему развалины старой церкви близ Падуи для поселения. Колумбан на выделенной для него земле построил монастырь, где и провел остаток жизни. Монастырь Боббио, подобно другим кельтским монастырям, стал для Италии и сильной богословской школой, и духовным центром, и издательством.

Иона пишет, что Колумбан активно включился в богословские разногласия и даже написал против ариан сочинение, до нас не дошедшее. Странно, но именно арианские короли помогли ирландцу-ортодоксу обосноваться в их пределах. Колумбану, конечно, было не впервой ссориться с меценатами, но в случае с Теодорихом яблоко раздора было куда большим, нежели доктринальные споры – речь шла о христианской морали, которая не могла мириться с открытым развратом.

В отношении же богословских споров кельты (сами находившиеся под влиянием пелагианства) были весьма терпимы. Этим они, кстати, и заслужили терпимость со стороны проримских англосаксов. Навряд ли у престарелого путешественника, которому приходилось превращать древние развалины в новую твердыню христианства находились силы чтобы обвинять в ереси своих же благодетелей.

Возможно, Иона из Боббио, желая выразить свою политическую благонадежность перед начальством, просто не мог описать жизнь своего героя в арианской стране, не дав ему побороться с еретиками. Впрочем, предположения остаются предположениями, а факты фактами: лангобарды ирландского странника не трогали, а наоборот: давали ему всяческую помощь и поддержку. Возможно, Агиульф и Теоделинда сами склонялись к православным доктринам. Годы в Боббио были для Колумбана относительно спокойными.

Монастырь постепенно пополнялся монахами, а библиотека – книгами. Между прочим, впоследствии Боббио прославится именно как центр учености (в отличие от обители Люксейль, который будет больше ориентирован на миссионерство и проповедь). Теодорих не смог воспользоваться плодами своей победы, и Хлотарь, наконец, выждав момент, напал на брата и захватил его владения. Брунгильду привязали к хвосту дикой кобылы и выпустили кобылу в поле.

Разделавшись с соперниками, Хлотарь стал теперь единоличным властителем франков. Он просил Колумбана вернуться, но тот срываться с места уже не стал. Боббио теперь занимал все его мысли, работы хватало, а с франками у Колумбана были связаны далеко не лучшие впечатления. Да и годы брали свое.

До нас дошло стихотворение, где Колумбан сетует на старые годы, болезни и слабость:

Строки я эти диктую, скован болезнию тяжкой.

Немощно тело, и горько скорбный удел переносит.

Ибо воистину быстро лета мои пролетели.

Значит, конец недалек мой: семьдесят два – уж не юность.

Все в этом мире проходит, время летит невозвратно.

Долгих вам лет!

Ибо старость жизнь завершит неизменно.

Наверное, старость и болезни были для непреклонного странника самым сильным испытанием. Стихотворение это было написано на последнем году жизни святого. Умер он в 615 году, как раз в семьдесят два года, основав четыре крупных монастыря, которым впоследствии суждено будет сыграть важную роль в становлении христианского сознания европейцев. Он был первым, кто дерзнул перечить власть имущим, кто показал мирянам и клирикам, насколько чистая совесть важнее благополучия и безопасности. Теперь представители светской власти поняли, что не всегда они властны над душами своих подданных, а церковь далеко не всегда будет послушным орудием в их руках.

Вместе с тем Колумбан сумел наладить контакты и установить благотворное сотрудничество между миссионерами и властью. Именно сотрудничество с властью, а не подчинение ей, как было до того. Хлотарь не приказывал Колумбану – он спрашивал его совета и оказывал ему поддержку. Отныне франкский король или дворянин будет считать за честь пожертвовать денег на монастырь или церковь, поддержать миссионера или ученого. Это было очень кстати,

поскольку таковых на франкских землях вскоре развелось в изобилии: Колумбан был всего лишь первой ласточкой в огромной стае, которая направилась к берегам европейского континента.

FOR AUTHOR USE ONLY

Глава 7. Ранняя церковь в Нидерландах

Народ Нидерландов был обращен в христианство в седьмом-восьмом веке, то есть, позже, чем многие другие христианские народы Европы. На территории этой страны жили фризы, саксы и франки. Однако, в голландские города, отличавшиеся терпимостью, на протяжении столетий под воздействием религиозного или политического давления» перемещалось «бесчисленное множество беженцев. Многие люди переселялись туда и по чисто экономическим причинам. К примеру, многие из обитателей Нидерландов были моряками, а моряки всегда отличались высокой мобильностью. Плюс к этому, Нидерланды, как правило, во множестве экспортировали своих торговцев: в Средние века – в Англию, во времена Петра Великого – в Россию, и на протяжении нескольких сотен лет – в Америку.

Римское завоевание Нидерландов началось в первом веке до Р.Х. В то время эту страну населяли кельтские и германские народы. В 59-52 гг. до Р.Х. Юлий Цезарь осуществил завоевание Галлии. На Рейне продвижение римлян резко остановилось. Попытки цезаря Августа пересечь Эльбу потерпели неудачу, поэтому область к северу от Рейна, которая находилась под властью фризов, никогда под власть римлян не переходила. Однако, с первого по пятый века, фризы в большей или меньшей степени являлись данниками римлян. Другие области Нидерландов вошли в состав провинций, называвшихся Бельгика и Нижняя Германия. Обычным делом была торговля, осуществлявшаяся через границы между римскими частями Нидерландов и «Вольной Германией». Римляне позволяли франкам селиться в областях римских Нидерландов, чтобы те стояли на страже

границ. Франки выполняли эту функцию до середины пятого столетия, а потом стали двигаться на юг. Римская оккупация некоторых областей Нидерландов закончилась с великим вторжением германских племен в 406-407 гг. Однако, эта территория, называвшаяся тогда Фризией, не осталась без постороннего внимания; через нее «по дороге в Англию проходили англ и саксы», значительная часть миссионеров в Нидерландах вышла из среды англосаксов, которые чувствовали близость к фризам как к родственному народу и предпочитали вести свою миссионерскую деятельность именно среди фризов, нежели среди других языческих народов.

В период ранних Меровингов Нидерланды в значительной степени обладали независимостью, а их фризская часть была полностью независима от власти франков. С ростом могущества франкского дворянства в течении первой половины шестого столетия положение вещей стало меняться. В 687 г. Пипин Второй сокрушил «майордома» Нейстрии (Австразия включает в себя «Арденны и верхнее Мойзе», а Нейстрия была «западной частью франкского меровингского королевства»), что позволило ему направить свое внимание на север.

Миссионерская деятельность франкских епископов, получивших образование при дворе, началась всерьез при содействии короля Дагоберта (годы правления: 623-629 вместе со своим отцом, 629-639 единолично). Фризское королевство стало приобретать все большее значение для франкского королевства, из-за чрезвычайно важной роли, которую играли маршруты торговли и обмена между Шельдтом и Везером, начиная с правления отца Дагоберта, короля Хлотара Второго (годы правления: 584-629). Экспансия франкской

державы не представляла собой главного предмета заботы миссионеров, она была одной из главных задач франкских королей, которые миссионерам помогали.

Среди прочих благовестников Европы, потрудившихся на территории современных Бельгии и Голландии нам известны имена некоторых угодников Христовых, которых мы по праву можем назвать равноапостольными.

Так, уроженец Аквитании **святой Амандус** (ум. 659) основывал монастыри по всей Фландрии, в частности в Эльноне (позже Сен-Аманд), Генте и Антверпе. Король Дагоберт щедро поддерживал подобные миссионерские предприятия, особенно в форме фискальных (коронных) земель.

Из источников известно, что Амандус был посвящен в сан епископа в 628 г. без определенной епархии, получив общие полномочия проповедовать веру язычникам. Он проповедовал Евангелие во Фландрии и среди славян в Каринтии. Затем был изгнан Дагобертом за осуждение нравственных проступков государя, вел миссионерскую работу среди язычников Гаскони и Наварры. Вскоре Дагоберт раскаялся, снова призвал св. Амандуса и бросился к его ногам, прося прощения. Св. Амандус вернулся к благовествованию – на этот раз в окрестностях Гента.

Он сознательно выбрал довольно сложный для миссионерской деятельности регион. Язычники в этой области были столь свирепы, что ни один другой проповедник не отваживался столкнуться с их яростью лицом к лицу. Именно это вдохновило его на работу с ними.

Он работал очень упорно, на протяжении долгого времени, безрезультатно. Его нередко избивали и несколько раз бросали в реку. Однако, в конце концов, его терпение и упорство принесли результат.

Бог позволил ему на глазах у народа воскресить умершего человека (повешенного преступника). После этого события толпы людей пошли к нему, чтобы принять крещение – люди разрушили языческие храмы своими собственными руками. К 633 г. он уже построил несколько церквей, основал два больших монастыря в Генте, оба под покровительством первоверховного апостола Петра.

Во Фландрии он построил много учреждений, посвященных служению Богу. Одним из наиболее известных является большой монастырь в Эльноне, который находится в девяти милях от Турнея. (Монастырь, а также находящийся поблизости город и минеральные источники позже были переименованы в Сен-Аманд).

Традиция, не вполне, впрочем, вызывающая доверие, говорит, что в 649 г. он был избран епископом Маастрихта, но через три года отказался от руководящего поста в своей епархии в пользу святого Ремаклуса и вернулся к миссионерской деятельности. Он продолжал работать среди язычников до восьмидесятилетнего возраста. Потом вернулся Эльнон, где пробыл четыре года аббатом. Видя плоды своих трудов, святой владыка преставился в Лорде в 675 г.

По ходу своей деятельности св. Амандус проповедовал также в Утрехте и воздвиг там маленькую часовню, посвященную Святителю Мартину. После того, как он отбыл, чтобы продолжать свою миссию в других местах, Дагоберт передал укрепленный пункт в Утрехте Епископу Кёльнскому, Куниберту, на том условии, что он будет заниматься обращением фризов. Однако епархия Кёльна не проводила никакой миссионерской работы среди фризов.

Нам известны и другие миссионеры древних Нидерландов, включая Ахариуса, св. Элигуса и св. Моммолинуса, которые

работали в окрестностях Нуайона (сегодня северная Франция) и Турнея (сегодня Бельгия).

Святой Элигий (приблизительно 590-659) начал свою деятельность как благовестник золотых дел мастером, произведшим благоприятное впечатление на королей Клотэра Второго, Дагоберта Первого и Кловиса Второго своим искусством и большой честностью. Его талант принес ему значительное состояние, которое он использовал, раздавая милостыню и выкупая рабов, некоторые из которых остались при нем и верно служили ему на протяжении всей его жизни. Один из них, сакс святой Тилло, стал апостолом в окрестностях Куртрэя. Король Дагоберт предоставил ему землю для мужского монастыря в Лимузине и для женского – в Париже. В 641 г. (начало правления Кловиса Второго) св. Элигий был посвящен в сан Епископа Нуайона и Турнея. Турнейская часть этой епархии была населена в основном язычниками.

Он вел проповедническую деятельность среди них и в окрестностях Антверпа, Гента и Куртрэя. Язычники сначала хотели причинить ему вред, но его упорный труд на ниве христианского благочестия, забота о больных, защита людей от угнетения, предоставление материальной помощи, заставила их изменить свое отношение к нему. Многие были обращены и крещены. Он читал проповеди каждое воскресенье и по праздничным дням. Он преставился в Лорде первого декабря 659 г.

Одна из франкских королев (которая разделяла его заботу о рабах – будучи еще в детстве привезенной в качестве пленницы из Англии, и которая высоко ценила его советы) хотела перенести его тело в свой монастырь в Шелле, тогда как другие стремились привезти его в

Париж. Однако, жители Нуайона так энергично протестовали против этого, что его тело осталось у них.

В древности равноапостольный святитель Элигий долгое время оставался самым популярным святым Франции, и его праздник в эпоху позднего Средневековья был всеобщим праздником северо-западной Европы.

Он является святым покровителем разного рода кузнецов и работников по металлу. Батлер заметил, что Элигий научился быть святым живя «в мире» и при дворе. Но при этом он научился не быть частью мира, научился не уходить в мир, не оставлять свои религиозные обязанности... Св. Элигию, как и многим другим святым, даже будучи при дворе, удавалось посвящать свое время большей частью беседе с Небесами. Это был один из немногих святых, который пребывал в дружбе и царями земными и с Царем Небесным

История сохранила имена и англосаксонских миссионеров Фрисландии. Среди них упомянем **Святого Вильфрида** (634-709). Он пришел из благочестивой семьи – отцом его был св. Вильгис, который позже стал отшельником и основал небольшой монастырь. Вильфрид был первым известным англосаксом, который вел проповедническую деятельность среди фризов. После того, как св. Феодор из Тарса разделил громоздкую Йоркскую епархию св. Вильфрида на четыре части, последний покинул Англию, чтобы обратиться к Риму. Его враги желали убить его, поэтому он выбрал маршрут через Фрисландию, чтобы сбить их со следа. Тепло принятый королём Альдгислом святитель Вильфрид провел там, проповедуя Евангелие, сначала зиму 678 года, а потом и следующее лето.

В пользу его учения в глазах язычников сыграло серьезную роль то обстоятельство, что его прибытие было ознаменовано небывалым уловом рыбы. Тот год, вообще, выдался необычайно урожайным, и это касалось всех видов продукции. Все это они приписали славе Бога, которого проповедовал святой муж. Проповедь была принята, и он крестил всю, за несколькими исключениями, верхушку фризов, и еще множество тысяч простого люда.

Франкский князь Эброин (майордом короля Теодерика) был подкуплен врагами св. Вильфрида, желавшими смерти угодника. Он послал Альдгислу письмо, обещая бушель золотых за св. Вильфрида, живого или мертвого. Король прочитал послание вслух в присутствии всех, включая самого св. Вилфрида и посланников. После этого он разорвал послание и сжег, сказав, что пусть Бог уничтожит тех, кто нарушает свои клятвы. Затем св. Вилфрид отправился в Рим, а после продолжил свою долгую и разнообразную деятельность в Англии, где мирно почил в Бозе. Однако, его приемник и духовный сын святой Виллиброрд, вернулся к фризской миссии. О нем наш следующий рассказ.

Святой с труднопроизносимым именем **Виллиброрд** (прим. 658-739) – покровитель Люксембурга. Английский монах-миссионер прибыл в деревню Эхтернах в 698 году и основал здесь церковь и аббатство. Постепенно у стен святых зданий вырос городок с населением несколько тысяч человек. Однако нам следует поведать о его жизни и благовестническом подвиге подробнее.

Он родился в Нортумбрии. С раннего детства он был помещен на воспитание в монастырь в Англии, в его отечестве. Когда ему не исполнилось еще семи, он пришел в обитель Рипона, который в то время возглавлял основатель обители уже известный нам

равноапостольный Вильфрид. Повзрослев, Виллиброрд принес обеты и стал бенедиктинским монахом. В двадцать лет св. Виллиброрд получил благословение аббата на то, чтобы уехать в Ирландию для духовного делания, он отправился в аббатство Ратмельсиги (ныне — аббатство Меллифонт) в Ирландии, которое в VII веке было одним из видных центров богословия и учёности в Европе. В Ирландии Виллиброрд провёл 12 лет, совершенствуя свое образование под руководством св. Эгберта.

В той богоспасаемой обители молодой монах присоединился к святым преподобным Эгберту и Вигберту, которые еще раньше отправились в Ирландию. В 690 г. Виллиброрд покинул Ирландию в составе группы из двенадцати миссионеров, отправившихся проповедовать христианство во Фризию. Миссия проходила на фоне войны между христианским майордомом франков Пипином II Геристальским и языческим королем фризов Радбодом. Миссионеры дошли до Утрехта, уча и проповедуя.

Св. Вигберт смело отправился во Фризию, где он неустанно на протяжении двух лет проповедовал слово жизни народу и его королю Радбоду; но его огромные старания не нашли никакого отклика в сердцах его слушателей-варваров, во многом из-за противодействия Радбода, решительного покровителя язычества. Так что св. Вигберт сдался и вернулся в Ирландию. Эта миссия, должно быть, закончилась еще до 690 г. Тогда св. Эгберт подготовил и отправил вторую группу миссионеров, во главе которой был либо св. Виллиброрд, либо св. Свитберт. Св. Виллиброрд покинул Ирландию в составе группы из двенадцати миссионеров, отправившихся в 690 г. во Фризию.

Блестяще пройдя курс и получив рукоположение во священника в возрасте тридцати трех лет, Виллиброрд решил проповедовать

Евангелие варварам Севера. За некоторое время до правитель Пипин нанес поражение языческому королю Радбоду, принудил его уступить южную часть этой территории, целую область между Мойзе и Рейном, и заплатить дань.

К этому моменту в южной части Фризии обстоятельства резко изменились к лучшему. Для этого иеромонах Виллиброрд сел на судно с двенадцатью спутниками и высадился на берегах Рейна, в стране фризов. Обращение этих упорных в своем пристрастии к язычеству народов, возглавляемых жестокими вождями, представлялось невероятно трудным. Поэтому усердие миссионера не всегда и не везде увенчивалось успехом. Миссионеры сошли на берег в устье Рейна и последовали в Утрехт, проповедуя и уча по пути. Радбод временно прекратил противодействие христианскому учению.

В Утрехте они встретились с Пипином, который высказал поощрение их намерениям проповедовать в только что завоеванных областях. Много раз Виллиброрд подвергался мукам, борясь против суеверий стран, где он проходил. Но его час еще не пробил. Св. Вильфрид, в то время изгнанный из Йорка и проживавший в Мерсии, назначил св. Свитберга (после избрания его собратями-миссионерами) епископом округа. Однако, по всей видимости, Пипин не одобрил этого выбора, поскольку св. Свитберт вскоре пересек Рейн и отправился проповедовать, а Пипин послал в Рим св. Виллиброрда с письмом, в котором настаивал, чтобы тот был посвящен в епископы вместо св. Свитберга. Св. Виллиброрд сначала противился предложению стать епископом, чувствуя себя недостойным этого сана. Однако давление короля и единодушное согласие братии убедили его принять сан. Папа Сергий посвятил св. Виллиброрда в

епископы фризов в базилике св. Цецилии в ее день, 22 ноября 695 года.

Св. Виллиброрд оставался в Риме только четырнадцать дней. Бог предназначил его для более длительных трудов. Он получил епископскую хиротонию из рук святого папы Сергия I и с большим усердием продолжил миссионерскую деятельность. Римский архиерей предоставил ему соответствующие санкции, а также дал мощи для освящения церквей. Он вернулся в Утрехт и восстановил там церковь св. Мартина, которая была построена св. Амандусом, но позже была разрушена язычниками. Он выбрал Утрехт центром своей епархии и базой для организации миссионерских предприятий. Виллиброрд основал множество церквей, в том числе и монастырь в Утрехте, который стал его кафедрой, а сам Виллиброрд стал таким образом первым епископом Утрехта. В Эхтернахе, который ныне находится в Люксембурге, им было заложено знаменитое аббатство, существующее и поныне.

В 698 г. он учредил аббатство Эхтернаха на Суре, в епархии Трира (сегодня Люксембург), еще одну большую миссионерскую базу, кроме того стал действовать и в областях Верхней Фрисландии, которые находились под властью Радбода. Св. Виллиброрд явился и ко двору Радбода, но хотя король фризов принял божьего человека по доброму и со смирением, сердце его ожесточилось против Слова Жизни. Тогда святой решил изменить направление своей миссионерской деятельности и отправился к свирепым племенам данов. Там он не добился успеха, не считая того, что он купил тридцать датских мальчиков, которых он обучил, крестил и забрал с собой.

Св. Виллиброрд бесстрашно проповедовал новое учение самым свирепым языческим вождям, в том числе и самому Радбоду, который, хотя и не принял христианство, но потрясенный смелостью и убежденностью святого, отпустил его с миром. Вот как это произошло.

Во время возвращения св. Виллиброрд попал в шторм, в результате чего он оказался на фризском острове Хелиголанд. Остров считался у фризских и данских язычников священным островом бога Фосите. Это место держало язычников в таком великом страхе, что никто из аборигенов не отваживался соваться туда пасти свою скотину, и не смел брать воду из бывшего там источника, кроме как соблюдая абсолютную тишину.

Св. Виллиброрд не придавал никакого значения ни приписываемой суевериями этому месту святости, ни дикой жестокости короля Радбода, который, как правило, предавал нарушивших покой священных мест жесточайшей смерти. Виллиброрд крестил трое человек в источнике во имя Благословенной Троицы и дал указания заколоть несколько коров, чтобы накормить своих спутников.

Когда язычники увидели это, они ждали, что пришельцы сойдут с ума или тут же будут поражены смертью. Однако, миссионеры не понесли никакого вреда, и язычники, пораженные ужасом и изумлением, доложили королю о случившемся. Король впал в сильнейшую ярость и решил отомстить священнику за те оскорбления, которые тот нанес его божествам.

На протяжении целых трех дней ежедневно он трижды бросал жребий, чтобы определить, кому предстоит умереть; но так как истинный Бог защищал своих слуг, жребий ни разу не выпал ни на

Виллиброрда, ни на кого-либо еще из его спутников, за исключением одного члена его группы, который, таким образом, обрел мученический венец.

Тогда святого человека вызвали к королю, который осыпал его бранью за то, что он нарушил покой святилища короля и нанес оскорбление его богу. С невозмутимым спокойствием проповедник Евангелия ответил: «Предмет твоего поклонения, о король, не бог, а дьявол, и он держит тебя в сетях мерзкой лжи, чтобы предать твою душу вечному огню. Ибо нет Бога, кроме единого, который создал небеса и землю, моря и все, что в них; и те, кто поклоняется Ему в истинной вере, обретут вечную жизнь. Как Его слуга я призываю тебя в этот день отказаться от пустых закоснелых заблуждений, в которые впали твои предки, и поверить в единого всемогущего Бога, Господа нашего Иисуса Христа. Прими крещение в источнике жизни и смой все твои грехи, чтобы, отказавшись от злобы и нечестивости, ты мог после этого жить как новый человек в успокоении, справедливости и святости. Если ты сделаешь это, ты будешь радоваться нескончаемой славе вместе с Богом и Его святыми; но если ты отвергнешь меня, того, кто открывает тебе дорогу жизни, будь уверен, что вместе с дьяволом, которому ты подчиняешься, ты будешь терпеть нескончаемое наказание и мучение в языках пламени».

На что король подивился и ответил: «Ясно мне, что мои усилия никак не повлияли на тебя, и что твои слова также непреклонны, как и твои дела». Хотя он не вял проповеди истины, он отослал Виллиброрда со всеми почестями обратно к Пипину.

Отправившись со своими проповедями на север, он был счастлив обратить ко Господу Иисусу Христу значительные части земель, именуемых Зеландия и Голландия. Явленные чудеса немало

способствовали его успехам. Сохранилось предание про знаменательный случай, произошедший со святым миссионером, однажды св. Виллиброрд отправился на фризский остров Вальхерен, где его благочестие и терпение совершили множество завоеваний ради христианской вере, и основал там несколько церквей. Он разрушил стоявшего там идола, после чего на него напал возмущенный языческий жрец, вооруженный мечом, и попытался его убить.

Однако, святой чудом уцелел. Затем, его спутники ринулись, чтобы убить дикого человека за его безумие. Божий человек, естественно, освободил преступника из их рук и отпустил его. Однако, в тот же день тот был схвачен дьяволом, который обладал им три дня, после чего тот закончил свою жалкую жизнь в страданиях. Сохранилось предание о знамени, створенном Божиим благовенстником. Святитель и его изнуренные усталостью спутники вошли в дом одного жителя, который почел за честь их принять, но не имел и капли вина, чтобы им предложить. У миссионеров с собою было немного вина. Епископ благословил это вино, и сорок человек смогли утолить свою жажду.

После этого он без приключений вернулся в Утрехт. В 714 г. он крестил Пипина Короткого, будущего короля франков, сына Карла Мартела . 14 декабря 714 г. Пипин умер, и вскоре после этого началась известная борьба за власть над франкской территорией. Гражданская война продлилась примерно пять лет и закончилась победой Карла Мартела.

В 716 г., пока у франков шла гражданская война, Радбод снова завладел теми частями Фризии, которые он потерял двадцать восемь лет назад. Радбод свел на нет большую часть работы св. Виллиброрда

– он разрушил церкви, убивал миссионеров и принудил отступить от веры многих обращенных. Св. Виллиброрд был вынужден отступить в Эхтернах и оставаться там до смерти Радбода в 719 г. После смерти Радбода он смог вести свою проповедническую миссию по всей Фризии, стараясь крещением привести в церковь тех людей, которые недавно были завоеваны мечем. В 720 г. к нему присоединился св. Бонифаций (о котором наш следующий рассказ) и помогал ему в этой его работе три года.

К тому времени над фризами установилась верховная власть герцога Карла Мартела, слово Истины оглашалось, преодолевая границы, страну наполнили голоса проповедников, и преподобный Виллиброрд со своими братьями-миссионерами распространял Благою Весть. Когда Карл стал майордомом, то есть фактическим правителем всей франской державы, он приказал, чтобы доходы от его замков в Утрехте были пожертвованы Утрехтскому монастырю св. Виллиброрда.

Однако в прежние годы, будучи совсем беден, святитель всегда подавал милость нуждающимся. Двенадцать нищих пришли однажды к нему с протянутой рукой. У него же был только маленький флакон вина. Он угостил их вином, и флакон оказался полным, как и прежде. Бог дал ему верного помощника в лице его соотечественника Винфрида (Winfred), ставшего святым Вонифатием (Бонифатием). Виллиброрд также предпринял миссию в Данию, но там особенного успеха не добился и вернулся во Фризию.

Св. Виллиброрд продолжал свою работу по достижении преклонного возраста, а последние несколько лет своей жизни продолжал свою работу по достижении преклонного возраста, а последние несколько лет своей жизни он провёл в Эхтернах, где и

скончался 7 ноября 739 г. Его преемником на посту аббата стал Альдберт. По преданию, могила святителя, оказавшаяся слишком маленькой, удлинилась, чтобы принять его. Его тело источало приятный запах. Таковы сведения, которые сохранились в анналах истории про одного из тех святых мужей, всю свою жизнь отдавших делу проведи Слова Божьего среди варваров, которые благодаря вере Христовой перебороли свою первобытную дикость и приобщились к благам средиземноморской цивилизации.

В г. Эхтернах на праздник Троицы проводится красочное и очень оригинальное шествие, посвященное св. Виллиброрду. Участники двигаются через весь город особым танцующим шагом: ранее делалось три шага вперед, затем два назад, однако с 1947 г. участники делают шаг вперед и влево, потом шаг вперед и вправо. Первое упоминание о процессии датировано 1497 г. На протяжении веков процессия несколько раз запрещалась, но дожила до наших дней.

Происхождение этого оригинального обычая точно не установлено; вероятно, это наследие раннесредневековых покаянных процессий, участники которых вели себя как больные тяжелыми болезнями, думая, что это поможет «отогнать» болезнь. Возможно, это подражание тем древним христианским паломникам, которые через каждые три шага опускались на колени, возможно, в этом обычае присутствуют отголоски древних языческих культов. Как бы то ни было, шествие проводится ежегодно и заканчивается торжественной службой у могилы святого.

Глава 8. Святой Бонифаций, просветитель древних германцев

Ученику и сподвижнику св. Виллиброрда суждено было превзойти учителя. Бонифаций (Вонифатий) расширил, очистил и реорганизовал церкви Германии и Западного королевства франков.

Святой Бонифаций (680-754) – подвижник и миссионер Западной Церкви VIII – век, не мог иметь никакого отношения к Русской Православной Церкви, хотя бы по той причине, что жил более чем за двести лет до крещения Руси. Однако его миссионерский и мученический подвиг привлекает сегодня внимание многих православных христиан, как в России, так и за ее пределами. Причиной этого, на наш взгляд, является определенное типологическое сходство между той эпохой, в которую он жил, и современностью.

Можно без преувеличения сказать, что святой Бонифаций явился основоположником новой эпохи в жизни Западной Европы, был непосредственным участником тех процессов, которые в конечном итоге сформировали лицо средневековой Европы. Его деятельность значительно повлияла на судьбы многих европейских народов. Его личность является ключевой не только для понимания событий, происходивших в середине VIII века во Франкской империи, но и для нашего времени, когда Православие возвращается в Западную Европу как неотъемлемая часть ее религиозной жизни.

Однако имя святого Бонифация - подвижника и миссионера Западной Церкви VIII века, почти неизвестно в России. Только узкий круг историков-медиевистов знаком с жизнью и трудами этого

святого. В то же самое время священномученик Бонифаций явился основоположником новой эпохи в жизни Западной Европы, был непосредственным участником тех процессов, которые в конечном итоге сформировали лицо средневековой Европы. Его деятельность значительно повлияла на судьбы многих европейских народов. Его личность является ключевой не только для понимания событий, происходивших в середине VIII века во Франкской империи, но и для нашего времени, когда Православие возвращается в Западную Европу как неотъемлемая часть ее религиозной жизни.

Его личность уже неоднократно была предметом исследования многих ученых на Западе - в первую очередь, в Германии и Англии. В то же время в отечественной историографии имя святого Бонифация до сих пор остается малоизвестным. За исключением нескольких словарных статей, помещенных, главным образом, в дореволюционных, малодоступных энциклопедических изданиях, на русском языке до последнего времени не существовало специальных работ, в которых бы рассматривалась его жизнь и миссионерское служение. В семинарских курсах Истории Древней Церкви его имя упоминается как бы вскользь и мимоходом, а оценки его миссионерской и церковно-организационной деятельности, как правило, субъективны и противоречивы

Несомненно, святитель Бонифаций был ключевой фигурой своей эпохи. Его многогранная личность объединяла в себе миссионерскую ревность англосакса, подвижнический дух монаха, административный талант епископа и мудрость церковно-политического деятеля, который должен был совершать свое служение в далеко не простых условиях того времени.

Он всегда был и оставался последовательным приверженцем канонических принципов устройства церковной жизни, отраженных в правилах Древней Церкви. Поэтому как представитель западной церковной традиции он рассматривал именно Римскую Церковь - древнейшую на Западе и потому пользовавшуюся там непрекаемым авторитетом - как самую надежную хранительницу древне-церковного предания, как "столп и утверждение" христианской истины. Очевидно, что именно такой взгляд в ту эпоху и в тех исторических обстоятельствах был для него абсолютно естественным и закономерным.

Святитель Бонифаций родился, по всей вероятности, в Кредитоне, в Девоншире. Он происходил, вероятно, из знатного англосаксонского рода. При крещении ему было дано имя Винфрид. Примерно в возрасте пяти лет, вдохновленный проповедью монахов, которые посетили его семью, он решил, что и сам начнет монашескую жизнь. По происхождению был англосаксонским аристократом и в крещении получил имя Винфрид.

Он уже в детстве почувствовал себя призванным к духовному служению. Но его намерение встретило резкий отпор со стороны отца, и только после исцеления от тяжелой болезни, отец дал свое согласие на вступление сына в монастырь. В возрасте семи лет Винфрид был отдан как "puer oblatus" - посвященный Богу отрок - в монастырь Эдесканкастр (Adescanastre) под руководство аббата Вульфхарда. Уже в отроческие годы он носил облачение монаха-бенедиктинца.

Спустя приблизительно семь лет юный монах перешел в аббатство Нурслинг, находившееся между Винчестером и Саутгемптоном. В этой обители он вел строгую подвижническую жизнь, серьезно изучая Священное Писание, а также обучаясь

истории, грамматике, риторике и поэзии. Вскоре он был назначен начальником монастырской школы. Ему было уже сорок лет, когда его потянуло из монастыря к миссионерской работе, которой он и посвятил следующие почти сорок лет своей жизни.

В возрасте 30 лет Винфрид был рукоположен во священника, о нем говорили как о весьма ученом и многообещающем наставнике и проповеднике. Он был хорошим монахом и блестящим ученым – его назначили руководителем школы в аббатстве (обители) Нёрслинг. Через некоторое время он отправился во Фрисландию миссионером. Аббат Нёрслинга неохотно дал на то свое согласие.

Но несмотря на обширное поле деятельности у себя на родине, Винфрид в возрасте 40 лет покинул Англию и отправился на континент. В основе его решения лежала одна из важнейших идей ирландского и англосаксонского монашества peregrinatio pro Christo - странствие ради Христа, а также идея проповеди христианства среди родственных народов, которая была в то время особенно распространена среди англосаксонских монахов. Весьма важным для Винфрида было также стремление к объединению поместных Церквей Запада под канонической властью Рима.

Однако, первая поездка к фризам, где он после служения Виллиборда надеялся обрести благодатную почву для своих дальнейших попыток обратить язычников в христианскую веру, осталась безуспешной. Дело в том что именно тогда, в 716 году, уже известный нам герцог фризов язычник Радбод отвоевывал покоренную ранее франками-христианами часть Фризии и находился в состоянии борьбы с герцогом Карлом Мартеlem.

Винфрид-Бонифаций сошел на берег в Дёрштадте весной 716 г. Св. Виллиборду в то время пришлось покинуть Фрисландию и

отправиться в свой монастырь в Эхтернахе, а Бонифаций в первую очередь занялся выяснением ситуации и провел беседу с королем Радбодом. Оценив ситуацию, он сделал вывод, что оставаться там не было никакого смысла, и осенью вернулся домой. В монастыре обрадовались его возвращению. Братья попытались заставить его остаться, выбрав его аббатом по смерти аббата Винберта.

В 716 г. он предпринял свое первое путешествие во Фрисландию, где уже с кон. VII в. действовали англосаксонские миссионеры, в том числе святой Виллиборд. Но этот первый опыт миссионерства потерпел неудачу. Фризский герцог Радбод, который только что отвоевал у франкского майордома Карла Мартелла (714-741) юго-западную часть страны, хотя и не стал препятствовать англосаксонскому миссионеру в проповеди христианства, но сам остался равнодушен к новой религии и не оказал поддержки миссии. Натолкнувшись на сильное сопротивление местного населения, Винфрид осенью 716 г. со своими спутниками вернулся в Англию.

В конце 717 г. в родном монастыре Винфрида Нурслинге умер аббат Винберт, и его преемником избрали Винфрида. Однако настоятелем монастыря он оставался недолго и вскоре, осенью 718 г., заручившись рекомендательным письмом епископа Винчестерского Даниила, Винфрид навсегда покинул свою родину. Вместе с группой товарищей он отправился в Рим, чтобы получить поддержку Римского престола и обеспечить тем самым проповеди христианства в германских землях прочную основу. С тех пор принцип непрерывной связи с Римской Церковью стал руководствующим для Винфрида во всей его дальнейшей деятельности.

Однако преподобный отказался и в 718 г. отправился в Рим, имея с собой рекомендательные письма от епископа Винчестерского

Даниила. Папа Григорий Второй хорошо его принял и продержал у себя год, а потом отправил выполнять свою миссию, предоставив ему общие полномочия проповедовать слово Божие язычникам. Во вторую свою поездку Винфрид отправился из Англии прямо в Рим. Там в 719 году папа Григорий II с наречением римского имени Бонифаций (в честь одного киликийского мученика Вонифатия), принял его в папскую семью (хотя еще не в юридическом смысле) и с общим поручением заниматься миссионерской деятельностью послал к германцам (до 721 года он вместе с Виллибрордом во Фризии; в 722 году в Гессене; основание первого монастыря: Аменбург).

Винфрид прибыл в Рим в конце 718 г. и был принят папой Григорием II. 15 мая 719 г. он получил от папы грамоту, где впервые назван Бонифацием - тем именем, с которым он и вошел в историю. В этом документе подтверждались его полномочия как миссионера, хотя ему и не было указано конкретное поле деятельности. Лишь в самых общих чертах его задача определялась как проповедь христианской веры, а также в грамоте содержалось требование придерживаться при крещении римского обряда и "по возможности" сообщать о возникающих трудностях папе.

Летом 719 г. он отправился в Тюрингию, которая считалась в Риме христианской страной. Однако положение там оказалось более сложным, чем предполагалось. Обращенные в христианство предшественником Бонифация, св. Килианом, государи, герцог Гоцберт и его сын Хетан II, были убиты, возможно, как раз из-за их попыток распространить христианскую веру среди своих подданных, которые предали язычеству или смешивали христианство с идолопоклонством. Бонифаций пытался побудить людей жить в соответствии с предписаниями христианской религии, однако не

добился желаемого успеха, хотя и смог обратить нескольких язычников. Он решил отправиться ко двору франкского майордома Карла Мартелла, чтобы просить его о помощи, но по пути узнал о смерти фризского вождя Радбода и направился во Фрисландию. Здесь он провел три года, энергично помогая престарелому епископу Утрехта св. Виллиброрду.

Вскоре епископ Виллиброрд пожелал сделать Бонифация своим преемником. Однако он уклонился от этой чести, ссылаясь, на то, что без благословения папы не осмелится принять епископский сан. Бонифаций покинул Фрисландию и, последовав за армией Карла Мартелла, достиг Тюрингии и Гессена, где крестил многих местных жителей. С помощью двух вождей, обращенных им в христианство, Бонифаций учредил в 721 г. небольшой монастырь в Амёнебурге на реке Ом в Верхнем Гессене. По замыслу своего основателя обитель должна была стать своего рода миссионерским центром для подготовки духовенства из местных жителей.

Вскоре Бонифаций послал к папе Григорию II одного из своих учеников с письмом, где сообщал об успехах миссии и просил о дальнейшем руководстве. В ответ на это послание папа пригласил Бонифация посетить Вечный город, куда он отправился осенью 722 г. в сопровождении многочисленной свиты.

Во время своей второй поездки в Рим в 722 году Бонифаций принес клятву верности папе Григорию II. Так присягали до сих пор папе только ближайшие к Риму епископы. Тогда же Бонифаций был посвящен папой в сан епископа-миссионера (без постоянной резиденции).

Впервые в истории папства рукоположение епископа неиталийского происхождения было совершено по чину,

употреблявшемуся до этого исключительно для епископов римского митрополичьего округа.

В этой клятве некоторые исследователи усматривают якобы уже тогда проявившуюся приверженность Бонифация "папизму", хотя в ней не содержится ничего противоречащего каноническим принципам Древней Церкви: Бонифаций клялся быть верным Римской Церкви, не иметь общения с епископами, которые не придерживались канонических предписаний и бороться с их деятельностью. Поставив Бонифация епископом, папа Григорий II отослал его назад с письмами, требующими повиновения новопоставленному епископу от духовенства его новой епархии в Тюрингии и Гессене. Кроме того, с письмом и просьбой о защите и помощи он обратился также и к Карлу Мартеллу, взявшего Бонифация под свою защиту.

Отныне к Бонифацию приходит успех. При Гейсмаре от руки провозвестника веры пал дуб Донара: то был настоящий Божий суд в глазах видевших это язычников. Основанием монастыря Гейсмар увенчалась миссия в Гессене. К 724 году миссия среди язычников в полном смысле слова может считаться законченной.

Вернувшись в Гессен, Бонифаций с лихвой возместил ущерб, который Церковь понесла за время его отсутствия, когда многие жители этой страны перешли в язычество. Чтобы показать язычникам, насколько бессильны были их боги, Бонифаций срубил в местечке Гисмар около города Фрицлар, дуб, посвященный богу грома Тору. Однажды на вершине горы Гуденберг в Гайсмаре, недалеко от Фрицлара в Германии многие гессенцы были обращены в христианство. Однако некоторые из них продолжали, кто тайно, а кто открыто, практиковать языческие обычаи. Святой Бонифаций решил в их присутствии в месте под названием Гайсмере срубить дуб

неимоверных размеров, который древние язычники называли Дубом Юпитера.

Собрав все свое мужество, ибо рядом стояла огромная толпа язычников, он сделал первый замах. Когда он сделал первую поверхностную зарубку, верхушка дуба задрожала, его ветви стали обламываться, и вдруг громада дуба, потрясенная мощным порывом ветра сверху, рухнула наземь. Дуб развалился на четыре одинаковые части. Став свидетелями такого необычайного зрелища, язычники, которые до этого сыпали проклятиями, перестали браниться, уверовали и стали прославлять Господа. Затем святой епископ, посоветовавшись с братией, построил часовню из древесины дуба и посвятил ее Спасителю и Святому Апостолу Петру. Для язычников это было зримым знаком того, что христианский Бог могущественнее и сильнее языческих богов.

По возвращении из Рима Бонифаций с помощью герцога Одилона и баварской знати начал работу по созиданию Баварской Церкви на канонических началах. Он по-новому определил границы епархий и назначил епископов на свободные кафедры: в Зальцбург, Фрайзинг и Регенсбург. Бонифаций основал самостоятельную гессенскую епархию с центром в Бюрабурге и назначил в нее епископом св. Витту. Были созданы также епархии в Айхштадте, куда в октябре 741 епископом был рукоположен св. Виллибальд, и Эрфурте. Новым епископом Вюрцбурга стал Бурхард.

Бонифаций обращал особое внимание на каноничность рукоположений духовенства и отстранял от служения неканонических клириков. Если рукоположенные неканоническим образом священнослужители были готовы признать, что они совершали свои

упущения не по злой воле, и приносили покаяние в содеянном, то Бонифаций заново рукополагал их в священный сан.

Прошло некоторое время, и до святого Бонифация дошли сведения о том, что нечестивый Радбод умер. Тогда он вернулся к своей миссии во Фрисландии, и в течение трех лет помогал там св. Виллиброрду в его работе. Св. Виллиброрд хотел сделать его своим преемником и наследником, но св. Бонифаций отклонил это предложение, настаивая на том, что его полномочия – это общие полномочия, и что он не может принимать какую-либо определенную епархию. К тому же он чувствовал себя еще слишком молодым. Он вернулся в Германию, где обращал язычников.

Следующие тридцать два года своей жизни он созидал церковь в Германии, реформировал франкскую церковь, которая в то время сильно сбилась с курса. Ситуация в церкви была крайне сложной. Карл Мартелл сильно усугубил положение, занимаясь кражей имущества церковей и, что было еще хуже, назначая епископами безбожных людей из своего окружения. Обычным делом была симония.

А один епископ даже участвовал в сражении и своими руками лишил жизни убийцу своего отца. Св. Бонифацию приходилось бороться с еретическими епископами и священниками, с самозванными епископами, со «святыми» (то, что сейчас бы назвали в стиле «Нью-Эйдж»), священниками, которые исполняли как языческие жертвоприношения, так и христианские таинства. Он организовывал первые франкские соборы духовенства, чтобы с их помощью очистить франкскую церковь.

В самом же государстве франков Бонифаций смог приняться за организационную работу в Церкви только после смерти Карла

Мартелла (741 год). Ему покровительствовали теперь Карломан и несколько менее ревностный в делах Церкви Пиппин. Прежде всего Бонифаций основал новые епархии. В Гессене и Тюрингии он учредил епископства в Вюрцбурге, Эрфурте и Бюрабурге (742 год). Для них он испросил то, чего до сих пор никогда не бывало, — утверждающие их именные папские буллы. На плечи Бонифация, в 722 году поклявшегося в верности папе, легло столь много обязанностей, что он свое личное обязательство перед ним перенес на всю Франкскую Церковь. Тем самым он распространил на эту Церковь юрисдикцию папы. Поступок Бонифация имел огромное значение как для Франкской Церкви, так и для Рима.

Бонифаций фактически стал примасом, то есть первенствующим епископом, восточных франков (Австразия). Это выразилось в том решающем значении, которое имело участие Бонифация в первом общецерковном восточнофранкском Соборе 743 года (так называемый Concilium Germanicum, созванный Карломаном, который и придал его решениям, обнародовав их, законную силу).

На этом Соборе Бонифаций убедил епископов присягнуть на верность папе, что означало дальнейшее распространение папской юрисдикции. От монастырей он потребовал введения бенедиктинского устава. В то время клир и епископат в значительной своей части пришли, согласно письменному свидетельству святого, в невероятный упадок. Бонифаций принял ряд мер, направленных на воспитание священнослужителей (запрет охоты и военной службы). Церквям должно было быть возвращено отнятое у них имущество (чего однако не произошло).

Затем границы области, находившейся под влиянием святого, вновь расширились. На Соборе в Суассоне 744 года и первом

общефранкском Соборе 745 года Бонифаций предстает (естественно, лишь с согласия майордома) верховным руководителем также Нейстрийской Церкви, а в принятых на этих соборах решениях — ее реформатором.

Тогда же было решено ввести во Франкской Церкви сан митрополита. Переговоры с папой были успешны. Однако же претворение этого решения в жизнь потерпело неудачу. Причиной было сопротивление прежнего франкского епископата. Сам Бонифаций должен был стать, согласно соборному постановлению, митрополитом с резиденцией в Кёльне. Но этого не случилось, и он получил епископство в Майнце (746 год).

Резкие выступления Бонифация против недостойных членов клира, естественно, встретили и сопротивление. Местные франкские епископы, чаще всего женатые, стремящиеся к деньгам, наслаждениям и власти, показали себя противниками Бонифация с первых же лет его пребывания у франков и до конца жизни этого миссионера. Он не во всем преодолел их сопротивление, но проводил реформу и каноническое устройство Церкви настолько целенаправленно, что это органически направило по намеченному им пути все дальнейшее церковное развитие. Бонифаций достиг своей цели: обновил Церковь Германии и Галлии и, согласно традициям его родной (Английской) Церкви, основанной Римом, связал с тем центром, который избрал для нее Сам Бог. На одном из синодов Бонифаций уже мог велеть франкским епископам провозгласить, что они “твердо решили пребывать в единении с Римской Церковью и повиноваться ей”.

Между тем при папском дворе по достоинству оценили важность проделанной Бонифацием работы. Эта высокая оценка

выразилась в том, что Бонифаций был возведен в сан архиепископа (732 год), правда, без предоставления соответствующей епархии. Результатом третьей поездки в Рим в 738-39 году было составление подробной программы дальнейшей работы. Речь шла, прежде всего, об организации Церкви. Первой в этом ряду была Баварская Церковь, где действия Бонифация поддерживал герцог баварский Одилон.

Деятельность Руперта Вормского в Зальцбурге, Эммерана — в Регенсбурге и Корбиниана — во Фрайзинге не привела к появлению новых епископств. В то же время в Баварской Церкви епископ был только один — в Пассау. Бонифаций разделил Баварскую Церковь на четыре епископства (Зальцбург, Пассау, Фрейзинг, Регенсбург). Позднее добавился еще Эйхштет. Опорными пунктами религиозно-церковной жизни стали новые монастыри.

Поместные соборы действовали на благо Церкви, способствуя устранению недостатков. После смерти в феврале 731 г. папы Григория II на престол Римской Церкви вступил папа Григорий III. Бонифаций поспешил отправить к новому папе посольство и принести уверения в своей преданности. В 732 г. Бонифаций вновь написал в Рим, упомянув среди прочего и о том, что работы стало слишком много для одного человека. Григорий III, оценив достигнутые Бонифацием успехи, отправил ему архиепископский паллиум, хотя и не назначил для митрополии постоянного центра. Кроме того, папа разрешил Бонифацию самостоятельно учреждать епархии и ставить на служение епископов.

В 737 г. Бонифаций в сопровождении многочисленных учеников в третий раз отправился в Рим, где был милостиво принят папой Григорием III. Папа наделил его полномочиями легата и поручил установить канонический порядок в церковной жизни Баварии. В

Риме к нему присоединился Лулл, который впоследствии стал одним из его ближайших учеников и преемником на Майнцской кафедре.

В 741 г. умер Карл Мартелл. Власть над империей перешла к его сыновьям Карломанну и Пипину Короткому. Умершего 28 ноября 741 г. папу Римского Григория III сменил папа Захария. Святитель Бонифаций, завоевавший к этому времени огромный авторитет, заручился поддержкой Карломанна и приступил к реформе Франкской Церкви, в которой имело место сильное обмирщение духовенства. Осуществляя реформу Франкской Церкви, Бонифаций неоднократно стремился повысить уровень канонического сознания клира. Особенно строго Бонифаций относился к соблюдению духовенством celibата, предписывая наказывать священника за его нарушение бичеванием и даже тюремным заключением. Бонифаций сумел восстановить практику регулярного созыва Соборов, в которых принимал участие не только епископат, но и аристократия во главе с Карломанном и Пипином.

За этим последовали попытки Бонифация усовершенствовать христианскую жизнь. Он стремился искоренить в ней пороки и придать ей большую духовную глубину. Еще с прежних времен в Гессене и особенно в Тюрингии оставались христиане. Но уровень этого незрелого или же вновь пришедшего в упадок христианства был ужасающе низким. Оно было грубым и чуждым подлинному церковному духу, что выразилось, в частности, в различных языческих суевериях. С другой стороны, Бонифаций с самого начала и затем в течение всей своей жизни вынужден был бороться с издавна оставленным без присмотра клиром, от которого мало отличались женатые и отягощенные земельными владениями франкские епископы.

Если вспомнить, какой была религиозная и нравственная ситуация в государстве франков до святого Бонифация, мы можем также высоко оценить работу, проделанную им в Галлии: возрождение деятельности соборов; борьба с языческими обычаями; назначение епископов, бывших ревностными сторонниками реформ; и не в последнюю очередь, его инициатива по назначению архиепископов. Последние получали свою власть непосредственно от папы, принимая от него "pallium". Благодаря этому устанавливались постоянные и частые отношения с самым значительным и авторитетным хранителем древнего церковного предания и возникала тесная связь с духовным центром и средоточием деятельности вселенской Церкви. Как мы уже видели, Церковь, искавшая путь к единству Запада, необходимому для здорового развития христианства, получала тем самым существенную помощь.

Тем не менее, все это не означает, что опекаемые Бонифацием племена в своем большинстве приняли христианство в полном соответствии с библейским Откровением. И по более поздним высказываниям самого святого относительно религиозного и нравственного состояния его паствы более или менее верной оказывается оценка, данная им еще в 742 году: "Народы Германии в некоторой мере пробуждены и направлены на должный путь".

Первый восточнофранкский Собор (Consilium Germanicum) состоялся в 742 или 743 г., место его проведения точно не известно. Бонифаций принял в нем участие как архиепископ и "посланник св. Петра" (missus S. Petri). Среди постановлений этого и следующих Соборов (744, 745, 748) наиболее важными были декреты о строгом подчинении духовенства епископу и о запрете духовным лицам принимать участие в войнах, носить оружие и охотиться. Бонифацию

удалось добиться от епископов присяги на верность Римскому престолу. Для монахов и каноников нормой был провозглашен устав преп. Венедикта Нурсийского. Были также установлены законы, определявшие степень допустимого родства при вступлении в брак. Деятельность Бонифация закрепила сближение Каролингов с папством. По преданию Бонифаций в 751 г. в Суасоне впервые в истории франков помазал Пипина Короткого на царство.

После смерти епископа Утрехта св. Виллиборда (744) Бонифаций принял его епархию под свое управление. Примерно в то же самое время умер Рагенфрид, епископ Кёльнский. Папа Захария хотел учредить для Бонифация митрополию с центром в Кёльне (745), но этому воспротивилось местное духовенство. Тогда папа назначил Бонифация епископом Майнца и примасом Германии.

Все труды Бонифация были, по его собственным словам, не чем иным, как “*legatio Romana*”, “римским посольством”, он действовал со всей определенностью как папский наместник

Иными словами, Бонифаций был близок к главному церковному центру. Тем самым он давал настоящую опору слабым местным Церквям. Упрек Бонифацию в том, что он в качестве папского легата усилил влияние Рима в руководимой им Германской Церкви, может исходить лишь от совершенно неисторичного образа мыслей. Ибо этим он дал немецкому, как и всем западным христианским народам, решающий и чрезвычайно плодотворный жизненный импульс, ставший залогом будущего величия Церкви и вместе с тем всей средневековой культуры.

Разумеется, нельзя забывать о том, что реформаторская деятельность Бонифация протекала в четко очерченных рамках специфического сознания национальной Церкви. Карломан и Пиппин

считали реформы исключительно своим собственным делом. Только так можно интерпретировать высказывания австразийского майордома в 743 году на Concilium Germanicum и его брата Пиппина в 744 году в Суассоне. Собравшиеся епископы фигурируют здесь в роли советников, сам майордом объявляет церковные решения в своих Capitularia законами. О том же говорит и участие в работе соборов представителей светской знати.

Много сделал Бонифаций для укрепления духовной жизни в монастырях, особенно в аббатстве Фульда, учрежденном в 744 г. под покровительством Бонифация его учеником св. Штурмием. Бонифаций ежегодно приезжал в Фульду, чтобы преподавать наставление монахам, живущим по бенедиктинскому уставу, и провести несколько дней в молитве и богомыслии. По его просьбе папа Захария грамотой от 751 г. защитил аббатство от посягательств епископов Вюрцбурга или Майнца, подчинив его непосредственно Римскому престолу.

В 746 году Бонифаций основал монастырь Фульда, предназначенный быть образцовой школой и питомником миссионеров для всей Германии. Аббатом там он поставил бавара Штурма. Для этого монастыря Бонифаций получил от папы привилегию, дававшую ему полную экземпцию, то есть церковно-каноническую независимость от какого бы то ни было епархиального епископа, что стало заметным расширением папской власти в национальной Франкской Церкви. Монастырь Фульда был, подобно английским монастырям, одновременно и центром просвещения. Фульда стала отрадой старого миссионера и средоточием духовной, хозяйственной, научной и художественной деятельности.

Получив благословение папы и согласие Пипина Короткого, Бонифаций летом 753 года оставил Майнцское епископство своему ученику святому Лулли и возглавил фризскую миссию. Он с успехом проповедовал на восточном берегу реки Зейдер (современная Зее), пока не подвергся нападению разбойников, полагавших, что миссионеры имеют при себе сокровища. 5 июня 754 года близ местечка Доккум на реке Борн святитель Бонифаций был убит вместе со своими спутниками (по разным версиям их было от 37 до 52). Он призывал своих учеников не сопротивляться язычникам и со смирением принять мученический венец. Новообращенные христиане вскоре нашли тела мучеников. Тело Бонифация было перенесено сначала в Утрехт, затем благодаря свт. Лулли в Майнц, а еще позже, согласно желанию, которое святитель неоднократно выражал на протяжении своей жизни, в аббатство Фульда. Гробница святого Бонифация очень скоро стала местом поклонения.

В последние десятилетия за Бонифацием перестали признавать почетный титул “апостола немцев”. В самом деле, понятие “немцы” не подходит к германцам, к которым была обращена миссионерская деятельность Бонифация. С другой стороны, Бонифаций был не единственным миссионером, принесшим свет Евангелия племенам, из которых впоследствии образовался немецкий народ. Кроме того, его деятельность пришлась на тот период, когда миссионерство среди язычников уже не являлось главной задачей.

И все же в этом титуле есть своя правда: во-первых, святой осуществлял миссию среди язычников на очень большой территории (земли фризов, Гессен, Тюрингия) ; во-вторых, он очистил от недостатков существовавшие еще до него главные церковные центры и вдохнул в них новую жизнь, что имело для Церкви решающее

значение учрежденная им церковная организация впервые сделала Франкскую Церковь по-настоящему и надолго жизнеспособной и, наконец, самое главное: благодаря Бонифацию в сознании Франкской Церкви глубоко и прочно запечатлелся идеал христианина, вернее — идеал священника, восходящий к нормам древней Церкви

Святителю удалось собрать вокруг себя значительную группу помощников, продолживших впоследствии его начинания. Большинство из них были англосаксами, а некоторые - его родственниками. История сохранила до наших дней имена святых Бурхарда, Вигберта, Витты, Штурмия, Виннебальда, Виллибальда, а также преподобных Лиобы, Вальбурги, Бригитты, Теклы и многих других.

Миссионерские труды разделяли с Бонифацием немногочисленные выходцы из Англии (среди них Лулл, Бурхард). Английские женские монастыри также внесли свою лепту, посылая талантливых женщин-благовестниц (святая Текла; святая Лиоба, родственница святого Бонифация, с которой он был дружен). Свое миссионерское служение святой завершил к востоку от Рейна и в нынешней Франконии. Конец миссии Бонифация был ознаменован устройством монастырей, в том числе и женских: Таубербишофсгейм, Китцинген и Оксенфурт. Эти монастыри сделались затем первыми в Германии приютами для христианского воспитания девочек. Поле деятельности святого было необыкновенно обширно. Это приводило подчас к тому, что Бонифаций, к своему глубокому сожалению, вынужден был привлекать к работе недостаточно образованных священнослужителей.

В 753 г., примерно в возрасте семидесяти трех лет, св. Бонифаций сложил с себя свой сан архиепископа Майнца, оставив его

своему преемнику, св. Луллу. Он решил вернуться к своей первоначальной миссии среди фризов, которые после смерти св. Виллиброрда (в 739 г.) снова стали обращаться в язычество.

В Утрехте к нему присоединился св. Эобан, которого он ранее назначил на эту епархию. Весной 754 г. они переправились через озеро, которое тогда разделяло Фрисландию на две части, прибыв к совершенно не евангелизированным племенам северо-восточной Фрисландии. Работа поначалу продвигалась довольно успешно, крещено было много народу.

На Пятидесятницу (5 июня 754 г.) должны были провести литургию. Однако, пока св. Бонифаций и тридцать его сотрудников, включая св. Эобана, ожидали начала праздника, к лагерю приблизилось огромное количество вооруженных врагов, которые кинулись на них, размахивая оружием. В мгновение ока спутники миссионеров взяли за оружие, чтобы защититься от слепой ярости толпы и бросились из лагеря, чтобы встретить неприятелей. Но божий человек, слыша крики и шум атакующей толпы, немедленно позвал к себе духовенство и, собрав вместе мощи святых, которые он всегда носил с собой, вышел из своей палатки. Сразу же он сделал выговор своим спутникам и запретил им продолжать противостояние, сказав: «Дети мои, прекратите сражение. Сложите ваше оружие, ибо сказано нам в Писании не воздавать злом за зло, но преодолевать зло добром. Час, которого мы давно ожидали, близок, и день нашего избавления рядом. Найдите утешение в Господе и терпите с радостью страдания, которые Он милосердно предопределил. Положитесь на Него, и Он дарует вашим душам избавление». Неистовствующая толпа язычников кинулась на них с мечами и убила миссионеров.

5 июня 754 г. близ местечка Доккум на реке Борн святитель Бонифаций был убит вместе со своими спутниками (по разным версиям их было от 37 до 52). Он призывал своих учеников не сопротивляться язычникам и со смирением принять мученический венец. Новообращенные христиане вскоре нашли тела мучеников. Тело Бонифация было перенесено сначала в Утрехт, затем благодаря свт. Лудлу в Майнц, а еще позже, согласно желанию, которое святитель неоднократно выражал на протяжении своей жизни, в аббатство Фульда. Гробница свт. Бонифация очень скоро стала местом поклонения.

Убийцы рассчитывали найти золото и серебро. Однако добыча грабителей состояла из книг, мощей и вина. Сначала они выпили вино, потом стали драться. Большая часть из них была в ссоре убита. Оставшиеся открыли поклажу и обнаружили там книги. Раздосадованные разбойники в ярости разбросали найденные книги по полю, одни книги оказались брошены в заросли тростника, другие оказались спрятаны в самых различных местах. Однако позже книги были найдены в целости и сохранности и возвращены в построенный в Фульде монастырь св. Бонифация, в котором он завещал себя похоронить.

Возмездие не заставило себя долго ждать. Весть о смерти мучеников быстро распространялась по всей провинции, от деревни к деревне, и когда христианам стало известно об их судьбе, собрался большой вооруженный отряд. Язычники, не в силах выстоять против натиска христиан, тут же обратились в бегство, но были перебиты. Король Пипин сначала потребовал, чтобы тело св. Бонифация осталось в Утрехте. Однако чудесный звон церковных колоколов убедил жителей Утрехта отдать останки. Жители Майнца также

настаивали на том, чтобы сохранить тело у себя, но видение, явившееся одному дьякону, убедило их не противиться тому, чтобы тело св. Бонифация покинуло и Майнц. В результате, он был похоронен в Фульде, как он и завещал.

Однако в современных публикациях появилась тенденция к искажению честного образа и подвижнических трудов священномученика. На наш взгляд, попытки представить святителя Бонифация слепым орудием в руках папства не имеют под собой никаких серьезных оснований. Также нужно признать несправедливыми упреки в том, что Бонифаций занимался миссионерством, якобы преследуя некие тайные политические цели. Конечно, он вынужден был соотносить свои действия с политическими обстоятельствами своего времени - неудача его первой миссионерской поездки во Фрисландию была в этом смысле для него глубоко поучительной. Святитель Бонифаций жил в очень противоречивую эпоху, но через глубину веков его личность предстает перед нами очень цельной, а его устремления и действия - вполне последовательными.

В пору своей юности он был свидетелем того, как Английская Церковь, устроенная на древних канонических началах, принятых на соборе в Уитби, за короткое время достигла значительных успехов почти во всех областях церковной жизни и переживала эпоху расцвета. Так что принципы его действий во Франкской империи были очень просты и последовательны: он стремился оживить Франкскую Церковь за счет тех же самых принципов, которые в свое время были применены в Англии: установления римских - то есть древне-церковных - канонических правил и усиления монашества. То, что впоследствии история повернулась так, что результатами его

труда воспользовались определенные политические силы, никоим образом не может быть поставлено ему в вину.

В первой половине VIII столетия - в то время, когда жил святитель Бонифаций, - папство оставалось хранителем Православия. Последовательно выступая против иконоборческой ереси, папы Григорий II, Григорий III и Захария должны были пожертвовать многими политическими выгодами. И все же они, продолжая линию своих предшественников, при которых сформировался феномен "византийского папства", до последнего стремились не нарушать политического и церковного единства с Византией. К сожалению, ослепленные лжеучением ереси, политически недальновидные императоры-иконоборцы приложили со своей стороны все усилия, чтобы оттолкнуть от себя Рим, который был в то время оплотом православной веры на Западе.

Святитель Бонифаций, без сомнения, может почитаться как святой единой, неразделенной Церкви. Вся многотрудная и подвижническая жизнь святителя, обращенные им в христианство народы, наконец, его мученическая кончина, его посмертное почитание и чудеса, совершавшиеся у его мощей, являются для нас неоспоримым свидетельством его святости. Но наличие крайних точек зрения, изложенных в начале статьи, заставляет нас сказать несколько слов о возможности почитания Бонифация в Православной Церкви.

Вплоть до XX столетия вопрос о почитании западных святых в Православной Церкви фактически не ставился. Только в последнее время, которое по значительности событий и явлений, происходящих в мире, сравнимо только с эпохой великого переселения народов, этот вопрос стал неожиданно актуален. Главным образом проблема почитания западных святых встала перед православными

христианами, в силу разных исторических причин оказавшихся в Западной Европе.

Одним их первых, кто обратил внимание на важность этой проблемы, был архиепископ Иоанн (Максимович), который долгие годы возглавлял одну из западно-европейских епархий Русской Православной Церкви Заграницей. В 1950 году архиепископ Иоанн выступил перед собором РПЦЗ с докладом о почитании западных святых.

Среди большого числа святых, о которых архиепископ Иоанн упоминает в своем докладе, к сожалению, отсутствует имя святого Бонифация. Но святитель активно выступал за почитание в своей епархии святого Ангария, епископа Гамбургского, который проповедовал христианство в IX на севере Европы. Некоторые клирики епархии владыки Иоанна высказывались против почитания этого святого, приводя тот же самый аргумент, который, как мы видели выше, использовался и против признания святого Бонифация христианским миссионером. Именно, заявлялось, что Ангарий был просто орудием в руках пап для достижения их господства в этой части Европы. "Святой Ангарий служил не политическим целям, а Христу, - возражал святитель Иоанн, - и печать его апостольства - страны, им ко Христу приведенные. Позднейшее отпадение их не умаляет его служения, как и служения святого Мефодия - отпадение на многие века Моравии и Паннонии. В различных местах вселенной праведники Христовы Единому Богу работали, Единым Духом водились и купно Им прославлены. Мы убеждены, что слова, сказанные архиепископом Иоанном о святом Ангарии, могут быть с полным правом отнесены и к святому Бонифацию.

Священномученик Бонифаций был подлинным христианским миссионером и неустанным строителем Церкви Христовой, поэтому он по праву занимает достойное место в ряду выдающихся проповедников христианства. Православные христиане Европы и, в первую очередь, Германии и Голландии, с полным правом могут почитать святителя Бонифация как своего небесного покровителя. Собственно говоря, это почитание уже широко распространено в православных епархиях этих стран - во многих храмах находятся иконы святителя, многие православные христиане совершают паломничества к его мощам, которые по сей день покоятся в кафедральном соборе города Фульды, и к месту его мученической кончины в городе Доккуме. Его эпистолярное наследие воспринимается как неотъемлемая часть предания Древней Церкви. Так, иеромонах Серафим (Роуз) в своей книге "Душа после смерти" использует письмо святителя Бонифация, в котором он повествует о видении загробного мира, которого сподобился один англосаксонский монах.

Святитель Бонифаций совершал свое служение в эпоху, последовавшую за великим переселением народов. Ее отличительными чертами были политическая и экономическая нестабильность, франкская государственность находилась в стадии становления, в империи отсутствовала налаженная церковная структура. Следствием отсутствия церковной проповеди стала реакция язычества, которое во многих областях страны стало возвращать утраченные было позиции. Упадок нравственности духовенства вызвал значительное снижение его авторитета среди народа. Во Франкской Церкви в VII-VIII вв. стали весьма распространены симония, передача церковных должностей и санов по

наследству, разврат и прочие порочные явления. Чтобы вести борьбу против этих злоупотреблений, нужно было иметь твердую опору, и Бонифаций нашел ее в лице папства каролингов.

Понятие миссии в то время включало в себя не только проповедь язычникам и их обращение в христианство, но и установление на христианизированных землях канонического церковного порядка. Обвинения в том, что Бонифаций распространял не христианство, а папизм, вызывают только недоумения. Можно ли считать, что такое явление, как папизм, - если понимать под этим притязание Римских епископов на власть во всей Церкви - было характерно для пап в первой половине VIII века? Неосновательность такой точки зрения станет очевидной, если мы вспомним, что, например, папа Григорий II, который собственно и дал благословение Бонифацию отправиться с миссией в Тюрингию, известен как один из первых защитников Православия против иконоборческой ереси. Его письма к императору Льву III, в которых содержится открытое обличение иконоборчества, впоследствии были включены в Деяния VII Вселенского Собора.

Понтификаты пап Григория III и Захарии (кстати, первый был по происхождению сирийцем, а второй - греком) вошли в историю папства как одни их сложнейших именно потому, что эти папы при всей опасности, которую представляли для Рима лангобарды, не желали ради сиюминутной политической выгоды идти на уступки императорам, требовавшим от них поддержать еретическое иконоборческое учение.

В 754 году, когда свт. Бонифаций был жестоко убит язычниками во Фрисландии, в Константинополе состоялся печально известный собор, который провозгласил иконоборчество официальной

доктриной Константинопольской Церкви и поверг ее тем самым на долгое время в пучину раздоров и нестроений. Более тридцати лет спустя императрица Ирина просила папу Адриана о поддержке в борьбе против иконоборчества, что показывает, что в то время в Византии поддержка пап для решения многих вопросов не только церковной, но и политической жизни была просто необходима. Таким образом, для эпохи, в которую жил Бонифаций, то есть для конца VII - начала VIII вв., говорить о папизме как о заведомо отрицательном явлении преждевременно.

Вполне очевидно, что тогда Рим обладал высочайшим авторитетом для большинства Церквей не только на Западе, но и на Востоке, а Римский епископ выступал как гарант и хранитель веры древней Церкви. Поэтому святитель Бонифаций стремился на христианизированных им землях устанавливать именно канонический порядок Римской Церкви, который закрепил бы достигнутые им успехи в проповеди христианства и создал бы необходимые условия для нормального развития христианской жизни.

Выявление глубинных причин, приведших в конечном итоге к церковному расколу и противостоянию Востока и Запада, требует внимательной и кропотливой работы, добросовестного и непредвзятого исследования. Но идти по этому пути важно не только из соображений развития церковно-исторической науки - только осмысление и понимание этих важнейших исторических процессов способно предостеречь будущие поколения христиан от повторения совершенных некогда ошибок

Святителя Бонифация почитали не только как мученика, в XI веке известный средневековый писатель Рабан Мавр писал, что Германия может гордиться им так же, как Рим - апостолом Петром, а

Эфес - апостолом Иоанном. От святителя Бонифация до нас дошла пространная переписка, которую он вел с многими выдающимися деятелями своей эпохи, среди которых - папы, короли, епископы, настоятели монастырей, игумены, монахи, его духовные дети. Это эпистолярное наследие представляет собой бесценный памятник эпохи, удаленной от нас глубиной времен. Поистине, эти письма святителя пробиваются к нам, как луч солнца из глубины так называемых "темных веков", проливая свет на многие события той эпохи. Они позволяют нам составить более или менее ясное представление о том положении, в котором находилась в те годы Церковь в Западной Европе.

В 1160 году Бонифаций впервые был назван "апостолом Германии". В Германии своим покровителем Бонифация почитают портные, пивовары, и резчики. День святого празднуется 5 (18) июня. После мученической кончины святого благовестника миссионерская работа продолжалась, ее база находилась в Утрехте, хотя престол епархии был вакантным на протяжении двенадцати лет и обязанности епископа после смерти св. Бонифация и св. Эобана выполнял священник св. Григорий. Его ученик и духовный сын Св. Лебуин почувствовал призвание к миссионерской работе среди саксов, и обратился к св. Григорию за советом. Св. Григорий помог ему.

Христиане построили для него часовни на обоих берегах реки Эйссель в месте по названию Вилп (на территории сегодняшних Нидерландов), которые он использовал, начав свою проповедническую деятельность среди саксов. Он построил в Девентере церковь, но где-то в 773 г. она сгорела, примерно в то же время он умер. Св. Луидгар, фриз, получивший образование в Йорке, отстроил церковь заново и обрел мощи св. Лебуина. До начала

миссионерской работы среди саксов он работал в Утрехте и в Доккуме.

Св. Виллехад, другой англо-саксонский миссионер, проповедовал в Доккуме и Утрехте, начиная примерно с 765 г., еще до того, как он стал епископом Саксов. Интересно, что один из правнуков короля Радбода, св. Радбод (+ 918), епископ Утрехта, известен тем, что он никогда не ел мяса после того, как был избран епископом. Он также известен своей добротой к бедным. С началом датского вторжения он перенес свой престол в Девентер, где и почил в мире.

FOR AUTHOR USE ONLY

Глава 9. Житие святителя Ангария — просветителя Севера

Родился св. Ангарий (в нынешнем произношении — Оскар) в 801 году в теперешней Франции, в городе Амьене (древний Амбианум), столице Пикардии. Родители его были знатными франками, приближенными благоверного императора Карла. Св. Ангарий с детства полюбил благочестивую жизнь и в ранние годы был отдан родителями для воспитания и образования в монастырь св. муч. Вита, устава св. Бенедикта, в Корби, где сразу выделился своим прилежанием и благочестием, сделавшись любимым учеником чтимого Православной Церковью святого Пасхалия, впоследствии ставшего римским папой.

Однажды, когда Ангарий переходил из отроческого в юношеский возраст, т. е., вероятно, около 16 лет, ему явилась в чудесном видении Матерь Божия и позвала его на проповеднический подвиг. С этого момента св. Ангарий решил всего себя посвятить апостольскому делу проповеди христианства язычникам и, если это будет нужно, принять при том и мученический крест.

Он был пострижен в иночество в монастыре Корби, а потом, вместе с частью братии этой обители, переселился в Вестфалию, где они, по желанию императора Людовика Благочестивого (сына Карла Великого), основали монастырь, названный ими Новый Корби, впоследствии именованный Кореей.

Сюда император Людовик поместил бежавшего из Дании претендента на датский престол принца Гаральда, и здесь Гаральд принял св. крещение. Собрав достаточную дружину из своих

сторонников-датчан и опираясь на помощь императора Людовика, Гаральд предпринял попытку захватить датский престол. Попытка эта удалась лишь частично: Гаральд подчинил своей власти юго-западную часть тогдашней Дании, область, лежавшую между рекой Ейдером и морем.

Остальная часть страны осталась под властью соперников Гаральда, сыновей короля Готфрида.

Познакомившись в Корвейском монастыре со св. Ансгарием и зная о его пламенном желании потрудиться для обращения язычников ко Христу, Гаральд захотел использовать это святое стремление на благо своего народа и пригласил св. Ансгария в подчинившуюся ему часть Дании для миссионерской работы.

Пред своим отправлением в Данию св. Ансгарий был посвящен в иерейский сан. Ему было в это время 25 лет. Об этих трудах св. Ансгария говорит западнославянский летописец Гельмольд: рвением святейшего Ансгария было посеяно слово Божие среди датчан, норманнов и славян, и огнем его были растоплены холод и стужа севера. Великим трудом святого наставника прививалось Божие слово у этих народов на протяжении многих дней и годов. Ибо столь глубок был мрак заблуждений, столь велико упорство этих людей, заросших лесом идолопоклонства, что не так скоро и не так легко было их преодолеть.

Труды св. Ансгария в юго-западной Дании были успешны. Многие датчане обратились ко Христу. Он построил церковь в г. Хедеби (близ нынешнего Шлезвига), — столице южной Дании, и основал там школу для подготовки пастырей. Арабский путешественник Аль Тартуши, посетивший приблизительно в этот же период Хедеби, так его описывает: «Это большой город,

расположенный на дальнем конце всемирного океана. Он обильно снабжен пресной водой из колодцев внутри города. Жители его в большинстве почитают языческих богов, но есть среди них немало и христиан, имеющих тут свою церковь. Язычники любят совершать праздники, чтобы в изобилии поесть и попить. Главной пищей жителей этого города является рыба, которая тут имеется в изобилии».

Но пребывание св. Ангария в Хедеби длилось только два года. В конце 827 года король Хорик, сын короля Годфрида, изгнал из этой области и Гаральда, и св. Ангария.

Однако о трудах св. Ангария, о святости и вдохновенности его проповеди стало уже широко известно на севере. В 829 году св. Ангарий был приглашен шведским королем Бьерном в Швецию, в г. Бирке, где св. Ангарий построил церковь. На месте этой церкви ныне стоит памятник, покрытый древней рунической надписью.

В Швеции св. Ангарий оставался в течение двух лет. Потом, передав церковь своему ученику и преемнику Аутберту, св. Ангарий вернулся в Гамбург.

Отметим тут, что деятельность св. Ангария в этот и в позднейший, второй период его деятельности в Швеции имела косвенное влияние и на нашу русскую историю. Ведь именно область около Маларского озера, где расположен г. Бирке, финские народы называют Руоסי, в чем так легко узнается летописная Русь. Конечно, полуполегендарный основатель Русского государства Рюрик был язычником. Но у нас есть все основания догадываться, что и ему, и его ближайшим преемникам: Олегу, Игорю, св. Ольге, «мудрейшей из людей», сохранявшим связь с родиной своих отцов и дедов, христианство было небезызвестно, и они питали к нему уважение и

почтительный страх, чем объясняется, что князья эти относились к христианству с терпимостью и почитанием.

В Гамбурге в 831 году св. Ангарий был посвящен в сан епископа. Летопись говорит об этом так: «Когда Карл, император Римский, переселился в лучший мир, сын его Людовик, узнав о намерении отца поставить епископа в Гамбург, посоветовался с мудрыми людьми и поставил святейшего Ангария, которого некогда направлял проповедником к датчанам и шведам, архиепископом Гамбургской Церкви, город же этот сделал митрополией для всех народов севера».

В то же время св. Ангарий принял на себя и настоятельство в родной ему обители Кореей, откуда черпал он ценных самоотверженных помощников в своих трудах.

13 лет работал св. Ангарий в Гамбурге и Корвее, проповедуя и назидая христиан, созидая церкви, монастыри и школы. Особенное внимание обращал он на то, чтобы при каждой церкви и монастыре была бы библиотека с духовными книгами.

В 840 году умер покровительствовавший трудам св. Ангария император Людовик Благочестивый. Священная Римская Империя оказалась охваченной раздорами четырех сыновей Людовика. Летописец Гельмольд пишет об этом времени: «С уходом Людовика из этого мира разразилась внутренняя война: четыре сына его начали борьбу за верховную власть. Великие раздоры и войны настали между братьями. Во время этих войн все племя франков пришло в разорение».

Только в 843 году раздоры прекратились и по Версальскому договору империя была разделена. Карл получил Галлию (Францию),

Людовик II — Германию и Лотарь — Италию и Лотарингию. Младший брат их Пипин к этому времени скончался.

Язычники датчане решили воспользоваться ослаблением империи и в 845 году вторглись в северную Германию и Францию. Под предводительством короля Хорика на нескольких сотнях судов поднялись они по Эльбе, захватив и разорив дотла г. Гамбург. Одновременно другая орда датчан, под предводительством Рагнара Лодброка, поднявшись по Сене, разграбила Париж. Гельмольд пишет: «Они подчинили себя славян и фризов, а потом, пройдя на разбойничьих кораблях по Рейну, осадили Колонию (Кельн) и, дальше пройдя по Эльбе, до основания разрушили Гамбург. Этот замечательный город и его прекрасная, недавно построенная церковь — все погибло в огне. Мало того, разграблению варваров подверглась и Нордальбингская провинция, и вся страна, лежащая по соседству с рекой Эльбой. В то же время норманны, пройдя по Лигеру (Луаре), сожгли Тур, а потом, пройдя по Секване (Сене), разграбили Париж.

Тогда король Карл, охваченный страхом, отвел им для житья землю, которая получила название Нормандия. Тогда опустошена была норманнами и Саксония. Герцог Бруно с 12-ю вельможами был убит, епископы Теодорик и Маркварт изрублены. Затем разбойники сожгли Колонию и Трев, а собор и дворец в Аквисгроне превратили в конюшни для своих лошадей. Святой же Ансгарий, архиепископ Гамбургский, и остальные проповедники, направлявшиеся в Данию для проповеди слова Божия, были преследуемы с великой яростью, изгнанные из своего местожительства и повсюду рассеянные».

Когда прошла страшная волна нашествия, король Людовик Германский приступил к залечиванию ран. Святому Ансгарии поручил он управление Церковью на всем севере Германии, и когда в

848 году скончался Людерих, епископ Бременский, король объединил его епархию с епархией Гамбургской и обе поручил попечению Ангария.

Вскоре после того св. Ангарий снова направился в миссионерское путешествие в Данию. Королем ее в то время был тот же Хорик, который ранее изгнал из своей страны св. Ангария и под предводительством которого был разрушен Гамбург и разорена вся северная Европа.

Оставаясь язычником, но будучи умным и зорким правителем, он понял, что для укрепления престола его королевства ему надо установить добрые отношения с христианскими миссионерами. Поэтому, сам не принимая христианства, он благосклонно встретил св. Ангария и позволил ему построить церкви, сначала в Хедеби (здесь св. Ангарий восстановил основанную им прежде и разрушенную во время смут церковь и школу), а потом в г. Риббе, на севере Ютландского перешейка. Эти свои миссионерские труды св. Ангарий соединял с архипастырской работой в своей Гамбургской епархии и с монашескими подвигами в обители Кореей.

Как пишет летописец: «Архиепископ Ангарий, выполняя поручение императора, стал часто навещать датского короля и, усердно выступая в пользу обоих государств, ратуя за установление мира, благодаря уважению короля, хотя и язычника, добился большого с его стороны расположения к нашей вере. И в конце концов король разрешил ему основать церкви в Шлезвиге (Хедеби) и Риббе, дав обещание, что не будет препятствовать тем, кто пожелает креститься и следовать христианским законам. И тотчас, без промедления, епископ Ангарий направил из Гамбурга священников для осуществления этого дела».

Тогда же возобновил св. Ангарий попытки к обращению в христианство шведов. Гельмольд повествует и об этом. «Когда благодать Божия стала понемногу распространяться среди датского народа, епископ Ангарий начал с большим рвением готовиться к обращению шведов. Взяв это тяжелое бремя на себя, он испросил у короля датского письмо и посла и, отправившись со многими сопровождающими, морским путем прибыл в Бирку, главный город Швеции.

Здесь он был с великой любовью и радостью принят верующими, которых сам же он некогда, еще до своего посвящения во епископа, направленный сюда проповедником, привел ко Христу.

Ему удалось добиться у шведского короля разрешения на то, чтобы всем желающим была предоставлена полная свобода принимать христианство. Поставив в Швеции епископа и священников, чтобы они вместо него пеклись о делах Божиих, поощрив некоторых людей к большей твердости в вере, он вернулся в свою столицу. С этого времени семя слова Божия, посеянное им среди датчан и шведов, стало давать обильные плоды».

Во время одного из последующих посещений Дании св. Ангарию пришлось снова пережить тяжелую бурю. В 854 году король Хорик был убит вместе со всем своим семейством. Спасен был только его младший сын, по имени также Хорик. Убийца короля, захвативший власть почти над всей страной, Ярл Хови, язычник и ненавистник христианства, разрушил обе церкви, основанные св. Ангарием в Дании, и начал преследование христиан.

Только в самой южной части Дании, между рекой Ейдером и морем, которую после убийства короля Хорика захватил викинг Рорик,

христиане были избавлены от преследований и здесь находили себе пристанище.

Однако эта буря не была долговременной. Уже через два года юный Хорик II собрал достаточное число последователей, чтобы отомстить за смерть своего отца, уничтожить узурпатора и захватить трон Дании.

Хорик II был еще более расположен к св. Ансарию и к христианству, чем его отец. Он всячески покровительствовал работе святителя и его сотрудников. Но принять крещение он отказывался, несмотря на пламенные призывы св. Ансгария, который писал ему: «Отвергни почитание ложных богов и служение диаволу через них. Твои боги сделаны человеческими руками, они глухи и немые, и слепы. Какое спасение могут дать они, будучи сами не способны спасти себя?»

И в другом письме: «Вы сами свидетельствуете, что ваши боги были когда-то рождены или сотворены. Но кто же сотворил мир до того, как они были рождены или сотворены, тот мир, в котором они родились?»

Наставления своего учителя Ансгария повторяет и его ученик Хуквальд, который после кончины св. Ансгария обращается к королю Хорику с призывом: «Бог сотворил нас, а не мы сами себя, но ваши идолы, которых вы почитаете, вы сами сотворили из золота, серебра, меди, камня или дерева. Они не могут по-настоящему жить, двигаться или чувствовать, потому что сделаны человеческими руками, и не могут даже сами себе помочь». Однако король Хорик II не послушался этих призывов, но своего благожелательного отношения к христианству не изменил.

Св. Ансгарий заботился об обращении ко Христу не только датчан и шведов, но приложил много трупов для обращения в христианство и западных славян. Гельмольд об этом пишет: «Среди северных народов славяне были упорнее других в язычестве и обратились к истинной вере позже других. А славянских народов много, и те из них, которые называются винулами или венедами, в большей части относятся к Гамбургской епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксония, которая расположена по ту сторону Эльбы и населена тремя народами: дитмаршами, гользатами, штурмарами. Оттуда граница тянется до земли венедев, которые называются ваграми, бодричами, хижанами, чрезпенянами, и дальше до самой реки Перы и до города Димира. Поэтому не следует удивляться, что достойнейший пастырь и проповедник Евангелия — Ансгарий, усердие которого в обращении ко Христу народов стяжало ему такую великую славу, столько труда вложил в попечение об обращении славян. Однако плодов он достиг мало. Причиной этого было, как я считаю, непреодолимое упорство этого народа».

Желая тем не менее достичь своей святой цели, св. Ансгарий послал к славянам миссионеров-монахов из своего родного монастыря Корей. Гельмольд говорит: «По слову Ансгария из Корвея вышли известные своею святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрекли себя, ради Проповеди слова Божия, на опасность и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются рюя-нами и живут в сердце моря (нынешний остров Рюген). Там находился очаг заблуждения и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово Божие, они приобрели для христианства весь этот остров и даже заложили тут храм в честь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и в память св. Вита,

покровителя Корвея. Потом же, когда по попущению Божию дела изменились, то руяны отпали от веры и, изгнав священников и христиан, сменили снова веру на суеверие».

Последние годы своей жизни св. Ангарий провел в Гамбурге и Бремене в архипастырских и иноческих трудах. Стараясь научить своих сподвижников монашескому воздержанию, он в последние годы своей жизни питался исключительно хлебом и водой. Для бедняков же и нищих устраивал он обильные трапезы, сам смиренно, как раб, прислуживая им за этими трапезами.

Он искренне огорчался тому, что Господь не привел его принять мученическую смерть от язычников во время его миссионерских путешествий. Но однажды ангел явился его духовнику во сне и сказал ему: «Скажи Ангарию, чтобы он не скорбел о том, что он не принял мученической смерти. Опасности и страдания, которые он перенес на проповедническом пути, Господь принял от него как мученические страдания, а его готовность к мученичеству как самый подвиг, ибо Господь и намерения целует».

Когда горячо почитавшие св. Ангария его ученики, уверенные в его святости, стали просить у него чуда, св. Ангарий сказал им: «Если бы я имел дерзновение ко Господу настолько, чтобы просить у Него чуда, я попросил бы только одно: сделай меня хорошим христианином».

Скончался св. Ангарий в Бремене в 868 году в возрасте 67 лет. Перу св. Ангария принадлежат «Пастырские письма» и несколько написанных им «Житий святых».

Имя св. Ангария не было внесено в святцы, т. е. в списки святых Православной Церкви, до недавнего времени, как и имена многих святых Запада, бывшие вполне православными, но о которых

в древности из-за трудности взаимоотношений не стало известно на Ностоке. Это не значит, что эти святые были забыты не почитались совсем Православной Церковью. Нет, Церковь всегда помнила их.

В день Всех Святых, в первое воскресенье после Пятидесятницы, Церковь учит: «В Неделю по Пятидесятнице, иже во всей вселенной: во Азии, в Ливии, в Европе, на севере же и на юге святых всех праздник празднуем... яко мнози по Христу жительствовав-ша во Индии, во Египте, во Аравии, в Месопотамии и Фригии и к северу от Евксинскаго Понта, еще же во всем Западе, даже до самых Британских островов».

До недавнего времени, пока в странах, которые были освящены подвигами этих святых, не было православных христиан, такое безымянное почитание святых Запада было достаточно. Но когда на местах подвигов этих святых оказались в значительном числе православные люди, они должны были прославить святых, имена которых связаны с местами их обитания.

Не может православный христианин, живущий в Курске, не прославлять преп. Серафима, или живущий в Иркутске — святителя Иннокентия. Поэтому в 1950 году духовенство г. Гамбурга обратилось к Архиерейскому Собору Зарубежной Русской Церкви с ходатайством о разрешении официально прославить святителя Ангария, архиепископа Гамбургского, просветителя Севера. Это ходатайство гамбургского духовенства было горячо поддержано святителем Иоанном (Максимовичем), и Собор благословил такое почитание.

Глава 10. Святые Кирилл и Мефодий, покровители и просветители славянских народов

Вечно славные и памятные труды святые Кирилла и Мефодия в составлении славянской грамоты, в ведении славянского языка при богослужении, в переводе священных книг на родной славянский язык положили основание духовному и гражданскому величию славян, их нравственной и гражданской самобытности. Переводом священных книг и богослужебных на родной славянский язык они положили начало нашему вечному спасению, и в этом отношении равноапостольные Кирилл и Мефодий не только наши учителя и апостолы, но и отцы: они возродили нас и духовно, научив своими трудами познавать Единого Истинного Бога.

К лику святых Кирилл и Мефодий причислены в древности. В Русской Православной Церкви память просветителей славян чувствуется с XI века. Древнейшие службы святым, дошедшие до нашего времени, относятся к XIII веку. Они были найдены русским ученым-исследователем В. И. Григоровичем в пергаментной рукописи болгарской редакции в Зографском монастыре на Афоне и опубликованы в 1862 году. Жития святых первоучителей Словенских были составлены их учениками в XI веке.

Наиболее полным жизнеописанием святых являются пространные, или так называемые Паннонские жития. С этими текстами наши предки были знакомы со времени распространения христианства на Руси. Их авторами были, очевидно, ученики святых Кирилла и Мефодия — епископ Величский Климент и Горазд, которого святитель Мефодий оставил своим преемником.

Торжественное празднование памяти святых первосвятителей равноапостольных Кирилла и Мефодия было установлено в Русской Церкви в 1863 году.

В «Иконописном подлиннике» под 11 мая сказано: «Преподобных отец наших Мефодия и Константина, нареченного Кирилла, епископов Моравских, учителей Словенских, Мефодий — подобием стар, власы седы, брада долга аки Власиева, ризы святительские и омофор, в руках Евангелие. Константин — ризы преподобнические и в схиме, в руках книга, а в ней написана русская азбука А, Б, В, Г, Д и прочие слова (буквы) все по ряду».

Указом Св. Синода (1885 г.) празднование памяти славянских учителей отнесено к средним церковным праздникам. Тем же указом определено в молитвах, на литии, по Евангелии на утрени перед канонами, на отпустях, а равно во всех молитвах, в коих поминаются вселенские святители Русской Церкви, помянуть после имени святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца, имена иже во святых отец наших Мефодия и Кирилла, учителей Словенских.

В настоящее время накопилось огромное количество литературы, в которой на основе анализа греческих, римских и славянских источников рассказывается о жизни и деятельности солунских братьев. Кирилло- Мефодиевской проблеме посвящены труды ученых XIX века В.П. Бильбасова, О.М. Бодянского, А.В. Горского, М.К. Любавского, М.П. Погодина, П.Й. Шафарика, Н.В. Ястребова и других; среди исследователей XX века изучением жизни и деятельности Константина и Мефодия занимались С.Б. Бернштейн, В.А. Истрин, М.Н. Тихомиров, Б.Н. Флоря и другие. Характер деятельности солунских братьев в этих трудах получил разную оценку. Так, В.П. Бильбасов, М.К. Любавский рассматривали их

деятельность у славян как миссионерскую, В.А. Истрин, С.Б. Бернштейн и другие считали ее просветительской, акцентируя внимание именно на создание братьями славянского алфавита, их переводческую и преподавательскую деятельность.

На наш взгляд, не нужно забывать о том, что Великая Моравия, куда приехали братья, уже была христианским государством и моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать людей, которые могли бы разъяснить моравянам христианскую веру на славянском языке. Трудно сказать, создал ли Константин совершенно новую азбуку или переработал и приспособил для лучшей передачи славянской речи уже существовавшее у славян письмо, однако несомненной заслугой миссионеров является создание книжной славянской традиции, что выразилось в создании переводов византийской и римской христианской литературы, послуживших образцом для создания оригинальных славянских произведений.

Для православной России празднование святым первоучителям имеет особое значение: «Ими бо начася на сроднем нам языке словенstem литургия Божественная и все церковное служение совершатися, и тем неисчерпаемый кладезь воды текущий в жизнь вечную дадеся нам»

Во дни иконоборческих греческих царей Льва Армянина, Михаила Травла, или Балба, и затем сына Михаила — Феофила в городе Солуне, в Македонии, жил знатный и богатый вельможа, званием воин-сотник, по имени Лев. Жену его звали Марией. Жил он благочестиво, исполняя все заповеди Божии, как некогда Иов. У них было семь сыновей: старшего звали Мефодием, а младшего Константином, в монашестве Кириллом. Святой Мефодий сначала

служил, как и отец его, в военном звании. Кирилл и Мефодий происходили из византийского города Салоники (Солуни).

Их отец был друнгарием при военачальнике города. В семье было семь сыновей, причём Мефодий — старший, а Кирилл — младший из них. По одной версии, они происходили из благочестивой славянской семьи, жившей в византийском городе Солуни. Из большого числа исторических источников, главным образом из "Краткого жития Климента Охридского" известно, что Кирилл и Мефодий были болгарами.

Так как в IX веке Первое Болгарское царство было многонациональным государством, определить точно являлись ли они славянами или протоболгарами, или же даже имели другие корни не становится до конца ясным. Болгарское царство состояло главным образом из древних болгар (тюрков) и славян, которые уже образовывали новый этнос - славянских болгар, которые сохраняли старое имя этноса, но представляли собой уже славяно-тюркский народ.

По другой версии, Кирилл и Мефодий были греческого происхождения. Существует и альтернативная теория этнического происхождения Кирилла и Мефодия, согласно которой они были смешанного, то есть славяно-греческого происхождения.

Данная теория также ссылается на предположения историков, что братья создали т.н. глаголицу - азбуку, больше похожую на древне- болгарскую, чем на славянскую. Братья были уроженцами города Солуни (ныне Салоники), который в то время входил в состав славянской (болгарской) территории и являлся культурным центром Македонии. Древний Солунь был двуязычным городом, в котором кроме греческого языка звучал славянский говор.

Во всех житиях традиционно большее внимание уделяется Константину, то же наблюдаем и при описании детских и юношеских лет братьев. О Мефодии известно, что он рано поступил на военную службу и в возрасте двадцати лет был назначен управителем одной из славянских областей, подчиняющихся Византии. Должность эту он занимал около десяти лет и, вероятно, в это время смог хорошо узнать нравы славян, практически освоить их язык. Спустя десять лет он оставляет военно-административную службу, постригается в монахи и удаляется в монастырь на горе Олимп, где ведет подвижническую жизнь и, согласно «Жития», изучает книги.

На рубеже 60-х годов, во время миссионерской поездки Константина в Хазарию, Мефодий побывал в Болгарии и подготовил к крещению или даже крестил болгарского князя Бориса, получившего христианское имя Михаил. Ко времени возвращения Константина от хазар Мефодий является настоятелем Полихрониева монастыря на берегу Мраморного моря, неподалеку от горы Олимп.

Сведений о детских и юношеских годах Константина значительно больше, видимо, еще и потому, что в составлении первого, самого полного жития, принимал непосредственное участие Мефодий, хорошо осведомленный о жизни младшего брата. Из этого «Жития» нам становится известно, что с детства Константин преуспел в учении и вскоре после смерти отца пылкий четырнадцатилетний юноша был замечен логофетом Феоктистом, регентом при малолетнем императоре Михаиле III.

Около 840 года, благодаря Феоктисту, Константин перебирается в Константинополь и получает образование в придворной школе, где ему преподают виднейшие учителя того времени. Среди преподавателей необходимо назвать Фотия, который, помимо того,

что обучал Константина философии, принял активное участие в его дальнейшей судьбе. По свидетельству «Жития», Константин изучал грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку, Гомера и «все прочие эллинские искусства». Кроме греческого языка, он изучал славянский, еврейский, хазарский, арабский, самаритянский, сирийский (сурский).

Юный Константин, младший из сыновей Льва, уже в младенческом возрасте проявлял нечто дивное. Когда мать, по рождении, отдала его кормилице, чтобы та выкормила его, он никак не желал питаться чужим молоком, но только молоком матери своей. Очевидно, благочестивая отрасль не должна была питаться чужим молоком. С рождением Константина добрые родители дали обещание жить как брат с сестрой, как и прожили четырнадцать лет до своей смерти.

Пред смертью мужа Мария плакала, говоря:

— Ни о чем я так не скорблю, как о Константине: как он устроится в жизни!— Поверь мне, жена, — отвечал Лев, — я надеюсь на Бога, что Господь Бог сделает его таковым отцом и строителем, что он устроит всех христиан.

Так и произошло. Будучи семи лет, Константин видел сон, который и рассказал своим родителям.— Снилось мне, - говорил Константин, - что воевода собрал всех девиц города и сказал мне: выбери себе одну из них в невесты. Я осмотрел и избрал красивейшую из них, с светлым лицом и украшенную многими золотыми вещами и дорогими камнями, по имени София.

Поняли родители, что Господь дает отроку девицу Софию, то есть премудрость Божию, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному чтению, но и богоугодному

добронравию — премудрости духовной.— Сын, — говорили они Константину словами Соломона, — чти Господа и укрепишься; храни заповеди и проживешь; словеса Божия напиши на скрижали своего сердца: нарцы премудрость сестру тебе быти, разумъ же знаемъ сотвори тебе (Прит. 7, 1-4).

Премудрость сияет светлее солнца и, если ее будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла. Родители отдали Константина в книжное обучение. Он отличался хорошою памятью и разумом, так что в ученье был лучше всех своих сверстников.

С ним произошел следующий случай. Как сын богатых родителей, Константин однажды вместе со своими товарищами отправился на соколиную охоту. Лишь только Константин выпустил своего сокола, поднялся сильный, ветер, который унес сокола неизвестно куда. Константин так сильно опечалился о соколе, что два дня не ел ничего, даже хлеба. Человеколюбивый Господь, не желая, чтобы юноша так печалился житейскими вещами, чудесно вернул ценную птицу.

Размышляя об утехах сего жития, святой Константин говорил: "Какая эта жизнь, что радость непременно вызывает печаль. С сего дня пойду другим путем, лучше этого, чтобы можно было мне избежать житейской суеты". С этого времени он стал почти всегда находиться дома, стараясь с большим прилежанием изучать науки, особенно учение святого Григория Богослова.

Не достигнув 15-летнего возраста, Кирилл уже читал глубокомысленнейшего отца церкви Григория Богослова. Способный мальчик был взят ко двору императора Михаила III, в товарищи по учению к его сыну.

Под руководством лучших наставников — в том числе Фотия, будущего знаменитого константинопольского патриарха — Кирилл изучил античную литературу, риторику, грамматику, диалектику, астрономию, музыку и другие «эллинские художества». К сему святителю Константин имел большую любовь и многое из его учения знал наизусть. Начертив на стене изображение святого креста, он под этим крестом написал похвалу святому Григорию в следующих словах: "О святитель Божий, Григорий Богослов! Ты — телом был человек, житием же явился ангел, ибо уста твои, как уста серафимов, хвалами прославили Бога и своим православным учением просветили вселенную. Молю тебя, прими меня, с верой и любовью к тебе припадающего, и будь моим учителем и просветителем".

Прилежно изучая книги, Константин видел, насколько еще незначительны его познания по причине неимения хорошего учителя, отчего впал в великое уныние. В их городе жил один человек (странник), знавший грамматику. К нему отправился Константин, умолял его и, упав перед ним, сказал:— Сделай для меня доброе дело: научи меня грамматике. На это ответил ему странник:— Отрок, не проси меня. Я дал обещание уже больше никого не учить. Снова Константин со слезами стал говорить ему:— Возьми ту часть из дома отца моего, которая принадлежит мне, только научи меня. Но и это не убедило сего человека Тогда Константин отправился домой и здесь стал усердно молиться, чтобы Господь исполнил желание его сердца, нашел для него учителя. Господь вскоре выполнил его желание.

В это время в Греческой земле умер государь Феофил и стал царствовать сын его Михаил с матерью своей, благочестивой царицей Феодорой. Этот монарх остался после отца малолетним, и ему в воспитатели были назначены три вельможи: domestик Мануил,

патриций Феоктист и логофет Дромид, который был хорошо знаком с родителями Мефодия и Константина. Логофет, зная об успехах и прилежании Константина, послал за ним, чтобы он учился наукам вместе с юным царем Михаилом, который бы подражал старанию Константина.

Отрок воспрянул духом и с радостью отправился в путь, молясь Богу молитвою Соломона: "Боже отец и Господи милости, - так молился Константин, - сотворивший человека. Дай мне приседящую Твоему престолу премудрость и не исключи меня из числа Твоих отроков, ибо я Твой раб и сын Твоей рабыни. Дай мне, чтобы я знал все то, что угодно Тебе, и поработал ради имени твоего во всю свою жизнь".

В Царьграде Константин проживал то у сановника в доме, то в царских чертогах. Своим умом и прилежанием он приводил в удивление своих учителей, за что и получил впоследствии название философа-мудреца. Но он был премудр не только в науках, а также и в жизни: он старался быть смиренным, беседовал с теми, от кого желал получить наставление, и уклонялся от тех, которые могли совратить на зло. Одним словом, он старался переменить земное на небесное и жить с Богом.

Логофет, видя добрую жизнь Константина и его успехи в науках, сделал его управляющим над своим домом, а также позволил ему входить без доклада в царские палаты. Однажды логофет спросил Константина:

— Скажи мне, философ, что называется философией?

— Философия, — отвечал Константин, — есть разумение божеских и человеческих дел, которое учит человека чрез

добродетель, насколько возможно, приближаться к Богу, сотворившему человека по Своему образу и подобию.

После сего логофет еще более возлюбил Константина и желал получить от него наставление в философии. Константин в немногих словах изложил пред ним философское учение, за что логофет оказывал ему особое уважение и даже предлагал много золота, но Константин отказался.

У этого вельможи была крестница — девица богатого и славного рода. Логофет задумал женить на ней Константина и уговаривал его так

— Красота твоя и мудрость, — говорил логофет, — невольно заставляют любить тебя. Есть у меня духовная дочь, девушка красивая, богатая, хорошего и знатного рода. Если хочешь, возьми ее себе в жены. От царя ты получишь большую честь и княжество, а в скором времени будешь назначен и воеводой.

— Велик этот дар для желающих, — отвечал Константин, — для меня же нет ничего драгоценнее ученья, чрез которое я могу приобрести разум, истинную честь и богатство. После таких слов логофет отправился к царице и сказал:

— Молодой философ не любит суеты этой жизни. Постараемся удержать его около себя, а для сего уговорим его посвятиться в священный сан и быть патриаршим библиотекарем при церкви святой Софии. Только таким путем можно удержать его.

По окончании учения святой Константин принял сан иерея и был назначен хранителем патриаршей библиотеки при храме Святой Софии. Но, пренебрегая всеми выгодами своего положения, удалился в один из монастырей при Черном море. Почти насильно он был

возвращен в Константинополь и определен учителем философии в высшей Константинопольской школе.

Мудрость и сила веры еще совсем молодого Константина были столь велики, что ему удалось победить в прениях с еретиками-иконоборцами. В это время патриарх Иоанн воздвиг гонение на святые иконы. Тогда был собран собор, на котором постановили удалить сего патриарха с престола. На такое определение собора Иоанн говорил:

— Меня удалили насилием, а обличить не могли, так как ничто не может противиться моим словам.

Царь с новым патриархом послали Константина к Иоанну с такими словами:

— Если будешь в состоянии обличить сего юношу, тогда снова займешь престол.

Видя такого молодого философа и не зная его сильного ума, Иоанн сказал Константину и посланным:

— Вы не стоите моего подножия. Как же я буду спорить с вами?

— Не держись людских обычаев, — отвечал Константин, — но смотри на заповеди Божий. Как ты, так и мы сотворены из земли, душа же от Бога. Посему, смотря на землю, человек, не гордись!

— Глупо искать цветов осенью, — сказал Иоанн, — а также и старца посылать на войну.

— Ты сам обличаешь себя, — отвечал философ. — Скажи мне, в каком возрасте душа бывает сильнее тела?

— В старости, — отвечал Иоанн.

— На какую войну мы тебя вызываем, — спросил философ, — на телесную или на духовную?

— На духовную, — отвечал Иоанн.

— Если ты теперь сильнейший духом, — сказал философ, — то не приводи нам таких сравнений. Мы без времени не ищем цветов, а также безвременно не вызываем тебя на спор.

После этого перешли к беседе. Старец спросил:

— Скажи мне, юноша: если крест сломается, мы уже не поклоняемся ему, не лобызаем его. Как же вы, если только будет одно лицо до персей, не стыдитесь творить ему иконную честь?

— Четыре части имеет крест, — отвечал философ, и если не будет одной части, то крест потеряет свой вид, икона же имеет вид и подобие, если будет написано лицо того, кого хотели изобразить. Взирающий же смотрит не на лицо льва или рысье, но — на первообраз.

— Вот вы кланяетесь кресту, — сказал старец, — если и нет на нем надписи, иконе же, если не будет надписания, не творите почести.

— Всякий крест, — отвечал философ, — имеет подобие Креста Христова, иконы же не имеют одного образа, но различны.

Наконец старец сказал:

— Почему вы кланяетесь иконам, когда Бог сказал пророку Моисею: не сотвори... всякаго подобія (Исх. 20,4)?

— Если бы Господь сказал: не сотвори никакого подобия, — отвечал на это философ, — то тогда ты говорил бы правильно: но Господь сказал: всякаго, то есть кроме достойного.

Против сего старец ничего не мог возразить и замолчал. После этой победы Константин был послан императором на диспут для прений о Святой Троице с сарацинами в Аравию. Спорным остается вопрос, действительно ли в начале 50-х годов Константин побывал в Болгарии и на реке Брегалнице обратил в христианство многих болгар. Этот факт упоминается только в одном документе — «Успении

Кирилла», составленном на территории Болгарии, и оспаривается большинством ученых.

Зато очевидным и документально подтвержденным является участие Константина в греческой миссионерской поездке в Сирию, которая была совершена около 855 года. Главной задачей миссии был обмен пленными (сарацины, или арабы, и греки постоянно находились в состоянии войны). По данным житий, двадцативосьмилетний Константин вступает с сарацинскими учеными в богословские споры и одерживает победу.

Не хулите Пребожественную Троицу, — говорил христианский философ, — Которую мы научились исповедовать от древних пророков. Они же учат нас, что Отец, Сын и Дух суть Три Ипостаси. Существо же их едино. Подобие сему можно видеть на небе. Так в солнце, созданном Богом во образ Святой Троицы, находятся три вещи: круг, светлый луч и теплота. Во Святой Троице солнечный круг есть подобие Бога Отца. Как круг не имеет ни начала, ни конца, так и Бог — безначален и бесконечен. Как от солнечного круга происходит светлый луч и солнечная теплота, так от Бога Отца рождается Сын и исходит Дух Святой. Таким образом солнечный луч, просвещающий всю вселенную, есть подобие Бога Сына, рожденного от Отца и являемого в сем мире, солнечная же теплота, исходящая из того же солнечного круга вместе с лучом, есть подобие Бога Духа Святого, Который вместе с рождаемым Сыном предвечно исходит от Отца, хотя во времени посылается людям и Сыном, как, например на апостолов был послан в виде огненных языков. И как солнце, состоящее из трех предметов — круга, светлого луча и теплоты — не разделяется на три солнца, хотя каждый из сих предметов имеет свои особенности: одно есть круг, другое — луч, третье — теплота, однако

не три солнца, а одно, так и Пресвятая Троица, хотя имеет Три Лица — Отца, Сына и Святаго Духа, однако не разделяется Божеством на три бога, но есть Один Бог». Так же ум, слово и дух в человеке отображает образ Троицы.

В 856 году в результате дворцового переворота был убит покровитель Константина логофет Феоктист, который фактически возглавлял Империю. Константин вместе со своими учениками, среди которых были Климент, Наум и Ангеларий, поселились в монастыре, настоятелем которого был Мефодий. По мнению ряда ученых, в монастыре вокруг Кирилла и Мефодия образовалась группа единомышленников, своеобразный научный кружок, в котором зарождается идея создания славянской азбуки и начинается работа по ее воплощению в жизнь миссионерских проектов.

На Олимпе блаженный Константин вновь стал заниматься изучением славянского языка. Среда, в которой приходилось ему быть, благоприятствовала этому. В обителях, бывших на горе, было много иноков-славян из разных соседних стран, почему Константин мог иметь здесь для себя постоянную практику, что для него было особенно важно, так как он, почти с детства, все время проводил в греческой среде.

Вскоре император вызвал обоих святых братьев из монастыря и отправил их к хазарам для евангельской проповеди. На пути они остановились на некоторое время в городе Корсуни, готовясь к проповеди. Ведь, в 858 году Константинопольским патриархом становится Фотий, который помнит своего талантливую ученика и делает все, чтобы он вновь смог применить не востребованные долгое время способности дипломата и полемиста.

В 860 или 861 годах в Византию прибывает миссия из Хазарского каганата с просьбой растолковать основы христианского учения. Византийский император Михаил III и патриарх Фотий воспользовались возможностью упрочить свое политическое и религиозное влияние на хазар, и Константин с Мефодием отправились в Хазарский каганат, чтобы проповедовать там христианское учение. По пути к хазарам византийские посланники остановились в греческом городе Херсонесе (в славянских источниках он фигурирует как Корсунь) в Крыму, где Константин пополнил знания еврейского языка.

Здесь Константин и Мефодий, узнав, что христиане вот уже пятьдесят лет лишены возможности поклоняться мощам святого мученика Климента, убеждают главу местной церкви провести богослужение на обретение нетленных мощей, после чего Константин собрал горожан, вывел их на мелководье и указал, где нужно копать землю. В указанном месте были найдены останки с якорной цепью на шее. Ни в Херсонесе, ни в Византии, ни в Риме сомнений по поводу подлинности обретенных мощей не возникло.

Часть останков Константин передал местному кафедральному собору, а часть хранил у себя до 867 года, когда, наконец, передал их Римскому папе Адриану II. Именно это событие, подробнее всего описанное в «Итальянской легенде» и упоминаемое во всех «Житиях» Константина, послужило тому, что он стал известен в христианском мире и был с почестями встречен в Риме (св. Климент считается покровителем Рима), куда прибыл с отчетом о великоморавской миссии.

В Херсонесе же Константин, по свидетельству «Паннонского жития», обнаружил Евангелия и Псалтырь, написанные «русскими

письмены» («Руськыи» имело другое значение. Русь – Киевская земля. «Поехал из Новгорода в Русь»).

Французский славист Антуан Вайан считает: «Житие Константина Философа» сохранились в поздних списках, самый древний из которых (восточнославянский по происхождению) датируется XV веком. Во время переписки возможна была «порча текста». Скорее всего, письма не русские, а сурские (сирийские). Он нашел человека, говорящего на этом языке, установил различие гласных и согласных и вскоре начал говорить на этом языке. В ставке хазарского каганата Константин одержал победу над иудейскими и мусульманскими богословами и крестил около двухсот хазар.

Здесь же проживал один самарянин, который ходил к Константину и беседовал с ним о вере. Однажды он принес самарянские книги и показал их Константину. Константин выпросил их у самарянина и, затворившись в своей комнате, стал усердно молить Бога, чтобы Он помог ему изучить их. С помощью Божией Константин скоро и хорошо изучил эти книги. Узнав об этом, самарянин воскликнул: «Воистину, кто верует во Христа, скоро приемлет благодать Святаго Духа». Он и сын его крестились, приняв Христову веру. Здесь же святые братья узнали, что мощи святого священномученика Климента, папы Римского, находятся в море и чудесным образом обрели их.

После этого святые братья отправились к хазарам, где одержали победу в прениях с иудеями и мусульманами, проповедуя евангельское учение. На пути домой братья снова посетили Корсунь и, взяв там мощи святого Климента, вернулись в Константинополь. Святой Константин остался в столице, а святой Мефодий получил

игуменство в небольшом монастыре Полихрон, неподалеку от горы Олимп, где он подвизался прежде.

В 863 году в Византию к императору Михаилу III прибыли послы из Великой Моравии от князя Ростислава с просьбой прислать к ним епископа и человека, который бы смог разъяснить христианскую веру на славянском языке. Моравский князь Ростислав стремился к независимости славянской церкви и с подобной просьбой уже обращался в Рим, но получил отказ.

Михаил III и Фотий так же, как и в Риме, отнеслись к просьбе Ростислава формально и, отправив в Моравию миссионеров, не рукоположили ни одного из них в епископы. Таким образом, Константин, Мефодий и их приближенные могли вести лишь просветительскую деятельность, но не имели права сами рукополагать своих учеников в священнические и дьяконские саны. Эта миссия не могла увенчаться успехом и иметь большого значения, если бы Константин не привез мораванам в совершенстве разработанную и удобную для передачи славянской речи азбуку, а также перевод на славянский язык основных богослужебных книг.

Ученые-слависты предположили, что Константин и Мефодий приступили к созданию азбуки для славян по собственной инициативе, а не по приказанию монарха, причем работа эта должна была начаться задолго до поездки в Моравию. Переводы, созданные Константином, были ориентированы на диалект славян, проживавших в Солуне и его окрестностях. Известно, что здесь жили славяне, генетически принадлежавшие к южнославянской языковой группе. Моравы, куда отправились солунские братья, генетически принадлежали к западнославянской языковой группе. Безусловно, язык привезенных братьями переводов фонетически и

морфологически отличался от живого разговорного языка, на котором говорили мораване, но язык богослужбных книг изначально был воспринят как письменный, книжный, сакральный, язык-образец. Он был значительно понятнее латыни, а некая непохожесть на язык, использующийся в быту, придавала ему величия.

24 мая 863 года Константин и Мефодий прибыли в столицу Моравии, город Велеград. Князь Ростислав встретил их с радостью и почетом. Константин и Мефодий на богослужениях читали Евангелие по-славянски, и народ потянулся к братьям и к христианству. Константин и Мефодий усердно обучали учеников славянской азбуке, богослужению, продолжали переводческую деятельность. Церкви, где служба велась на латинском языке, пустыли, римское священство теряло в Моравии влияние и доходы.

Эта территория была крещена западными миссионерами и входила в юрисдикцию Западно-Римского, а не Восточно-Константинопольского Патриарха. Богослужения шли на незнакомом населению латинском языке. Но национальные чувства заставили князя Ростислава искать богослужения на родном языке. На Востоке была традиция не навязывать новообращенным народам свой язык, а проповедовать Христово Евангелие и совершать богослужение на языке населения.

У братьев начались столкновения с еретиками- триязычниками, выступавшими за то, что обрядовыми могут быть только латинский, греческий и еврейский языки.

В августе 864 года Людвиг Немецкий в союзе с болгарам осадил князя Ростислава в крепости Довина (Велеград). Князь Ростислав был вынужден признать себя вассалом Людвигу. Это сразу

усилило позиции немецкого духовенства, и оно решительно отказало братьям в посвящении их учеников в духовные звания.

Поскольку Константин был простым священником, а Мефодий – монахом, они не имели права сами ставить своих учеников на церковные должности. Чтобы решить проблему, братья должны были отправиться в Византию или Рим. Рим был избран братьями, видимо, потому, что им не приходилось ждать поддержки от Византии. По косвенным свидетельствам мы можем заключить, что Фотий не поддерживал славянского богослужения, а в Риме Константин надеялся на помощь понтифика Николая I, противника Фотия.

Могла дойти до братьев и весть об убийстве фактического правителя Византии – Варды, который содействовал братьям и их миссионерской поездке в Моравию. Причин для поездки в апостольскую столицу было несколько. Во-первых, Папа Николай, извещенный о подвигах солунских братьев в славянских землях, много порадовался тому и особым посланием пригласил их в Рим; а во вторых, Константин выполнял данный им некогда обет посетить Рим; в- третьих, – они едут в Рим, чтобы представить папе труд своего перевода священного писания; по четвертым – папа позвал солунских братьев, желая их видеть, как ангелов божьих. Вероятнее всего, братья возлагали определенные надежды и на обретенные мощи Климента, считавшегося покровителем Рима.

Как бы то ни было, но, согласно Житию Константина, братья пробыли в Великой Моравии сорок месяцев, т.е. чуть более трех лет, и в январе – феврале 867 года выехали из Велеграда и направились в Венецию (вероятно, Константин надеялся на помощь в рукоположении своих учеников венецианского епископа), а затем в Рим.

По дороге братья по приглашению князя Коцела остановились в Блатнограде, столице Паннонии. Князь Коцел выучился у них славянской грамоте и отправил с ними в Рим около пятидесяти учеников для такого же обучения и посвящения их в духовный сан.

В Венеции в 867 году братья участвовали в новом споре с триязычниками, а после этого, в конце того же 867 года, попали в вечный город.

В Риме они не застали в живых папу Николая I, который скончался в результате сильных разногласий с Фотием и их взаимного отлучения друг друга от церкви. Константин передал мощи св. Климента только что рукоположенному папе Адриану II, поэтому тот принял Константина и Мефодия очень торжественно, с почетом, принял под свою опеку богослужение на славянском языке, распорядился положить славянские книги в одном из римских храмов и совершить над ними богослужение. Папа рукоположил Мефодия в священники, а его учеников – в пресвитеры и диаконы, а в послании князьям Ростиславу и Коцелу узаконивает славянский перевод Священного писания и отправление богослужения на славянском языке.

Почти два года братья провели в Риме. Одна из причин этого – все ухудшающееся здоровье Константина. Находясь в Риме, святой занемог и, в чудесном видении извещенный Господом о приближении кончины, принял схиму с именем Кирилл. Через 50 дней после принятия схимы, 14 февраля 869 года, равноапостольный Кирилл скончался в возрасте 42 лет.

Отходя к Богу, святой Кирилл заповедал брату своему святому Мефодию продолжать их общее дело – просвещение славянских народов светом истинной веры. Святой Мефодий умолял папу

Римского разрешить увезти тело брата для погребения его на родной земле, но папа приказал положить мощи святого Кирилла в церкви святого Климента, где от них стали совершаться чудеса.

Пребывание святого Мефодия в Риме совпало с примирением Рима с Константинополем, и Мефодию удалось убедить Папу в необходимости проповедовать Евангелие в Паннонии на родном населению славянском языке. Следуя просьбе славянского князя Коцела, Папа послал святого Мефодия в ту же Паннонию, рукоположив его во архиепископа Моравии и Паннонии, на древний престол святого апостола Андроника. В Паннонии святой Мефодий вместе со своими учениками продолжал распространять богослужение, письменность и книги на славянском языке.

Это снова вызвало ярость немецких епископов. Они добились ареста и суда над святителем Мефодием, который был сослан в заточение в Швабию, где в течение двух с половиной лет претерпел многие страдания. Освобожденный по приказанию папы Римского Иоанна VIII и восстановленный в правах архиепископа, Мефодий продолжал евангельскую проповедь среди славян и крестил чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу (память 16 сентября), а также одного из польских князей.

В третий раз немецкие епископы воздвигли гонение на святителя за непринятие ширившегося на Западе римского учения об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына.

Святитель Мефодий был вызван в Рим, но оправдался перед папой, сохранив в чистоте Православное учение, и был снова возвращен в столицу Моравии – Велеград. Здесь в последние годы своей жизни святитель Мефодий с помощью двух учеников-священников перевел на славянский язык весь Ветхий Завет, кроме

Маккавейских книг, а также Номоканон (Правила святых отцов) и святоотеческие книги (Патерик).

Предчувствуя приближение кончины, святой Мефодий указал на одного из своих учеников – Горазда как на достойного себе преемника. Святитель предсказал день своей смерти и скончался 6 апреля 885 года в возрасте около 60 лет. Отпевание святителя было совершено на трех языках – славянском, греческом и латинском; он был погребен в соборной церкви Велеграда.

Однако даже святому Мефодию не удалось сломить сопротивление местного латинского духовенства, и после его смерти его ученики – Наум, Климент, Горазд и другие были изгнаны из Паннонии и продолжили свое дело в Болгарии и Македонии. Рим, вопреки решению Папы Адриана II и Иоанна VIII, это впоследствии санкционировал и Моравия в церковном отношении навсегда осталась латинской, а восточные славяне стали православными. Это укрепило раскол между Востоком и Западом и губительно отразилось на всей истории славян, вплоть до Второй мировой войны.

После смерти Мефодия противники славянского богослужения в Моравии активизировались, а само богослужение, державшееся на авторитете Мефодия, сначала притесняется, а затем полностью затухает. После смерти в том же 885 году папы Иоанна VIII на престол вступил папа Стефан V – открытый противник славянского богослужения. На учеников Мефодия начинаются гонения, о которых сообщают жития Климента Охридского и Наума Охридского.

Славянское богослужение в Моравии и Паннонии запрещено. Часть учеников бежало на юг, часть была продана в Венеции в рабство, часть убита. Ближайших учеников Мефодия Горазда, Климента, Наума, Ангеллария и Лаврентия, заточив в железо,

держали в темнице, а затем изгнали из страны. Сочинения и переводы Константина и Мефодия были уничтожены. Именно этим объясняется то, что до наших дней не сохранилось их произведений, хотя сведений об их творчестве достаточно много. В 890 году папа Стефан VI предал славянские книги и славянское богослужение анафеме, окончательно запретив его.

Но у всех славян, несмотря на истекшие столетия, и до сих пор жива память о великих равноапостольных просветителях и той православной вере, которую они старались насадить среди них. Священная память святых Кирилла и Мефодия служит соединяющим звеном для всех славянских народов.

Дело, начатое Константином и Мефодием, было все-таки продолжено его учениками. Климент, Наум и Ангелларий поселились в Болгарии и явились основоположниками болгарской литературы. Православный князь Борис-Михаил, друг Мефодия, оказал поддержку его ученикам. Новый центр славянской письменности возникает в Охриде (территория современной Македонии). Охридская школа книжности глаголическая. До наших дней дошло значительное количество переводов и оригинальных произведений, созданных Климентом, Наумом, Ангеларием и другими деятелями в охридской школе.

Однако Болгария находится под сильным культурным влиянием Византии, и один из учеников Константина (вероятнее всего, Климент) создает письменность, подобную греческому письму. Происходит это в конце IX – начале X века, во время правления царя Симеона. Новая система письма появляется в Преславе, куда переместилась столица Первого Болгарского царства. Именно эта система получает название кириллицы в память о человеке, который

впервые предпринял попытку создания азбуки, пригодной для записи славянской речи.

В Болгарии сложились более удобные, чем в Моравии и Паннонии, условия для развития славянского письма.

На протяжении X –XI веков кириллица распространяется на территории Сербии и Киевской Руси, глаголица же, не получив поддержки в западнославянских землях, постепенно забывается и заменяется латиницей.

Переоценить привнесение письменности в славянское общество невозможно. Это величайший византийский вклад в культуру славянских народов. И был он сотворен святыми Кириллом и Мефодием. Только с установлением письменности начинается подлинная история народа, история его культуры, история развития его мировоззрения, научных знаний, литературы и искусства.

История введения славянской письменности полна драматизма, как, впрочем, и утверждение всех других благих начинаний. Обычно историю творят люди сугубо недостойные, а в нашем редком случае — удивительные по своей устремленности к подлинным человеческим ценностям. Судьбы подвижников, привносящих в культуру великие изобретения и открытия, редко бывают благополучны. Так стало и с братьями Кириллом и Мефодием.

Те два человека, о которых пойдет речь, никогда в своих жизненных коллизиях и странствиях не попадали в земли Древней Руси; жили они за сто с лишнем лет до того, когда здесь официально крестились и приняли их письмена. Казалось бы, Кирилл и Мефодий принадлежат к истории других народов. Но именно они кардинально перевернули бытие русского народа. Они передали ему кириллическую азбуку, которая стала кровью и плотью его культуры,

которая жива и сейчас и которой набран на компьютере этот текст. И это величайший дар людям человека-подвижника.

Вот это и есть его слово,
Его величайший почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин. (Б.Л. Пастернак)

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий — славянские первоучители, великие проповедники христианства. Святые Кирилл и Мефодий почитаются, как святые и на Востоке и на Западе. В православии день памяти Кирилла — 27 февраля, Мефодия — 19 апреля, обоих братьев — 24 мая.

Праздник в честь Кирилла и Мефодия — государственный праздник в России, Болгарии, Чехии, Словакии и Республики Македонии. В России, Болгарии и Республики Македонии праздник отмечается 24 мая; в России и Болгарии он носит имя День славянской культуры и письменности, в Македонии — День Святых Кирилла и Мефодия. В Чехии и Словакии праздник отмечается 5 июля. В Болгарии существует орден Кирилла и Мефодия.

Другие проповедники, о которых речь пойдет ниже, возвестили Евангелие Христово иным народам Европы, их трудами и страданиями весь наш континент стал христианским.

Глава 11. Христианское благовестие в Скандинавии

Одновременно со славянскими народами христианство начало распространяться и между народами скандинавскими, населявшими Данию, Швецию и Норвегию.

Датский король Гаральд, изгнанный своими подданными, в 826 году прибыл ко двору римско- немецкого императора, Людовика Благочестивого, сына благоверного императора Карла Великого, просить о помощи и при этом принял крещение со всем своим семейством. Получив помощь, Гаральд возвратился в Данию; вместе с ним отправлен был туда Людовиком монах Ново-Корбейского монастыря на Везере, Ансгарий, давно уже чувствовавший призвание к апостольской деятельности и искавший ее.

Как мы помним, обращение датчан святой Ансгарий начал с того, что устроил в Шлезвиге школу, в которой обучал выкупленных из неволи датских мальчиков и приготавлиал их, таким образом, к миссионерской деятельности между их соотечественниками. К несчастью, в 828 году Гаральд снова был изгнан датчанами за союз с франками, и деятельность Ансгаря должна была прекратиться. Своею апостольскою деятельностью он положил прочное основание христианству в Дании и Швеции. Окончательно Дания сделалась страной христианскою в первой половине XI века при короле Кнуде Великом (1014—1035 гг.), а Швеция — во второй половине того же века при короле Инге (1075 г.).

В одно время с Даниею и Швециею приняла христианство и Норвегия. Норвежские короли, познакомившиеся в своих походах с христианством западных государств, особенно в Англии, сами стали заботиться об обращении своих подданных еще в конце IX века.

Как известно, благочестивые норвежцы тщательно соблюдают все культурные и религиозные традиции, восходящие к тем временам, когда их предки слушали проповеди святого Зигфрида, когда дело веру Христову среди викингов распространяли святые монархи Олаф Харальсон и Олаф Трюгвальсон.

Святой благоверный **король Олаф Трюгвальсон** родился 963 году, вскоре после убийства его отца. Мать Олафа, Астрид (норв. Astrid), бежала с сыном от убийц мужа в Новгород к Владимиру I Святославичу, у которого служил ее брат Сигурд, но по дороге они были захвачены пиратами, жившими на южных берегах Балтийского моря. Сигурд, собирая налоги в Эстонии по повелению Владимира, встретил случайно Олафа и выкупил его из рабства.

Олаф рос под покровительством святого Владимира, позже был взят в дружину, где пользовался популярностью среди воинов ⁴.

Позже Олаф оставил службу у Владимира, отправившись бороздить просторы Балтики. В 982 году он попал в шторм у земли Вендов, где остался на зиму и женился на дочери местного князька Бурислава Гейре.

Олаф присоединился к армии Оттона III в войне против короля Дании Харальда I Синезубого и короля Норвегии Хокона II Могучего. Армия Оттона и Олафа одержала победу, при которой Оттон заставил Харальда и Хокона принять христианство, после чего Оттон вернулся к себе.

Олаф прожил со своей женой всего 3 года, как вдруг она заболела и умерла. Не находя себе места от горя, Олаф ушел скитаться. У отшельника на островах Силли он принял крещение. В

⁴ Весьма символично, что оба равноапостольных монарха были не только хорошо знакомы, но и дружны между собою, для нас христиан это примечательно, ибо оба государя ныне вместе молятся на небесах

988 году Олаф плывал в Ирландию, где женился на овдовевшей королеве Гиде (Gyda) и вместе с нею стал правителем «острова святых»

В 995 году до короля Норвегии Хокона дошли слухи о короле Ирландии норвежского происхождения. Он послал своих людей разузнать об этом человеке. Посланники Хокона прибыли к Олафу и рассказали ему, что Хокон теряет свою популярность среди своего населения. Олаф решил воспользоваться удачным случаем для захвата власти в Норвегии. Прибыв в Норвегию, он присоединился к восстанию против Хокона, в котором Хокон был убит.

В 995 году он завладел Норвегией и ревностно насаждал в ней христианство, но бежавшие от него норвежские вельможи нашли союзников в датском и шведском королях. Когда Олаф с флотом выступил против них, он потерпел поражение близ Свольдера и пал в битве.

Норвежцы возмутились было от его крутых мер, но это было в последний раз. Когда Олаф пал в битве с Кнудом Великим за независимость Норвегии, они переменили свои взгляды, — приняли христианство и торжественно провозгласили Олафа норвежским святым. Из Норвегии христианство распространилось на островах, принадлежащих ей, между прочим, и в Исландии.

Однако подлинным апостолом Скандинавии стал **святой Зигфрид**, о котором наш следующий рассказ. Также известен как Зигфрид в шведском произношении Сигурд из Векшьо (Sigfrid of Wexlow, Sigfrid Växjö).

Предание гласит, что Св. Зигфрид родился в Нортумбрии (по другой версии его малая родина – это святая земля Гластонбери), принял монашество и стал священником в Йорке или Гластонбери.

Английский король Этельред II "Не приемлющий советов", удовлетворяя просьбу святого норвежского короля Олафа Трюгвессона, духовного сына Английской Церкви, просившего прислать в его королевство учителей веры для наставления своих подданных, пребывавших во тьме язычества, направил его в Норвегию (995 год) в качестве миссионера вместе с двумя другими английскими епископами, Гримкелем и Иоанном.

Святым мужам в их богоугодном деле всячески содействовал архиепископ Бременский, Германия. После обращения ко Христу множества язычников – норманнов Зигфрид продолжил начатое дело в Швеции в 1002 году. Святой Ансгар (Ансгарий) посеял семена веры в Швеции ещё в 830 году, но после него страна опять впала в язычество. Вторая волна миссионеров-святых, в основном англосаксов, включая Зигфрида и германцев, духовных чад Английской Церкви, последовала двумя столетиями позже. И именно благодаря им страна окончательно утвердилась в Христовой Истине.

На юге Швеции он проповедовал с 1008 года. В Векшьо он сам построил деревянную церковь, и он также с успехом трудился в свейских землях Смеланд и Вестерйотланд (Smaeland, Västergötland). Он крестил двенадцать правителей провинции, и их примеру последовали многие другие жители – знатные и простые поселяне. У родника у горы Острабо (Ostrabo), с тех пор называемом Вексло, в котором Зигфрид крестил новообращённых, увековечены имена первых двенадцати обращённых (они высечены на монументе).

Других благородных мужей, включая святого короля Швеции Улафа Скотконунг (Olaf Skotkonung, отец святой княгини Анны Новгородской), привлекло любопытство, они хотели увидеть дорогие ткани и прекрасные сосуды, использовавшиеся во время

богослужений, послушать проповеди, увидеть торжественность и величественность христианского богослужения. Это привлекло их в начале. А пример жизни, которую вёл Зигфрид и его товарищи, открыл им глаза веры, и привёл к крещению множество людей, среди которых были король, крестившийся в Усаби (одно из мест в Sigrid Undset's Kristin Lavransdatter) в источнике, который позже стал носить имя Зигфрида, ставший источником множества чудес. По видимому Св. Зигфрид крестил и дочь Улофа Ингигерду, ставшую известной на Руси как Анна Новгородская.

Зигфрид рукоположил двух шведских епископов, чтобы они приняли соседние епархии, однако он оставался епископом Векшьо до конца своей жизни. В Векшьо по почину Св. Зигфрида была возведена деревянная церковь. Около 1040 года на эту церковь во время богослужения напали язычники и убили всех, в ней находившихся. В числе погибших было трое племянников Св. Зигфрида, помогавшие своему дяде в его апостольских трудах. Их звали Унаман (Unaman), священник; Сунаман (Sunaman), дьякон и Винаман субдиакон. Страдальцам отрезали головы, положили их в ящик и утопили в озере. Тела захоронили в глуши леса, где их никогда не нашли.

Когда свершилось это злодеяние, Зигфрид совершал пастырскую поездку в Данию. Вернувшись и узнав о случившемся, он отправился на поиски тел своих сродников – мучеников. Найдя ларец с тремя головами, он повелел им говорить. По воле Божьей отрубленные головы чудесным образом заговорили и поведали свою историю. Святой епископ спросил, будет ли злодеяние отомщено. "Да," ответила первая голова. "Когда?" спросила вторая. "В третьем поколении," ответила третья. Так и случилось. Их головы поместили в раку для поклонения как святые мощи. Король Улаф пришёл в ярость,

узнав о гибели столь достойных священнослужителей, он приказал казнить убийц, но по настойчивым просьбам Зигфрида сохранил им жизни - раннее свидетельство против смертной казни. Тогда Улаф наложил на виновных огромный штраф в пользу Зигфрида, но святой отказался его принять, несмотря на то, что он жил в крайней бедности, и ему нужно было заново отстроить церковь. С этого времени его моральный авторитет в стране шведской был непререкаем.

Святой стал настолько знаменит даже в окрестных странах, что, например, немцы начали считать его своим, утверждая, что он родился в Бремене или Гамбурге.

Святой епископ умер в преклонном возрасте около 1045 года, его мощи были положены под главным алтарём собора Векшьо (собор во имя Св. Иоанна Крестителя и Св. Зигфрида). Сразу после преставления Зигфрида на его могиле по милости Божьей начали совершаться многочисленные чудеса и шведы стали почитать как святого. В католической церкви его официально канонизировали при папе Адриане IV. Этот понтифик, единственный за всю историю папа – англичанин, до своего восшествия на престол, был папским легатом в Скандинавии (в 1152 – 1154 годах). Видя как жители северных земель почитают его соотечественника, он заняв римскую кафедру немедленно совершил его официальную канонизацию.

Гробница Св. Зигфрида в соборе его имени была объектом массового паломничества до времён Реформации, когда гробницу святого уничтожили, а его мощи видимо погребли под спудом и до сих пор видимо там покоятся. Св. Зигфрида почитал шведский и польский король (и великий князь литовский) Сигизмунд III Ваза (тот самый, при котором случилась польско – литовская интервенция в Московское государство в 1609 – 1618 годах и с войсками которого

воевало ополчение Минина и Пожарского), за свою фанатичную приверженность католицизму лишившийся шведского престола. Сигизмунд способствовал распространению культа этого угодника на подвластных ему землях Польши и Литвы.

Однако и в шведских землях память о святом Зигфриде не была уничтожена Реформацией. Его до сих пор именуют апостолом Швеции, его до сих пор почитают как святого даже протестанты – лютеране. Богослужения, посвящённые его празднику, и в наши проводятся в Швеции и Дании. Изображение святого находится в гербе города Векшьо.

В иконографии Святого Зигфрида изображают в виде епископа с двумя монахами (епископы Гримкель и Иоанн), пересекающими море на корабле. Его также могут изображать крестящим короля шведского Улафа, или борющимся с бесами. В саду Стоук, Уорчестершир (Stoke Orchard, Worcestershire) есть настенная живопись XIV века, на которой, возможно, он изображён. Его также изображают в виде епископа, несущего головы трёх племянников, которых иногда неверно показывают в виде трёх хлебов.

Память Св. Зигфрида Шведского празднуется 15 февраля старого стиля и 22 августа старого стиля (у католиков и лютеран соответственно нового, а также 17 февраля нового стиля).

Наследником святителя Зигфрида в деле проведи истинной веры на Скандинавском полуострове стал король **Олаф II Харальдссон**, (1015-1030), креститель и просветитель норвежцев. Он был в течение многих столетий одним из самых почитаемых святых Северной Европы. Ему посвящена «Сага об Олафе Святом».

Государь Олаф родился в 995 году в семье норвежского военачальника Харальда из Гренланда, представителя династии Инглингов.

Вот как описываются в «Саге об Олафе Святом» его внешность и характер: «Олаф сын Харальда был невысок, коренаст и силен. Волосы у него были русые, лицо широкое и румяное, кожа белая, глаза очень красивые, взгляд острый, и страшно было смотреть ему в глаза, когда он гневался. Олаф владел очень многими искусствами: хорошо стрелял из лука, отлично владел копьём, хорошо плавал. Он сам был искусен во всяких ремеслах и учил других. Его прозывали Олафом Толстым. Говорил он смело и красиво. Он рано стал умным и сильным, как настоящий мужчина. Все родичи и знакомые любили его. Он был упорен в играх и везде хотел быть первым, как ему и подобало по его знатности и происхождению».

Как и все викинги, он провел молодость, пиратствуя на морях Северо-Западной Европы. Вместе со знаменитым викингом Торкелом Высоким он сражался против христианских армий в Англии под Лондоном, под Рингмером и Кентербери. В то время Олаф был язычником, как многие норвежцы...

В один из своих походов он вторгся в страну финнов. Финны славились умением ворожить, и к ним за подобными услугами приезжали и из других стран. И вот, как повествует «Сага», «...конунг потерял много людей, и многие были ранены. Конунг вернулся к кораблям вечером. Ночью финны вызвали колдовством непогоду, и на море поднялась буря. Конунг приказал поднять якорь и поставить паруса, и ночью поплыл против ветра вдоль берега, и, как потом это часто бывало, удача конунга была сильнее колдовства».

В христианскую веру св. Олаф был обращен в Нормандии в 1013 г., в том же году крещен в Руане и в том же году поступил на службу к пребывавшему в изгнании английскому королю Этельреду. Он помог английскому королю вернуться в Англию и там сражался на его стороне против язычников датчан.

Он особенно отличился военным умением и находчивостью при захвате Лондонского моста: «Они подошли к Лундуну (Лондон — авт.) и вошли в Темпе (Темза — авт.), а датчане засели в крепости. На другом берегу реки стоял большой торговый город, который назывался Судвирки. Там у датчан было большое укрепление: они вырыли глубокий ров, а с внутренней стороны укрепили стены бревнами, камнями и дерном, и внутри этого укрепления стояло большое войско. Адальрад конунг (Король Этельред — прим. составителя) приказал взять крепость штурмом, но датчане отразили натиск, и Адальрад конунг ничего не мог поделать. Между крепостью и Судвирки был такой широкий мост, что на нем могли разъехаться две повозки. На этом мосту были построены укрепления — башни и частокол, человеку по пояс, — направленные по течению. Мост этот держался на сваях, которые были врыты в дно.

Во время нападения Адальрада датчане стояли по всему мосту и защищали его. Адальрад конунг был очень озабочен тем, как ему захватить мост. Он созвал предводителей всех своих отрядов и спросил их совета, как захватить мост. Олаф конунг сказал тогда, что он попытается подойти к мосту со своим отрядом, если другие предводители захотят сделать то же самое. На этом совете было решено, что они подойдут на кораблях под мост. Каждый тогда подготовил свои корабли и войско. Олаф конунг велел приготовить

большие щиты из прутьев, а также из разнообразных плетеных строений.

Эти щиты он велел укрепить над кораблями так, чтобы щиты выступали за края бортов. Щиты эти держались на высоких шестах, которые были поставлены на таком расстоянии друг от друга, чтобы укрытие защитило от камней, которые могли бросать с моста, но вместе с тем позволяло вести оборонительный бой. Когда войско было готово, они поплыли вверх по течению. А когда они добрались до моста, сверху на них посыпались копья, стрелы и такие большие камни, что ни щиты, ни шлемы не выдерживали, и даже корабли получили сильные повреждения. Многие корабли тогда отошли назад, а Олаф конунг со своей дружиной норвежцев продолжал продвигаться вверх по течению под мост.

Его люди привязали толстые канаты к сваям, на которых стоял мост, пустили все свои корабли вниз по течению и гребли при этом изо всех сил. Сваи вырвало из-под моста и потащило по дну. И так как на мосту стояло большое войско и было много оружия и камней, то, когда сваи вырвало, мост проломился и многие попадали в реку, а остальные разбежались, кто в город, а кто в Судвирки. После этого они напали на Судвирки и захватили его, и, когда горожане увидели, что враги захватили Темпе и могут теперь беспрепятственно плыть дальше в глубь страны, они испугались, сдали город и подчинились Адальраду конунгу».

После воцарения короля Этельреда Олаф некоторое время нес оборону Англии и обходил ее побережье на боевых кораблях. По прошествии нескольких лет король Этельред умер, и датский король Кнут (по прозвищу Могучий) женился на его вдове Эмме и после

ряда столкновений с сыновьями короля Этельреда воцарился в Англии.

Король Кнут был христианином. Согласно одной, не полностью достоверной версии, Олаф находился некоторое время при дворе короля Кнута Могучего. И, как повествует одна благочестивая легенда, уже в то время отличался христианскими добродетелями и аскетизмом: «Вначале король Кнут и св. Олаф были большими друзьями, но вскоре Кнут стал завидовать Олафу. Епископ (св. Зигфрид, просветитель Швеции, англичанин по происхождению, бывший ранее монахом в монастыре Гластонбери. — прим. составителя) никогда не начинал службы, не дождавшись Олафа; но не оказывал такого же внимания Кнуту.

Кроме того, он называл Олафа королем, а этого Кнут вынести не мог и с таким раздражением пенял на это епископу, что тот в конце концов подчинился; ибо сердце Кнута было преисполнено гордости и амбиций ввиду его могущества и обширности владений. Так дело и шло, пока не настал Великий пост. И вот король Кнут опять стал говорить епископу Зигфриду: «Не ты ли этой зимой называл Олафа королем? По какому праву ты это делал? Ведь у него нет ни страны, ни короны».

«Это правда, Ваше Величество, — отвечал епископ, что здесь у него нет владений; нет на нем и золотой или серебряной короны. Но он избран и коронован самим Господом, Царем царей, Всемогущим Богом. Он избран и коронован управлять страной, в которой он рожден.... Народ Норвегии, и не только Норвегии, но и все окружающие племена и вся Северная Земля будут вечно чтить и прославлять сей столп христианства, сей оплот христианской государственности, который вырвет с корнем все сорняки на поле и в

винограднике Господнем, и посеет на их месте добрые семена Слова Божия...».

Король Кнут заметил: «Ты, Преосвященнейший Владыко, не пожалел, кажется, пышных слов, чтобы показать, насколько этот Олаф превосходит нас в Божественной Благодати и добродетелях. Да что говорить — если верить твоим словам, то по сравнению с ним мы и вовсе кажемся не имеющими никаких добродетелей». — «Я хотел сказать только то, что сказал», — ответил епископ.

«Хочется и мне чем-нибудь похвастаться перед Олафом, — сказал Кнут с притворным смирением, — хотя я и уступаю ему во многом. К примеру, вот начался пост. На мне, ты видишь, не шелковая, а льняная рубашка, не пурпурная и вельветовая, а розовая поддевка. И пью я только эль, а не мед. А Олаф носит шелковую рубашку и поддевку из вельвета; готовят ему изысканные блюда, и на столе у него постоянный сосуд с вином».

Епископ ответил: «Да, это правда, мой господин, действительно, Олаф носит шелковую рубашку, но под ней власяница и пояс широкий от бедер и почти до самых плеч с железными прутьями в нем. И если ты заметил, сидение Олафа установлено на деревянном возвышении, под которым пустота. Там сидит карлик. Это он ест все деликатесы. А Олаф ест только хлеб с солью. Перед ним также сосуд с водой. А чашу вина пьет тот же карлик».

Из-за этих слов Кнут так разгневался на епископа, что Олаф уже не мог оставаться при дворе Кнута. Вскоре покинул его и епископ Зигфрид».

Из «Саги об Олафе Святом» Снорри Стурлусона нам известно, что св. Олаф намеревался предпринять какие-то походы в дальние страны, в том числе в Святую Землю. «И когда Олаф конунг стоял в

Карлсаре (Кадикс — авт.) и ждал попутного ветра, чтобы плыть в Нёрвасунд (Гибралтарский пролив — авт.), а оттуда в Йор-салахейм (Иерусалим — прим. составителя), ему приснился замечательный сон, будто подошел к нему статный и видный, но внушающий ужас муж и заговорил с ним. Он просил Олафа отказаться от своего намерения плыть в дальние страны: «Возвратись в свою отчину, потому что навеки будешь конунгом Норвегии». Олаф конунг понял этот сон так, что он будет править страной и своими соотечественниками долгие времена»...

Итак, в 1015 году Олаф вместе со святым равноапостольным епископом Зигфридом выехал в Норвегию. «Тот остров, — говорится в «Саге», — где они сошли на берег, называется Сэла и расположен недалеко от мыса Стад. Конунг сказал тогда, что в счастливый день они прибыли в Норвегию, потому что они пристали именно к Сэле, в этом он увидел хорошее предзнаменование (Сэла по-исландски — счастье — авт.). Когда они сходили на берег, конунг ступил ногой на глину, поскользнулся и упал на колено. Конунг сказал: «Я упал» (плохое предзнаменование — авт.). Епископ тогда промолвил: «Ты не упал, конунг, ты прочно встал на землю этой страны». Конунг усмехнулся и сказал: «Пусть будет так, если это угодно Господу».

Целью св. Олафа было создание христианского государства, такого, в котором христианство вытеснило бы окончательно язычество... На этом пути св. Олафу пришлось встретить сопротивление как со стороны ряда местных князей, так и со стороны той части народа, которая отвергала христианство вообще, либо принимала его лишь формально. Особенно ожесточенную борьбу св. Олаф выдержал с ярлом (князем) Свейном...

Вот как описывает «Сага» решающий бой с ярлом Свейном: «Утром в Воскресенье, как только рассвело, Олаф конунг встал, оделся, сошел на берег и велел трубить сбор, чтобы все его войско собралось на берегу. Потом он обратился ко всему войску и сказал, что, как он узнал, Свейн ярл недалеко.

«Теперь мы должны подготовиться, — сказал он, — потому что скоро грянет бой. Берите оружие и вставайте каждый на свое место, так, чтобы все были наготове, когда я велю трубить в рог и прикажу выступать. Выступим все вместе. Никто не должен отправляться раньше, чем все будут готовы, никто не должен оставаться здесь, после того как я отплыву, потому что мы не можем знать, встретим ли мы ярла там, где он сейчас, или он сам будет искать встречи с нами. Но если мы сойдемся и начнется битва, пусть наши корабли сомкнутся, и вы должны связать их канатами. Укроемся щитами и побережем наше оружие, так чтобы ни одна стрела не упала в море и не была потрачена напрасно. А когда корабли сойдутся и разгорится битва, смелей идите на приступ вражеских кораблей, и пусть каждый покажет, на что он способен»...

У Олафа конунга на корабле было сто человек, и на всех были кольчуги и вальские шлемы. У большинства его людей были белые щиты со святыми крестами из золота, а на некоторых щитах кресты были написаны красной или синей краской. Он велел также написать белой краской кресты на всех шлемах (так поступил и св. император Константин Великий в решающей битве с язычниками —авт.). У него было белое знамя со змеем. Он велел отслужить молебен, потом пошел на свой корабль и приказал людям подкрепиться перед боем. После этого он велел трубить в рог и выходить в море».

«Когда Олаф конунг, — повествует «Сага», — приплыл в Трандхайм, против него никто не выступил, и он был провозглашен конунгом. Осенью он обосновался в Нидаросе и приготовился зимовать там. Он велел построить церковь Клеменса (св. Климент Папа Римский — прим. составителя) на том самом месте, где она и сейчас стоит».

... Помимо храма Св. Климента Папы Римского в Нидаросе он воздвиг по всей Норвегии множество церквей. В Мостере он составил кодекс законов касательно отношений Церкви и государства. Гвин Джонс пишет: «Кодекс церковных законов, составленный в Мостере, стал основополагающим для всей церковной и гражданской жизни. Он был зачитан на нескольких тингах (собрание граждан, похожее на Новгородское вече — прим. составителя) и в соответствии с ним были внесены поправки в древнейший Гутландский свод законов».

«Сага» повествует: «Обычно конунг вставал рано утром, одевался и мыл руки, а потом шел в церковь. Затем он решал тяжбы или говорил людям о том, что считал необходимым. Он собирал вокруг себя и могущественных и немощественных, и особенно всех тех, кто были самыми мудрыми. Он часто просил говорить ему законы, которые установил в Трандхайме Хакон, воспитанник Адельстайна (норвежский король Хакон Добрый, воспитанник английского короля Этельстана. Хакон был первым христианским королем Норвегии, но слабым, чтобы бороться с язычеством — авт.).

Сам он устанавливал законы, советуясь с самыми мудрыми людьми. Одни законы он упразднял, а другие добавлял, если считал это необходимым. Закон о христианстве он установил, посоветовавшись с епископом Гримкелем и другими священниками. Он прилагал все силы, чтобы искоренить язычество и те древние

обычаи, которые, по его мнению, противоречили христианской вере. И вышло так, что бонды (свободные земледельцы — авт.) приняли законы, которые установил конунг.

Олаф был человеком добродетельным, сдержанным и немногословным. Он был охоч до всякого добра и щедро его раздавал. С конунгом был тогда Сигват скальд и другие исландцы. Олаф конунг подробно расспрашивал их о том, как христианство соблюдается в Исландии.

Он считал, что соблюдается плохо, раз законы там разрешают есть конину, выносить детей (в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» говорится: «Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих новорожденных детей в пустынное место и оставляли там» («Исландские саги». — М., 1956., с. 26) — авт.) и делать многое другое, что противоречит христианской вере и что делали язычники. Олаф много расспрашивал знающих людей об обычаях в разных странах и особенно часто спрашивал он о соблюдении христианской веры на Оркнейских, Шетлендских и Фарерских островах. Из рассказов он узнал, что там не все хорошо. Он часто вел такие беседы или говорил о законах и порядках в стране... Конунг направился на юг вдоль побережья, останавливаясь в каждой фюльке и созывая бондов на тинг. На каждом тинге он велел читать христианские законы и заповеди. Он запрещал дурные обычаи и языческие обряды, потому что ярлы жили по старым законам и никому не рассказывали о христианских законах. В то время повсюду на побережье люди были крещены, но большинству христианские законы оставались неизвестны. В горных долинах и горах все по-прежнему оставались язычниками, так как, когда люди предоставлены самим

себе, они крепко помнят веру, которой их научили в детстве. Тех, кого Олаф не мог уговорить принять христианство, он принуждал к этому силой и не смотрел на то, кто перед ним, могущественный человек или нет».

На последних словах «Саги» следует остановиться... Поклонение силе было заложено в основе психологии и верований и даже в образе жизни древних скандинавов. Поэтому применение силы со стороны св. Олафа для многих в народе служило доказательством, что на его стороне правда. Аналогичный психологический эффект наблюдался и при крещении Руси св. князем Владимиром... главным фактором было то, что в Киевской Руси великий князь считался главным жрецом, что сказал главный жрец по религиозным вопросам, то и истина.

«Олаф конунг велел ввести христианство в Вике таким же образом, как он сделал это на севере страны, и дело шло успешно, поскольку жители Вика были знакомы с христианскими обычаями намного лучше, чем люди на севере, так как и зимой и летом там бывало много датских и саксонских купцов. К тому же и сами жители Вика часто ездили торговать в Англию, страну Саксов, страну Флемингов, и в Данию, а некоторые бывали в походах викингов и оставались зимовать в христианских странах».

Сам святой Олаф строго соблюдал церковные установления и много молился. «Сага» повествует о том, как однажды он забылся и стал в воскресный день что-то вырезать из дерева (как многие норвежцы времен викингов, он был искусным мастером по резьбе). «Мальчик-слуга сказал ему: «Господин, завтра понедельник», — намекая на то, что сегодня воскресенье. Св. Олаф отбросил рукоделие, велел подать свечу и сжег на ней все стружки, держа их в руке».

Св. Олаф твердо верил, что Бог благоволит его делам и посылает во всем удачу. «Удача конунга велика», — повествует «Сага». Своему послу к шведскому королю он говорит: «Будь уверен, я буду всей душой с тобой, если это сможет тебе помочь, и пусть моя удача будет с тобой и со всеми вами». О том, что вера в свою удачу по милости Божией никогда не изменяла св. Олафу, свидетельствует следующий факт: св. Олаф и король Швеции спорили по поводу одного пограничного района и согласились решить спор жребием. Они решили бросить кости. «Конунг шведов выбросил две шестерки и сказал, что Олафу конунгу уже незачем бросать. Тот ответил, встряхивая кости в руках: «На костях есть еще две шестерки, и моему Господу Богу ничего не стоит сделать так, чтобы я их выбросил». Он метнул кости и выбросил две шестерки. Тогда метнул кости Олаф конунг шведов и снова выбросил две шестерки. Тут снова бросил кости Олаф конунг Норвегии, и на одной из костяшек было шесть, а другая раскололась, и на ней оказалось семь, и он выиграл»...

Осуществляемое им объединение страны под своей единоличной властью было только необходимым сопутствующим обстоятельством этой его деятельности. Вот почему св. Олаф никогда не мстил за себя лично (будучи одновременно строгим в отношении врагов христианства). Так, например, отняв власть у пяти местных властителей, замышлявших убить его, он долго держал при себе одного из них, оказывая ему почет, подобающий его сану, и только после того, как тот трижды покушался убить св. Олафа, его отправили под охрану в другое место, где он жил на полном обеспечении.

Не раз бывало, что его предавали те, кому он прощал проступки и оказывал милость... предатели в конце концов были убиты... Роковое значение имело и убийство предателя Асбьерна, ибо тем же

копьем, которым был убит тот, была нанесена смертельная рана св. Олафу в битве при Стикластадире, о которой речь будет позже. Этот удар нанес один человек, по имени Торир, отличающийся коварством, которого родственники Асбьерна (и сам он был его родственником) обязали отомстить за последнего.

С годами св. Олаф все чаще и чаще углублялся в себя, так что порой не замечал окружающее. В этом состоянии у него бывали иногда непонятные видения и прозрения. Так, например, как повествует «Сага»: «Однажды конунг ехал на коне и пел псалмы. Когда он проезжал между двумя холмами, он остановил коня и сказал: «Пусть все передают из уст в уста мои слова, что ни один конунг Норвегии не должен никогда больше проезжать между этими холмами». И говорят, что этот завет выполняется...

Два главных политических противника было у св. Олафа: Олаф, король Швеции, и Кнут Могучий, король Дании и Англии. С первым у св. Олафа были непрерывные споры касательно пограничных территорий. Второй же прямо требовал, чтобы св. Олаф стал его вассалом, т.е. перестал быть королем Норвегии, и чтобы последняя потеряла свою независимость. Ссора со шведским королем привела к потере Олафом первой своей невесты; вражда же с Кнутом привела к потере самой жизни.

Св. Олаф посватался к дочери Олафа Шведского Ингигерд, которая отвечала Олафу взаимностью и очень хотела этого брака. С точки зрения шведской знати, брак этот был весьма желателен для установления пограничного мира, и они принудили Олафа Шведского дать клятву в том, что он выдаст Ингигерд за Олафа Норвежского. Но шведский король так ненавидел св. Олафа, что пошёл на клятвопреступление и выдал свою дочь за русского великого князя

Ярослава Мудрого, который княжил тогда в Новгороде. Ингигерд — это будущая святая благоверная княгиня Анна Новгородская. По ее шведскому имени названа ижорская земля Ингерманландией (где теперь Петербург).

Св. Олаф всю свою жизнь был в очень хороших отношениях со своей несостоявшейся невестой, а через нее и с Ярославом Мудрым, которые, как мы увидим впоследствии, сыграли важную роль в его жизни и весьма помогли ему. Потеряв Ингигерд, св. Олаф женился на ее сводной сестре Астрид...

Король Кнут Могучий... в качестве главного оружия против св. Олафа использовал подкуп влиятельных людей, не жалея золота и драгоценностей и обещая Норвегии свободу и процветание в случае свержения законного короля и установления власти Кнута.

И он достиг успеха. Св. королю Олафу пришлось бежать на Русь под защиту святого благоверного великого князя Ярослава Мудрого, женой которого была бывшая невеста св. Олафа Ингигерд (будущая св. благоверная княгиня Анна Новгородская). Бежал он туда вместе с малолетним сыном Магнусом, оставив в Швеции жену Астрид. Как повествует «Сага», именно Ингигерд настояла впоследствии, чтобы Магнус оставался все время при дворе в. к. Ярослава, и именно Ярослав и св. Анна сыграли главную роль в воцарении Магнуса после свержения датских правителей, пришедших к власти после гибели короля Олафа.

В результате бегства и предательства части дружины у св. Олафа оставалось пять кораблей. «... Он нигде не останавливался, пока не приплыл на восток в Гардарики (так норвежцы называли Русь — авт.) к Ярицлейву (к великому князю Ярославу Мудрому в Новгород — авт.) конунгу и его жене Ингигерд. Астрид, жена

Конунга, и Ульвхильд, дочь конунга, остались в Швеции, а Магнуса, своего сына, конунг взял с собой на восток. Ярицлейв конунг хорошо принял Олафа конунга и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько Олафу конунгу необходимо для содержания его людей. Олаф конунг принял приглашение и остался там.

Приехав в Гардарики, Олаф конунг предавался глубоким раздумьям и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв конунг и его жена Ингигерд предлагали Олафу конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая зовется Вульгария (Волжская Булгария — прим. составителя). Она составляла часть Гардарики, и народ в ней был некрещеный. Олаф конунг стал обдумывать это предложение. Но когда он рассказал о нем своим людям, те стали отговаривать его и убеждали его вернуться в Норвегию в свои владения. У конунга была также мысль сложить с себя звание конунга и поехать в Йорсалир (Иерусалим — авт.) или другие святые места и принять обет послушания (т.е. стать монахом. — авт.). Но чаще всего он думал о том, нельзя ли как-нибудь вернуть свои владения в Норвегии.

Раздумывая об этом, он вспоминал, что в первые десять лет его правления все у него шло легко и удачно, а потом, что бы он ни делал, все давалось с трудом, и все благие начинания кончались неудачно. И он сомневался, стоит ли испытывать судьбу и отправляться с таким небольшим войском навстречу своим врагам, когда весь народ примкнул к ним и выступает против него. Он часто думал обо всем этом и обращал свои мысли к Богу, прося, чтобы Бог указал, как ему лучше всего поступить. Все эти мысли не давали ему покоя, и он не знал, что ему делать, ибо видел, что ему не миновать беды, как бы он ни поступил.

Однажды ночью Олаф лежал в своей постели и долго не мог уснуть, думая о том, на что же ему решиться. На душе у него было очень беспокойно. Наконец он заснул. Он увидел сон, но такой ясный, что ему казалось, будто он не спит, а видит все наяву. Он увидел у своей постели высокого благообразного мужа в богатых одеждах. Конунг подумал, что это Олаф сын Трюгтви (св. благ. король Олаф Трюгвасон - прим. составителя). Этот муж сказал ему: «Ты мучаешься и не знаешь, как поступить? Меня удивляет, что ты никак не можешь принять решение, а также, что ты собирался сложить с себя звание конунга, которое дано тебе от Бога или хотел остаться здесь и получить владения от иноземных конунгов, которых ты совсем не знаешь. Лучше возвращайся в свои владения, которые достались по наследству. Ты долго правил там с Божьей помощью и не позволял своим подданным запугивать себя. Слава конунга в том, чтобы побеждать своих недругов, и славная для него смерть — пасть вместе со своими людьми в битве. Или ты сомневаешься, что будешь сражаться за правое дело? Ты не должен обманывать себя. Поэтому ты можешь смело возвращаться в свою страну, и Бог даст тебе знамение, что она — твое владение».

Конунг проснулся, и ему показалось, что он видел тень уходящего человека. После этого сна его оставили все сомнения, и он твердо решил ехать обратно в Норвегию... Когда конунг объявил о своем решении своим людям, те были ему очень благодарны»...

Итак, в начале 1030 года св. король Олаф отправился в Норвегию по замерзшим российским рекам. Когда на море сошел лёд, он отплыл в Готланд с 240 дружинниками. Шведский король Эмунд дал ему еще 480 человек. В Норвегии к нему присоединились сторонники, и у него стало 3600 человек против 14400 армии короля

Кнута — самой большой армии, когда-либо собранной в Норвегии. Тогда, подобно Гедону, король Олаф решил сократить свою армию еще более, исключив из нее всех некрещеных, так что у него осталось всего лишь 1300 человек...

Конунг двинул свое войско к Ставу. Подойдя к болотам у Става, он остановился. Здесь ему точно стало известно, что бонды идут с войском против него и что скоро ему придется сразиться с ними. Конунг сделал смотр своему войску, и люди были подсчитаны. Девять сотен человек оказались язычниками. Узнав об этом, конунг велел им креститься. Он сказал, что не хочет, чтобы в его войске сражались язычники.

«Нам нельзя, — сказал он, — рассчитывать на то, что у нас больше войска, мы должны возложить все наши надежды на Бога, ибо его сила и милосердие должны принести нам победу, и я не хочу, чтобы язычники сражались вместе с моими людьми».

Когда язычники услышали об этом, они посовещались, и четыре сотни человек решили креститься, а пять сотен отвергли крещение и повернули обратно в свои земли...

«Сага» говорит, что в день битвы «погода была хорошая и светило солнце. Но когда началось сражение, то и небо, и солнце побагровели, а потом вдруг стало темно, как ночью». В «Саге» битва при Стикластадире датируется 29 июля. По данным современной астрономии полное затмение солнца имело место 30 июля 1030 года. Войско бондов сражалось с кличем: «Вперед, вперед, войско бондов!», а люди св. Олафа — с кличем: «Вперед, вперед, люди Христа, люди Креста, люди конунга!»

Св. Олаф погиб так: «Торстейн Корабельный Мастер нанес Олафу удар секирой. Удар пришелся по левой ноге выше колена.

Финн сын Арни тотчас сразил Торстейна. Получив эту рану, конунг оперся о камень, выпустил меч и обратился к Богу с мольбой о помощи. Тогда Торир Собака нанес ему удар копьём, удар пришелся ниже кольчуги, и копьё вонзилось в живот. Тут Кальв нанес конунгу удар мечом, удар пришелся с левой стороны шеи. От этих трех ран конунг умер. После его гибели пали почти все, кто сражался рядом с ним». Когда конунг Олаф Святой погиб, ему было тридцать пять лет, как говорит священник Ари Мудрый. Он сражался в двадцати больших битвах...»

«Из песчаного холма, где был сначала похоронен Олаф конунг, забил чудесный родник. Водой из этого источника многие излечились от своих недугов. Этот источник огородили, и воду из него бережно охраняют с тех пор. Сначала там построили часовню, а на том месте, где лежало тело конунга, поставили алтарь. Теперь на этом месте стоит церковь Христа...

Сын св. Олафа Магнус остался в России при дворе благоверного великого князя Ярослава Мудрого. В «Саге Гнилая Кожа» («Гнилой Пергамент») утверждается, что решение оставить Магнуса у Ярослава было вызвано настоятельной просьбой жены Ярослава Ингигерд (будущей св. Анной Новгородской).

После гибели св. Олафа князь Ярослав стал притеснять всех без разбора норвежцев, оказавшихся на территории Руси, в частности купцов, не давая им вести торговлю. Князь Ярослав поступал так, потому что считал, что все норвежцы изменили своему королю и виновны в его гибели. Между тем Магнус и его приближенные (а также гонцы от дружественных людей из Норвегии) обдумывали план свержения датского ига и возвращения короны законному ее наследнику — принцу Магнусу.

Магнус вступил в борьбу за власть в своей стране, победил и стал королем Норвегии.

После гибели Олава в битве с бондами у Стиклестада 29 июля 1030 года были отмечены многочисленные случаи чудотворения от его святых мощей, которые оказались нетленными.

Прославление Олафа в лике святых состоялось 3 августа 1031 году (память 29 июля). «Многие тогда стали взывать к нему в своих молитвах, прося помочь в их нуждах, - говорится в саге об Олафе Святом. - Такие молитвы помогали многим: одни получали исцеление от недуга, другие - удачу в путешествии или что-нибудь еще, в чем они нуждались».

Из песчаного холма, где был сначала похоронен конунг, забил святой источник, водой из которого люди излечивались от своих недугов. Его могила под спудом в соборе города Нидарос (ныне Тронхейм) стала одним из крупнейших центров средневекового паломничества. В его честь воздвигали храмы по всей Скандинавии и Балтии.

В местечке Stiklestad, на месте его последнего сражения, всю неделю перед празднеством продолжается костюмированный фестиваль, посвященный жизни и деяниям норвежского короля.

За многие сотни лет выработалась определенная атрибутика изображения Олава: бородатый воин с короной, правой рукой он держит алебарду (топор на длинном древке), а левой – либо сосуд с ладаном, либо символ власти – державу. В ногах его лежит дракон с человеческой головой, символизирующий язычников, будущих христиан. Святой Олаф является последним по времени западным святым, почитаемым также и на христианском Востоке.

В России во имя святого Олафа были освящены храмы в Новгороде (где он жил несколько лет) и Старой Ладого. 16 декабря 2004 года в посольстве Королевства Норвегии по инициативе Чрезвычайного и полномочного посла Норвегии в России Ойвинда Нордслеттена состоялся Чин освящения новонаписанной иконы святого благоверного Олафа, Небесного покровителя Норвегии. Освящение образа совершил архимандрит Марк (Головков), заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Икона святого Олафа была написана в мастерской Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иконописцем В. Федоровым на основании исторических сведений о жизни норвежского конунга. Теперь она заняла почетное место в парадной зале норвежского Посольства.

В самой же Норвегии благочестивые люди чтут память этого святого короля. Служатся мессы для паломников, проводятся концерты и представления в средневековом духе, открыты выставки в музеях, посвященные событию.

Один из главных отличительных особенностей праздника - представление, которое воспроизводит жизнь и дела Олафа: The Saint Olav Drama. Оно собирает тысячи зрителей каждый год и признана самым длинным представлением на открытом воздухе в Норвегии. Всю неделю открыт огромный средневековый рынок, где гости могут найти подлинные костюмы и драгоценности эпохи и принять участие в постановках.

Глава 12. Христианство в Польше и Восточной Пруссии. Миссия священномученика Войцеха

Поляки или ранее ляхи (Polen, Lechen) — было с X-го века общим именем для славян, живших по Висле. Христианство проникало в районы, входящие в нынешнюю Польшу, с трех сторон: с юго-запада — из Моравского княжества, с запада — из Германской империи, и с востока — из Киевской Руси.

До объединения в Центральной Европе отдельных славянских племен в единое Польское государство под властью Мешко I (Мечислава) здесь существовали небольшие княжества (например, Вислян, Полян), куда христианство проникало в разное время. Так, в IX столетии оно пришло в княжество Вислян. Начало благовестил христианской веры на этой территории связывается с просветительной деятельностью апостолов-славян святых братьев Кирилла и Мефодия.

Как мы помним, с миссионерской целью в 863 г. они прибыли из Константинополя в Моравию. Утверждая христианство в Моравии посредством перевода священных и богослужебных книг на славянский язык, святые братья направили слово благовестия в соседние славянские страны. Эта деятельность особенно усилилась с того дня, когда святой Мефодий был поставлен архиепископом всей Великой Моравии. Естественно, что польские земли как сопредельные Великой Моравии были одними из первых, на которые должна была обратиться спасительная миссия сего святого мужа. Со времени же расширения Велико-Моравского княжества при Святополке (870—894), когда в его состав вошли коренные польские районы—Силезия,

Краков, Малая Польша и следовательно сделались частью Велеградской или, как иногда называют славянские историки, «Мефодиевской» епархии, влияние святого Мефодия стало здесь непосредственным и постоянным.

Необходимо отметить, что позднейшие польские исследователи не отрицают, что миссионерская деятельность святых братьев и затем их учеников, если не прямо, то косвенно, но простиралась на польские земли. Вопрос ставится лишь о том, что конкретно принесла эта деятельность и насколько твердо упрочен был здесь славянский церковный обряд. Решить это в какой-то мере помогают проводимые в последнее время археологические работы, и прежде всего в районе Кракова. Памятники прошлого свидетельствуют, что в XII веке в городе Кракове и его окрестностях еще сохранялся древний славянский обряд. Одним из таких памятников служит храм святого Креста «на Клепаре», построенный в византийском стиле еще до крещения князя Мешко I. Согласно свидетельству летописца Чарницкого, приведенному в холмском греко-униатском месяцеслове на 1866 год, в этом храме еще в XIII столетии совершались богослужения на славянском языке.

Когда в 908 году Моравское государство пало под оружием венгров, многие христиане покинули родные края и бежали в Польшу. Таким образом, они становились миссионерами того обряда, который был принят ими от славянских первоучителей. Как говорит архиепископ Херсонский Иннокентий, некоторые из моравских христиан избрали для своего пребывания места самые глухие и уединенные и начали проводить жизнь пустынную. Судя по сему, это должны быть монахи. Таким образом, самые неприступные для обыкновенных проповедников места Польши начали озаряться светом

веры, тем более благоприятным для слабого зрения бедных язычников, что он являлся не с блеском и громом оружия, как за сто лет на Эльбе, по распоряжению Карла Великого, а в тихом отражении нравов христианских, в жизни богоугодной и делах милосердия.

Другие из христиан-пришельцев пошли в новом отечестве своим другим путем: отличаясь успехами в промыслах, торговле и воинских делах, они обратили на себя всеобщее внимание и получили доступ к самому двору княжескому.

Ко времени крещения Руси в 988 году в состав Киевского княжества входили и земли по западной стороне Буга, заселенные славянами в таких известных городах (ныне польские), как Холм, Перемышль и др. В этих краях христианство усиливало свое влияние одновременно с распространением его в других частях Руси. Ясно, что оно было восточного направления.

Из древних летописей известно, что в 968-ом г. основано епископство в Познани. Однако народ в душе оставался языческим. Много потрудился над христианизацией своего народа Болеслав I Храбрый (992-1025). Ему помогал немецкий император Оттон III. Болеслав I устроил архиепископию в Гнездне (Gnesen), куда перенес мощи миссионера, святого Войцеха, о котором мы подробно расскажем ниже.

Часть Польши входила в обширную епархию св. Мефодия. В 965—966 гг. польский король Мечислав женился на христианке Домбровке, сестре Болеслава I, чешского, которая расположила к христианству своего супруга. Он был крещен в 966-ом г. вместе со многими знатными лицами, богемским пресвитером Богувидом (Bohuwid). По всей видимости, само таинство крещения произошло не в Польше, а в Баварии.

В ту же пору государь приказал отбирать от народа идолов и бросать их в реку. Позднее же он признал власть папы. С того времени, то есть конца X и начала XI-го века, Польша входит в тесные сношения с папою и совершает богослужение на латинском языке.

Как и во многих других случаях, например при крещении Руси, посредственным толчком к провозглашению христианства государственной религией в Польше послужили политические обстоятельства (в частности борьба за Западное Поморье и столкновение с угрозой немецкой политико-религиозной экспансии). Поэтому мудрый, но неуравновешенный Мешко I стремился обрести союзника в лице чешских правителей и встать на равную ногу в политических и дипломатических отношениях с немецким государством. Перед польским правителем встала сложная двоякая задача: внедрить христианство в практику каждодневной жизни и в сознание польского общества; обеспечить возникшей национальной церкви независимость от немецкой иерархии.

Последняя потребность была особенно настоятельной, ибо Польша в качестве поля деятельности христианских миссионеров должна бы попасть в церковно-административную зависимость от Магдебургской архиепископии. Первым польским монархам удалось, однако, избежать этого: сначала в Польше духовенство возглавлял епископ Иордан из Чехии (итальянец по происхождению), позднее, в 1000 г., была создана подчиненная непосредственно Риму Познанская архиепископия во главе с владыкой Гаудентьем, представителем чешской аристократии и чехом по крови.

Сеть приходов сложилась, разумеется, далеко не сразу, изначально главными оплотами христианства становились монастыри, которые обращали в новую веру местное население и становились

центрами подготовки польского духовенства. Польские же епископы, видимо, долгое время оставались «генералами без армии» а сама церковь — фактической частью государственного аппарата, полностью зависимо от князя.

Только в XII в., после распространения на Польшу реформ знаменитого папы Григория VII, духовенство приобрело сословные привилегии и придававшие церкви независимость от государства.

Христианизация основной массы населения, действительно, была делом не одного десятилетия и, может быть, не одного столетия. Даже в дружинно- княжеской среде христианские нормы и верования утвердились далеко не сразу. Сам Мешко I после смерти Дубравы женился на монахине; Болеслав Храбрый был женат много раз и содержал наложниц; при нем за мясоедение во время поста выбивали зубы; сами церкви первоначально были очень маленькими и могли вместить во время богослужения лишь представителей элиты. Даже такие фундаментальные для христианства обряды, как крещение, венчание и погребение, исполнялись очень нерегулярно, детей если и крестили, то делали это через несколько лет после их рождения; покойников продолжали сжигать, в могилы клали предметы быта и пр. Сами священники мало чем отличались от своих прихожан: очень часто были неграмотны, пахали и охотились наравне с крестьянами. Епископская власть оставалась номинальной, христианизация вплоть до XII в. являлась заботой государства.

Вместе с тем процесс преобразования религиозных обычаев и норм поведения шел, народная языческая культура вытеснялась христианской, новая вера сплавлялась со старыми суевериями, годовой цикл христианских праздников и постов совершался со все большей регулярностью, Словом, в X—XII вв. польская культура

переживала процесс глубокой внутренней трансформации, становясь частью западного христианства.

Стоит сугубо отметить, что важную роль в деле духовно-нравственного просвещения польского и чешского народов внес святой Войцех, посвятивший сему всю свою жизнь вплоть до мученической смерти. Ныне этого угодника Божьего почитают своим покровителем многие христиане, живущие не только в современной Речи Посполитой, но и в Чехии, а также и в Калининградской области, самом западном регионе святой Руси.

Войцех Адальберт - это святой рубежа тысячелетия. Он стал главной фигурой, ведущей Церковь и народы Европы во второе тысячелетие. Конец первого тысячелетия - это время контрастов, варварства, слабости Церкви. Это трагичнейший век христианства, называемый темным веком, это время нравственного упадка светских и религиозных иерархов, время потери надежды, время многочисленных войн, битв и разбоя. Потому-то священномученик Войцех быстро стал символом надежды для людей в трудные времена для Православия. Была большая потребность в примере мудрого, толкового и великого человека, который в то же время обладал бы очень высокими нравственными и этическими достоинствами, не отступал перед жизненными трудностями, пример человека бескомпромиссного. Войцех Адальберт - это человек, живший во второй половине X века. Хотя его убили так давно, 1000 лет тому назад, однако и сегодня это личность, широко известная и ценимая во всей европейской культуре

Особенно чтут его в тех многочисленных странах, которые дано было ему посетить в разные периоды короткой, но богатой жизни.

Пример святого Войцеха Адальберта актуален на протяжении всей христианской истории. При жизни он имел корни в славянской культуре, черпая из наследия святых Кирилла и Мефодия; не чужды ему также и латинская, и византийская, и немецкая культура. В последнее время он становится покровителем современной Европы, принимая во внимание его связь со многими странами и живым почитанием у разных народов. В третьем тысячелетии эта личность вновь напоминает о себе.

Св. Войцех Адальберт был чехом. Однако его национальность не следует понимать в сегодняшнем значении этого слова. Мы можем повторить вслед за ним, когда спрошенный пруссами, кем он есть, отвечает: «я- славянин». Называя его сегодня чехом, будем помнить, что в то время не было четкого национального чувства. Большое значение имело чувство принадлежности к большой славянской семье, чем к пока еще формирующейся нации. Так ныне, говоря современным языком, мы можем сказать, что он был европейцем. Итак, он славянин из знатного чешского рода, священник, епископ, человек еще неразделенной Церкви, защитник бедных и обиженных, монах, паломник, друг властителей тогдашней Европы, мученик и апостол. Он в своей жизни воплотил многие грани духовного подвига, что позволило ему стать великим и знаменитым святым.

Войцех родился в 956 году в красивом городе Либице, в формирующемся чешском государстве, в роду Славников. Это было довольно большое княжество, протянувшееся в юго-восточной и восточной части Чехии, на восток от Праги, в бассейне реки Лабь (Эльбы). Войцех появился на свет в очень богатой семье. По словам его биографа: «Отец его ...муж знатный и могущественный, богатства у него были несметные, поместья обширные. В изобилии

имел он блага земные, владея толпой подданных, множеством шумной челяди, домом, полным серебра и золота». Итак, отец Войцеха был очень богатым и влиятельным человеком.

Он играл очень важную роль во всем тамошнем регионе. Он состоял в родстве с саксонской династией. К сожалению, образцом нравственности и веры он не являлся, позволял себе, как и другие, недавно окрещенные чешские правители, жить еще по языческим обычаям. Он не мог привыкнуть к тому, что христианин должен оставаться верным одной жене, руководствоваться принципами любви к ближнему, забыть о старых обычаях и предрассудках, устраивать дела силой и коварством. Однако порой он мог быть благородным и милосердным. О целомудрии не заботился, зато щедро помогал убогим.

Другие принципы и идеалы исповедывала матушка святого Войцеха. Она также происходила из знатного славянского рода, отличалась добродетельной жизнью и подлинным благородством. В отличие от мужа она жила настоящей христианской жизнью и являла благий пример для своих детей. По словам древнего автора: «Это ...женщина праведная, щедрая на подаяния: свою веру она подтверждала делами, благородству рода своего прекрасное давая подтверждение. Она отличалась почтенными нравами, слушая слова житий святых, все больше их жаждала; но, как повествует житие святого Войцеха, её, «не привлекали ... ни роскошь матрон, ни золото и драгоценные камни, поскольку она очень слабо испила то, что глупцы почитают за самое важное...; она была выдержана в постах, доверчиво разговаривала с Богом в молитве; была матерью грустному сироте, путнику и вдове - милейшей сестрой»

Вот в такой семье одним из младших среди семерых сыновей был Войцех. Во время Святого Крещения он получил имя, которое на славянском языке означает "радость воина, рыцаря". Из этого хорошо видно, что родителями он предназначался для военной рыцарской карьеры, в соответствии с обычаем, по которому родители после рождения ребенка планировали его будущее. Видя необычайную красоту и силу младенца, им казалось, что он принесет семье славу, будучи в рыцарском сословии.

Однако вскоре ребенок очень тяжело заболел. Сильная горячка, пылающее лицо и немощь врачей заставляли предположить, что он смертельно болен. Родители переживали, были готовы на все, лишь бы только спасти сына от смерти. Потому и решили отдать его Богу, просили чуда, посвящая Войцеха на служение Богу.

С умирающим ребенком родители поспешили в церковь. Там они положили младенца на алтарь (в ту пору алтарь не был отделен от основной части храма иконостасом, и движимые глубоким чувством доверия к Богу Всемогущему, христиане порою часто заходили туда, куда позже стало возможным входить только клирикам) и горячо молились о его выздоровлении. Молились они о заступничестве Пресвятой Матери. У ребенка сразу же прошли боли, лицо разъяснилось, спала горячка.

Родители стали свидетелями чуда выздоровления. Благодарные Богу и Пресвятой Матери, возвратились они домой с совершенно здоровым Войцехом.

Через несколько лет в усадьбе родителей святого Войцеха остановился епископ Магдебургский Адальберт. Некоторое время он гостил в доме Славников. Тогда же владыка совершил над молодым Войцехом Таинство Миропомзания, которое по сложившей в

западных странах традиции совершали над отроками, способными осмысленно воспринимать христианское вероучение. Увидев благочестие и смысленность Войцеха, епископ согласился в будущем принять его в миссионерскую школу в Магдебурге.

Мальчик еще в детстве проявлял большие умственные способности. Его рано отдали в школу, которую вели местные священнослужители, детском возрасте он выучил наизусть всю Псалтирь. Когда Войцех достиг юношеского возраста, его вера становилась все более зрелой к часто подтверждалась поступками. Желая избежать человеческих похвал за них, он по начал обходил убогих, слабых и незрячих, неся каждому сердечное утешение в зависимости от их страданий.

Чтобы стать священником, нужно было пройти соответствующее обучение. Вспомнив обещание епископа из Магдебурга, Войцех отправляется в кафедральную школу и готовится к принятию сана. Это школа, готовящая молодых людей, в основном для духовной работы в славянских странах, которые не так давно приняли христианство, но сами не были в состоянии хорошо подготовить для себя достойных священнослужителей.

Официальным языком общения тоже была латынь. Руководил школой известный в то время во всей Европе философ Октрик. Он и принял Войцеха в свою школу.

В это же время 16-летний Войцех отправился к другу семьи епископу Адальберту. От него он вторично принял миропомазание, возможно, забыв, что это таинство он получил еще в детстве из рук того же епископа. Теперь при миропомазании он принял имя Адальберт. Именно под ним именем Войцеха и по сей день знают в неславянских странах.

Время пребывания в школе было временем интенсивной учебы, изучения языков, и в то же время это был период беззаботной молодости богатого студента. В школе быстро заметили необыкновенные способности молодого чеха.

К нему предъявлялись более высокие требования, чтобы молодой человек вынес отсюда как можно больше знаний и мудрости. Методы обучения и воспитания были разные; хотя студенты были взрослыми людьми, порой к ним применялись и телесные наказания. Окружение, в котором жил Войцех, находилось под влиянием очень строгого и требовательного архиепископа Адальберта. Вследствие этого требования к ученикам были завышены. Потому и удавалось поддерживать школу на очень высоком уровне, как нравственном, так и интеллектуальном.

Через девять лет возвращается Войцех на свою родную землю. С собой он привозит множество книг, что в Чехии еще была редкостью редкостью. В его духовном багаже девятилетний опыт контактов с умными людьми и науками. Наконец, он привозит свое видение церковной организации.

В Праге в то время, с 973 года, вновь созданной епархией управляет саксонский епископ Дитмар. Молодой священник из знатного рода остается в столице; быстро проявляет себя как человек чрезвычайно интеллигентный, высококультурный и хорошо образованный, активно участвует в религиозной, политической и культурной жизни столицы, живет в достатке и довольно беззаботно, уважаемый всеми и становящийся все более и более популярным.

На второй год пастырского служения Войцех становится свидетелем смерти епископа Праги. Эта смерть оказала огромное влияние на всех, кто присутствовал при ней, ибо владыка Дитмар

производил впечатление человека очень грешного, уходящего на осуждение. В своих последних словах он публично осуждает всю свою жизнь:

“О горе мне! Как я жил и как отличался от того, каким хотел бы быть сейчас! Горе мне несчастному! Напрасны дни мои и бесплодно любое сожаление обо мне! Я погиб! Где же теперь мои заслуги и преходящие богатства? О тело, идущее на гниение и корм червям, где теперь слава и красота брэнности твоей? Ты обманул меня, обманул, коварный мир, обещая мне почтенный возраст и вот как позорно мечом неожиданной смерти ты убил мою душу. И если моя личная нищета могла бы как-нибудь получить прощение у милосердного Бога, но вот грехи доверенного мне народа добавляются к этому безмерному убожеству. Роскошь и похоть выбрали они вместо заповедей, а я не сдержал их безумств, не смог удержать добровольно идущий на погибель народ, который до сих пор еще ничего не знает и не делает, кроме того, что записал в его сердце палец сатаны. Горе мне, что молчал! Это меня терзает и будет терзать вечно»

После этих слов благочестивый архиерей умер, оставив всех присутствовавших в великом ужасе. Так тяжело переживаемая смерть произвела огромное впечатление, особенно на очень молодого и помышляющего в тот час о духовной и светской карьере священника Войцеха Адальберта. После этих переживаний он решает изменить свое отношение к Богу и иначе смотреть на свое служение.

Он полагает начало покаянию своему. Надевает власяницу, посыпает голову пеплом и целую ночь ходит по церквам, молясь, по-видимому, за упокой души умершего епископа, но также поручая в молитвах к Богу свои дела и себя самого. Войцех одаривает бедняков щедрыми дарами, чтобы пожертвованием усилить свое покаяние.

Вскоре после смерти епископа князь собрал народ и знать, чтобы избрать нового главу пражской епархии. Недолго размышляли они, кому доверить пастырский жезл этой Христовой овчарни. Все присутствовавшие единогласно провозгласили: И кого же другого, как не земляк нашего, Войцеха, дела, благородство, богатства жизнь которого отвечают этому высокому сану Так Войцех становится первым славянским епископом в Праге.

Он немедленно проникается свалившейся на него большой ответственностью за развивающуюся в таких трудных условиях христианскую Церковь в Чехии, находящуюся в очень сложной политической обстановке и подверженную самым разным влияниям.

Народ Праги с радостью принимает нового епископа, хваля за это Бога благодаря за нового, избранного из их числа нового архипастыря. Во время своего служения святитель Войцех проповедовал Слово Божье жителям Праги и совершал **литургические богослужения, составленные святыми Кириллом и Мефодием**. Часто посещал тюрьмы, интересовался жизнью простых людей. Много раз он выкупал невольников. Находил он время и на физический труд в поле, например, во время посевной. Без усталости молился, ходил в разные церкви и там обращался с различными просьбами к Господу Богу. Часто целые ночи он проводил в молитве, охотно встречался с людьми, прислушивался к их заботам, помогал советом и добрым словом. Он очень переживал, когда был вынужден смотреть на дурные поступки людей.

Те, кто знал его раньше как человека беззаботного и радостного, теперь видели в нем сурового, требовательного к себе и другим аскета. Войцех Адальберт все чаще ощущал, что его не слушают, что решениям его сопротивляются многие влиятельные особы. Он видел,

что его распоряжения не выполняются, слова его пропускаются мимо ушей. Трудно было в такой ситуации духовно укреплять паству в Праге. И решает тогда епископ отправиться в Рим и спросить Папу, что он должен делать дальше.

Войцех Адальберт говорит Понтифику, что доверенная ему паства не хочет его слушать и пренебрегает его распоряжениями. Страна же погружается в несправедливость и злоупотребления грубой физической силой, закон же заменяется своеволием.

Папа, выслушав епископа, советует ему, чтобы он спасал от гибели свою душу и ушел в монастырь, оставив край, где его не хотят слушать. Такое предложение соответствовало настроению самого нашего епископа. Он раздает все свое имущество нищим, чтобы свободным от всего, что отягощает человека, отправиться туда, где не будут нужны никакие земные блага.

Перед вступлением в монастырь Войцех Адальберт вместе с сопровождающим его друзьями Радзимом и Гаудентом решает совершить паломничество в Иерусалим, чтобы посетить Гроб Господень. Находившаяся в Риме мать германского императора, узнав об этом намерении епископа, передает ему огромную сумму денег, которой должно хватить для такого далекого путешествия. Эти деньги Войцех Адальберт немедленно раздал убогим, не оставив себе ни динария. Своих слуг он отослал в Прагу, а сам с тремя иноками отправился пешком на юг в направлении Святой Земли.

Однако это путешествие не было слишком долгим, потому что вскоре паломники достигли Монте-Кассино, где живописно расположился бенедиктинский монастырь. Там их гостеприимно встретили и дали приют на несколько дней. Когда же они собрались двинуться в дальнейший путь, к ним пришел настоятель и стал

убеждать Войцеха Адальберта, что для него лучше поселиться в монастыре, чем совершать паломничество среди многочисленных приключений. Он предлагал епископу остаться среди братии и исполнять обязанности архипастыря, освящая новые церкви, делая тем самым монастырь независимым от местного епископа. Однако на это Войцех Адальберт не решается, хотя прерывает паломничество и остается в монастыре.

Молодой епископ отправляется за советом к благочестивому авве Нилу, игумену, живущему по уставу св. Василия Великого. Отец Нил не видит возможности дальнейшего пребывания епископа в его обители, хотя веру и покорность пришельца оценивает очень высоко. Старец предлагает ему отправиться в Рим, чтобы там начать монашескую жизнь с самых ее истоков под надзором хорошо известного и благородного игумена Льва. Рядом с таким великим учителем под его руководством начинающий жить в обители монах имеет все шансы поручить себя Богу. В монастыре Войцех много времени уделял молитве и чтению Святого Писания. Для братии он стал хорошим примером трудолюбия служения, молитвы и покорности. Охотно и часто исповедовался и питался Евхаристией. Все правила и уставы ордена бенедиктинцев он трактовал как Священный закон исполнял их до конца.

По отношению к себе стал очень требовательным и возложил на себя много строгостей ограничений. Войцех часто постился и по ночам вставал на молитву. Изолированный от проблем, которые остались в Праге, далекий от суетных дел он мог без остатка отдаваться Богу, находя в это счастье для себя и покой для своей впечатлительно души. Таковую-то жизнь вел Адальберт почти три с половиной года: с

весны 989 до осени 992 года. Это были счастливейшие годы в жизни нашего героя.

Народ Праги вспоминает о своем епископе. Епархия не может долго оставаться без пастыря. С этой целью представители властей и народа посоветовавшись с Майницким епископом, отправляют в дорогу друга Войцеха - Радлу, а также монаха Кристиана, брата чешского князя. Они получают задание предстать перед Папой, чтобы тот организовал возвращение епископа в рассказывшуюся Прагу.

Посланники предстают перед понтификом и от имени пражан обещают изменить поведение и возместить Войцеху моральный ущерб. Они присягают, что епископ будет достойно принят в стране, которая обещает измениться к лучшему. Папа созывает Синод, который после долгого обсуждения многих сомнений, а также расхождения во мнения его участников, решает, что епископ, даже против своей воли, должен вернуться к ожидающему его и обещающему исправиться народу Праги.

Войцех Адальберт, как всегда послушный воле старших решает подчиниться, вернувшись в покинутую овчарню.

Итак, епископ отправился в свою Прагу в компании посланных за ним Радлы и Кристиана. В Чехию они прибыли в воскресенье. Остановились в городе Пльзень. Там Войцех Адальберт, к своему разочарованию, увидел работавших и торговавших в Божий день горожан. Однако он ещё надеялся, что в Праге, рассказавшейся и ожидающей епископа, будет все иначе.

Когда процессия приблизилась к Праге, на встречу епископа вышли люди разных сословий и возраста, сокрушаясь и присягая, что исправятся. Они вышли встретить своего архипастыря,

возвращающегося к своему стаду. Епископ был принят с большой радостью и надеждой, что никогда уже их не покинет.

Войцех Адальберт вновь воссел в своей епископской столице, вновь стал проповедовать Слово Божье и совершать Евхаристию. С покорностью и терпением он призывал оставить грехи, изменить обычаи. В проповедях убеждал в необходимости делать добро и прощать врагов.

Случилось так, что одна женщина благородного происхождения была застигнута во время прелюбодеяния. За этот поступок её муж в соответствии с давними законами требовал для несчастной супруги смертного приговора. Грешница, спасаясь от мести мужа, просила епископа укрыть её в храме. Там женщина эта должна была каяться, чтобы искупить свой грех и спасти свою душу. Однако нашелся изменник, что указал местонахождение прелюбодейки. Разудалая компания вторглась на территорию церкви и там отрубила голову чешской матроне, осквернив храм пролитием крови. Такой поступок был прегрешением против церковного права. Епископ подвергает исполнителей убийства анафеме и церковным карам. Но те, кого это затронуло, принадлежали к самым влиятельным в Праге кругам. Они начали новую кампанию против иерарха.

Войцех Адальберт, видя бесплодность своего труда и больших усилий, враждебность многих людей, решает вновь, после двух лет своего второго пребывания, покинуть город, с радостью вспоминая свою спокойную жизнь в римской обители. Ранее он уже посылал чешских миссионеров в соседнюю Венгрию проповедовать Слово Божье и обращать соседний народ в истинную христианскую веру. Теперь, чувствуя себя нежеланным в Праге, он отправляется в Венгрию поддержать дело своих посланников.

Затем он спешит в Рим, где так хорошо себя чувствовал, живя в монастырской тиши. Вновь вступая в обитель в начале 995 года, он был с большой радостью встречен братией, а игумен сделал его своим заместителем. Молодой епископ вновь почувствовал себя хорошо и безопасно, имея возможность много времени проводить в молитве, чтении, упражнениях в покорности и исполнении обетов. Здесь он получил трагическое известие об гибели его братьев и разрушении родового гнезда. Четверо его братьев, хотя и укрылись в церкви, были убиты по приказу чешского правителя вместе со своими женами и детьми. Ничто уже не тянуло Войцеха Адальберта на родину.

Монастырь, который стал его домом, в то время был местом встреч великих и мудрых людей Рима и всей Европы. Здесь проходили встречи последователей Восточной традиции с последователями Западной. Сюда охотно приходили на долгие беседы наследники устава св. Василия, чтобы общаться с наследниками устава св. Венедикта. В этих беседах мог принимать участие и мудрый заместитель настоятеля.

В это время в Рим прибывает наследник императорского трона 16-летний Оттон III. Именно он решает, кого избрать новым Папой. После недавно умершего Иоанна XV третьего мая 996 года был избран очень молодой Григорий V. А двадцать первого мая этого же года в Риме проходит торжественная коронация Оттона III.

Именно этот император, несмотря на свой юный возраст, считался самым христианским из монархов того времени, человеком набожным и богобоязненным, ищущим контактов с людьми веры. В итоге он стал встречаться и подружился с Войцехом Адальбертом, который был прекрасным собеседником на темы богословия и философии.

Тем временем Папа Григорий V созывает Синод, чтобы лучше ориентироваться в текущих церковных делах. В Синоде участвует также Майницкий архиепископ Виллигий. Он в очередной раз напоминает, что Прага остается без архипастыря, и что Войцех Адальберт должен немедленно вернуться в свою епархию. Упомянутый архиепископ на этом не остановился, постоянно в письмах напоминая Папе об осиротевшей Праге.

В конце концов понтифик в очередной раз вызывает епископа Праги к себе и решает отправить его в Чехию. Войцех Адальберт объясняет Главе Церкви, что его пребывание в столице Чехии невозможно и бесполезно. Народ и князь так настроены по отношению к епископу, что дальнейшее сотрудничество не имеет смысла. Наверняка он информировал Папу, что семья его была вырезана князем, и тот теперь будет бояться гнева Войцеа Адальберта. Епископ говорит, что если бы в Праге хотели его слушать, то он с готовностью туда бы поехал и даже отдал свою жизнь за стадо свое. Он обратился к Понтифику с просьбой: раз не может и дальше оставаться в монастыре, пусть разрешат ему нести благую весть неверующим и не знающим Христа.

Григорий V соглашается с этим предложением и благословляет будущего миссионера. Однако он советует еще раз предложить пражанам свое присутствие; если они ответят отказом, тогда с чистой совестью Войцех Адальберт может отправиться в миссионерское путешествие в какую-либо из языческих стран.

Летом 996 года Войцех вместе с епископом Ноткером отправляется через Альпы на север. Через два месяца он достигает митрополии в Майнце, желая, по всей вероятности, урегулировать все дела с архиепископом. Затем он совершает паломничество на запад,

ибо решает посетить могилы кельтских святых во Франции. Пешком он идет в Тур, чтобы помолиться у гроба святителя Мартина, одного из популярнейших святых Средневековья, покровителя бедняков, отца грешников - где толпы людей просили у него особой милости. Отсюда он направляется в Париж, в Сен- Дени, к гробу св. Дионисия Ареопагита - афинского философа, который посвятил себя миссионерскому труду на территории Франции и по обету принял мученическую смерть за Иисуса Христа. Затем он совершает паломничество к гробу другого великого святого - Бенедикта в Флери. Место это славится особыми милостями, и его охотно посещают набожные паломники. Там и наш паломник, епископ-бенедиктинец, отдает честь своему великому учителю Бенедикту и молится у его мощей.

Он вновь возвращается в Майнц и застаёт там императора вместе со всем его двором. Встретив своего друга, он остается с ним довольно долго. Будучи близок к императору, Войцех Адальберт становится неразлучным соучастником всех начинаний молодого монарха. В это время опытный епископ и монах дает много практических советов молодому, еще не очень опытному в житейских вопросах, государю. Он объяснял, что императорский трон, данный Богом, не является чем-то великим, особенно перед лицом смерти. Тело же и императора, и простого человека после смерти обратится в прах. Оттоний III покорно принимает все замечания и охотно вслушивается в рассказы мудрого и смиренного друга.

Святитель Войцех никогда не забывал, что главным его призванием и жизненной задачей является служение Богу. Во все время пребывания среди императорского двора в Майнце, еженощно

он тайком от людей чистил обувь всех участников свиты, начиная от лакеев и кончая сапогами главного придворного.

Как-то ночью он увидел дивный сон. Приснилось ему приготовленное в доме старшего брата Собеслава два ложа, одно ложе для братьев, а другое, более высокое и красиво украшенное пурпурным цветом мученичества, для себя. Сон этот воспринялся как пророчество мученической смерти, что очень порадовало нашего героя. Следует трогательное прощание друзей, императора и епископа, которые в земной жизни никогда уже более не увидятся. Войцех Адальберт, отправив пражанам письмо, в котором предлагает свое возвращение в Прагу и, не надеясь на положительную реакцию, отправляется к польскому князю Болеславу Храброму, чтобы там ждать ответ от своих соплеменников и готовиться к миссионерскому труду.

Об этом государе, сыгравшем в жизни святого миссионера особую, следует упомянуть отдельно. Польский монарх Болеслав I Храбрый (967 - 1025) недаром получил свое прозвище. Слово "храбрый" в старопольском языке означало "доблестный, мужественный". Но Болеслав был не только решительным военачальником и отважным королем, а также очень ловким, рассудительным и последовательным политиком. Во время его правления Польша значительно расширила свою территорию, как путем завоеваний новых земель, так и путем мирных договоров.

Болеслав - старший сын Мешко I и его первой жены Дубравы (той самой благочестивой принцессы, которая способствовала обращению своего супруга и всего польского народа к вере Христовой), в малолетнем возрасте был отдан отцом германскому императору Оттону II как заложник и поручитель лояльности Мешко.

Именно при императорском дворе Болеслав, не взирая на свое положение и постоянно грозящую жизни опасность, постигал премудрости государственного правления. Там он столкнулся с так называемой большой политикой, встретился с выдающимися учеными, а с молодыми немецкими аристократами, установил дружеские отношения. Эта дружба оказалась очень важной, когда Болеслав стал польским королем. При дворе германского императора Болеслав провел несколько лет.

Правлению Болеслава Храброго сопутствовали беспрестанные войны и вооруженные столкновения. Это был период, показавший также, что польский правитель очень искусно вел внешнюю политику. Очередными шагом Болеслава стало расширение своего влияния на Западном Поморье. Увеличив площадь государства и, практически силой, обратив в христианство всё население земель, вошедших в его территорию, принятое его отцом, Мешко I в 966 г., Болеслав Храбрый подготовил себе почву для коронации. Церемония возложения короны состоялась в 1025 г., венчая не только голову Болеслава Храброго, но и дело, которому он посвятил всю свою жизнь. 17 июня того же года первый король Польши скончался, назначив престолонаследником сына - Мешко II.

В Гнезно, резиденцию польского князя, Войцех Адальберт пребывает скорее всего в начале января 997 года. Вероятно, он встречается со своим старшим братом Собеславом, постоянно находящимся рядом с Храбрым. Здесь он получает известие из Праги, что там его не ждут. Он с радостью получает это сообщение. Может быть, исполнится мечта о мученической кончине.

С этого момента он считает себя свободным от обязанностей пастыря в Чехии. Он начинает интенсивно готовиться к

миссионерству. Вначале рассматривает два возможных для него места. Первое - страна лютиков - велетов между Эльбой и Одером. Второе - страна пруссов.

Видимо князь Болеслав Храбрый высказался за вторую версию. Пруссия была ближе и лучше знакома князю, который организовывал миссионерскую поездку. Дело в том, что уже давно государь собирался расширить свои владения за счет знаменитого янтарного края, который мог бы значительно обогатить казну. Обращение пруссов в христианскую веру означало бы расширение влияния молодого польского государства и принесло бы мир на беспокойные границы. Это был бы большой успех Болеслава в глазах международного мнения, когда обращение в христианство считалось наивысшим политическим достижением.

У князя Болеслава, скорее всего, уже были среди пруссов свои люди, и им он поручил подготовку похода Войцеха Адальберта в самой Пруссии. Сам же наверняка позаботился составить маршрут движения миссионера, организовать переводчиков и встречи в янтарном крае.

Попасть туда быстрее всего можно было так называемым янтарным путем, известным еще с античных времен. Однако решили выбрать путь через Гданьск. Может быть, из-за того, что сухопутный маршрут к отдаленному месту мог быть опасным, зато между Гданьском и Самбией существовали довольно тесные контакты, поскольку это были хорошо развитые торговые и портовые центры, расположенные довольно близко друг от друга. Частый обмен товарами позволял заводить знакомства и дружественные связи, учиться необходимому для общения языку и находиться в центрах этих культур. Водным путем по Балтийскому морю можно было очень

быстро и довольно безопасно достичь Самбии, то той территории, которая ныне является самым западным краем России. Возможно, в Гданьске была резиденция представителей Болеслава Храброго по вопросам контактов с пруссами, обеспечивающего покой в этом портовом и пограничном морском городе.

Именно в такой Гданьск прибывает Войцех Адальберт, скорее всего, во второй половине марта 997 года. Может быть, следующие две недели наш епископ посвятил интенсивной подготовке к поездке, сбору информации, беседам с пруссами, находящимися в Гданьске. Он ищет хорошего переводчика и готовит его к переводу религиозных текстов. Он пытается изучать прусский язык. Может быть, он посылает в Самбию известие о своем прибытии и просит, чтобы его выслушали на вече, собрании вольных пруссов, на котором принимаются важнейшие для всего племени решения.

Довольно трудно представить, чтобы Войцех отправился в незнакомую, хотя и близко расположенную страну, безо всякой подготовки. Хочется верить, что это путешествие рассматривалось как очень серьезная миссия, имеющая очень большое значение для Церкви.

По указанию князя Болеслава Войцех Адальберт получает большую ладью с тридцатью воинами и вместе со своими товарищами миссионерами - священником Богушей-Бенедиктом и сводным братом Радзимом плывет по морю на восток. Богуша-Бенедикт, архидиакон, был одновременно и переводчиком. Морское путешествие продолжалось несколько дней. После немногих дней плавания приносит их морская волна к земле пруссов, не знавших Бога. Гребцы же быстро высаживают на сушу святой груз и под прикрытием ночи безопасно трогаются в обратный путь.

Миссионеры, в соответствии с их собственным желанием, остаются сами без охраны и без оружия. Свою миссию они почитают сугубо мирной. Они приносят сюда добро, Слово Божье и мир. Войцех Адальберт хотел изменить приемы обращения язычников. Он хотел вернуться к первоначальному способу евангелизации словом и обучением. А тем временем в Европе крестили людей прежде всего при помощи меча и силы.

Точное место высадки миссионеров на сушу до настоящего времени не установлено. Существует много предположений, касающихся места этих событий. Наиболее известны, освящены традицией и почитанием два из них. Первое - Тенкиттен около Приморска в Калининградской области РФ, на территории бывшей Самбии у самого Балтийского моря, там, где начинается Балтийский полуостров. Второе - Святой Гай и историческое городище Трусо около Эльблонга в Польше, в бывшей Помезании, на озере Дружно, когда-то составлявшем единое целое с Вислинским заливом.

Продолжается спор ученых, но разрешить его, пожалуй, не удастся. Мы знаем лишь, что как одно, так и другое место связано с живым почитанием св. Воцеха Адальберта на протяжении столетий. То есть, места эти освящены молитвой и паломничеством, что, заставляет нас задуматься, а почему именно они овеяны славой мученичества Миссионера из Праги. И одно, и другое место имеют очень интересные обоснования, обоим посвящена богатая научная литература. К этому можно добавить археологические исследования, проводившиеся в Самбии в конце XIX века, а в Помезании - в последние годы.

Миссионеры оказались на небольшом островке. Может быть, дул попутный ветер, и они убралась раньше, чем намеревались. И вот

вступил божий рыцарь на небольшой клочок земли, который напоминал остров, ибо со всех сторон омывали его речные волны. Там они находились и несколько дней, а язычников вскоре настигла весть, что прибыли к ним гости из чужих краев, невиданной наружности и неслыханных обычаев.

Тот факт, что миссионеры спокойно ждали несколько дней, заставляет задуматься. Если Войцех Адальберт имел договоренность о встрече, которая должна была состояться во время вече и, следовательно, существовал конкретный срок его проведения.

Отсюда ожидание и незапланированная встреча с пруссами, которые случайно наткнулись на прищельцев. Это могла быть стража, охранявшая берега и границы. Похоже, между миссионерами и местными жителями состоялся какой-то диалог, и поэтому могли быть понятны и записаны в Житии следующие слова: «сначала неожиданно на небольшой лодке прибыла горстка людей. Они выскакивают на берег, бормоча что-то непонятное на варварском наречии; пылают страшным гневом и ищут прищельцев. Войцех держал перед собой Псалтирь, содержащую все необходимые слова, исходящие из уст Божиих, и всю жизнь и спасение человека. Подошел к нему один, наихудший из них, со злыми словами, высоко вознес мускулистые руки и веслом, которым управлял лодкой, со всей силы ударил меж лопаток епископа, погруженного в мысли о небесном "Если вы не уйдете,- сказал он,- тотчас же примете смерть, но сначала вас подвергнут жестоким пыткам".

Падает выбитая из рук книга, в другую сторону летит он сам, уткнувшись лицом в серую землю и целуя ее, напряженно размышляя и растянувшись во весь рост.

Может быть, миссионерам удалось объяснить, что их ожидают прусские вожди. По этой причине их не убили. Первая встреча с варварами оканчивается неудачей. Однако епископ не отчаивается, вознося слова благодарственной молитвы: «Благодарю Тебя, Господи, что хоть и не больше, но по крайней мере один удар заслужил я принять за Тебя».

Это случилось, по всей видимости, в пятницу, 16 апреля. К счастью, все успокоилось. Миссионеров забрали в дом хозяина селения, которое находилось на другом берегу. Там они в полной безопасности, никем не беспокоимые, прожили до вечера субботы. Может быть, этот хозяин деревни был человеком, с которым раньше, еще в Гданьске они договорились о встрече. Не исключено, что именно он и должен был подготовить возможность выступления епископа во время вече. К вечеру же хозяин селения отвел туда Войцеха Адальберта. Отовсюду собиралась чернь и с бешеным криком, под вой собак, ожидала, что хозяин этот с ним сотворит.

Видимо, этим субботним вечером, 17 апреля, пруссы созвали вече, во время которого хотели ознакомиться с делом странных пришельцев. В нем участвовали представители всех слоев общества - от самых высоких, до черни. Были и языческие жрецы. Атмосфера была напряженной. Простой парод, может быть, оттого, что испытывает страх, реагирует агрессивно. Безопасность пришельцев обеспечивает присутствие вождя язычников, с которым, может быть, было согласовано присутствие миссионеров.

Тогда святитель Адальберт, спрошенный, откуда родом и зачем прибыл сюда, так отвечал кротким голосом: "По происхождению я славянин, называюсь Адальбертом, по призванию монах. Когда-то был посвящен в епископы, теперь но долгу своему я ваш апостол.

Причиной нашего путешествия является ваше спасение, чтобы вы... познали своего Творца, который единый Бог и кроме Него нет других богов. Чтобы, веря в Его имя, вы имели Жизнь и заслужили в награду вечное небесное блаженство в райских куцах".

Слова святого спокойны и выверены, хотя и трудны для понимания и, возможно, он должен был дать дополнительные пояснения, что означают, например, понятия епископ, монах, спасение. Мы видим, что вече началось спокойно. Когда же последовали дальнейшие выяснения, наверняка местные языческие жрецы почувствовали для себя угрозу от новой религии, которая могла лишить их последователей.

Среди слушателей не было единогласия. Одни заинтересовались тем, что говорили пришельцы, другие заранее восприняли гостей враждебно. Раздавались поэтому крики, удары палок, впрочем, это могло быть и голосование по поводу дальнейшей судьбы епископа. Никто здесь не поднял рук на миссионеров. Жрецы, возможно, боясь угрозы со стороны незнакомой веры, высказывают ряд суеверных опасений.

Вече заканчивается, все ожидают решения вождей, которые выносят следующий вердикт: "Нас и всю эту страну, в разных концах которой мы проживаем, связывают общее право и один образ жизни. Вы же, которые руководствуетесь другим и незнакомым нам правом, должны этой же ночью покинуть нас, иначе завтра будете обезглавлены" Решение однозначно. Миссионеры должны были в эту же ночь покинуть негостеприимный народ. Им не причинили никакого вреда, поскольку они находились на правах гостей.

Их посадили в лодку и перевезли на другую сторону залива. Это произошло в ночь с 17 на 18 апреля 997 года. Они плыли по заливу, по

Балтике же возврат был невозможен, так как для этого потребовалось бы морское судно, а здесь речь ясно идет о лодке. Если же у лодки был парус, а ветер дул в попутную сторону, наши герои довольно быстро могли оказаться в любом месте на южной стороне залива. Не слишком ориентируясь на местности, они называли залив морем. Пришло время обдумать, почему с ними поступили именно так? Что в этой ситуации можно было предпринять?

Увидел Христов воин, что души не получают никакой пользы, и что тает надежда на желанную смерть, и упал духом. Охватила его великая грусть, а сердце его прониклось заботами. И сказал он братьям: "Под напором сильного противодействия, что мы можем предпринять? Не знаю, к кому обратиться? Наш внешний вид и наши одежды, как вижу, смущают язычников. Поэтому, если вы согласны, давайте переоденемся, отрастим длинные волосы, чтобы они свисали вниз. Не будем брить бороды. Может быть, не узанными нам легче будет нести дело спасения. Став похожими на них, мы можем в большей близости жить рядом и разговаривать с ними. Как и апостолы будем средств на свое содержание зарабатывать своими руками. Скрытые же в псалмах мысли будем обсуждать лишь в глубине души."

Итак, решение было принято. Изменить внешность, стать похожими на туземцев, может быть, выучить их язык - только так поддерживать нормальные контакты. Но чтобы отросли волосы и борода нужно время. Нужно он и для более тщательной подготовки к миссионерскому служению. Поэтому хватит сидеть на одном, притом опасном месте, надо трогаться путь, быстрее достичь Польши и там оставить епископские знаки различия, ценную литургическую утварь, одеяния. А может быть, поменять место апостольского служения,

отправиться лютикам, язык которых он знал, и поскольку его там еще никто не видел, мог ввести их в заблуждение своей новой одеждой и наружностью. Возвращаться ли к пруссам, отправляться ли к лютикам, но нельзя вновь совершать ошибок, которые не позволили достичь желаемой цели. Войцех Адальберт считает, что главной причиной провала был их внешний вид, так сильно отличающий их от пруссов.

Утром 23 апреля, миссионеры, как обычно, встали очень рано. Когда всходило солнце, они двинулись в дальнейший путь. Шли быстро, в пути пели псалмы, исполняя их в соответствии с часословом. Они дошли до третьего часа. Службу вел Гаудент. Для этих целей они нашли густые заросли, может быть, лесок, может быть, установили алтарь под деревом, а может использовали для этого какой-нибудь камень.

Войцех и Богуша принимают Святое Причастие. Может быть, все это происходило в прусском месте языческого поклонения, роще, в которую могли заходить только языческие жрецы для исполнения своих обрядов. Наши герои, не зная об этом, неумышленно совершают очень серьезный проступок. Пруссы же, увидев эта издали, немедленно побежали в город, известить жрецов о том, что святая роща осквернена.

Адальберт с братьями был очень голоден, с предыдущего вечера они ничего не ели, чтобы перед богослужением выдержать евхаристический пост. Они уже прошли много километров и очень устали. Потом (после службы), разложившись, они немного подкрепились, чтобы уставшие члены обрели бодрость, а окрепшие ноги могли без труда и быстро следовать по долгому пути.

Напомним, что наши путешественники несут с собой солидный багаж и провиант. Кроме того, Войцех одет в очень тяжелое одеяние епископа, которое резко отличает его от братьев.

Находящегося в городе жреца уведомляют, что в святой роще какие-то чужаки, а среди них один очень странно одетый человек, совершали какие-то свои обряды: размахивали руками, пели, кланялись и становились на колени. Таким образом, они осквернили место, на котором только жрец мог совершать жертвоприношения «ботам» и от имени соплеменников говорить с ними. Вес поняли, что такой поступок не может остаться без наказания, чтобы не вызвать гнев богов.

Жрец собирает вооруженных людей, чтобы расправиться с виновными. Они быстро устремляются к указанному месту. Миссионеров там уже нет, они двинулись дальше. Однако христиане не могли уйти далеко. Усталость была слишком велика, жаркое солнце ослабляло организм. Они спят на расстоянии полета стрелы от места, где молились, и не ожидают опасности.

В конце, когда все спали, сбежались разъяренные язычники, набросились на них и всех связали. Святой же Войцех Адальберт, стоя напротив Гаудента сказал: "Братья, не печальтесь! Знайте, что мы это терпим во имя Господа, чье совершенство превыше всех добродетелей, красота непревзойденная, сила несказанная, доброта необычайная. И что может быть мужественнее и прекраснее, чем отдать жизнь за возлюбленного Иисуса?"

Связанный епископ обращается к своим братьям, он отличается от них не только одеянием, но и тем, что в грозную минуту имеет большую отвагу возвышать свой голос. Это вызывает еще больший гнев в сердце языческого жреца. Он не вступает в диалог, не

спрашивает, кем являются пришельцы и чего они ищут. Виновные должны быть наказаны.

Жрец с огромным гневом наносит первый ритуальный удар Адальберту. И, изо всех сил размахивая огромным копьем, насквозь пробил его сердце. Поскольку был он жрецом идолопоклонников и главарем банды, первую рану нанес как бы по долгу службы. Затем сбежались остальные и, многократно ранив его, насытили свой гнев. Струится алая кровь из ран на боках, а он стоит, молясь и вознеся к небу очи и руки. Обильно хлещет пурпурный поток, а по извлечении копья открылись семь огромных ран. Войцех складывает освобожденные от пут руки в форме креста и шлет кроткую молитву Господу о спасении души своей и преследователей его. Так эта святая душа покидает свое узилище, как это благородное тело, распростертое в форме креста, берет землю в свое владение. Так, испустив дух из-за большой потери крови, в стране счастья наслаждается он, наконец, наидрагоценнейшим Христом!

Убит был лишь один из трех присутствовавших, ибо не трудно было выделить Войцеха Адальберта, как самого важного из этой троицы. Все его поведение провоцировало немедленную гневную реакцию. Потому-то Бенедикт и Гаудент, спокойно поддавшиеся воле нападавших на них и в то же время одетые куда более скромно, остаются живыми. Повторяется история их первого появления в Пруссии. Тогда тоже только епископа ударили веслом, братья же не получили никаких ударов.

Одного убийства было мало, оскорбленные и разгневанные пруссы решаются и после смерти мученика бесчестить тело убитого. К месту события прибегают и другие, которые также хотят участвовать в наказании того, кто нарушил покой прусского

жертвенника. Отовсюду сбежались жестокие язычники, с ненасыщенной еще яростью оторвали от тела благородную голову и отрубили бескровные члены. Тело оставили на месте, голову воткнули на кол и, прославляя преступление, вернулись с веселым шумом в свои жилища. Случилось это в пятницу, в полдень, в день святого Георгия, 23 апреля 997 года, в Пруссии.

Пруссы отсеченную голову насадили на высокий кол, где проторчала на колу три дня. Некий путешественник, Который проходил по этому краю, заметив Горчашую на колу голову, снял ее и положил в вой дорожный мешок. Видимо, сориентировавшись, кому она принадлежит, он решил отнести князю Болеславу Храброму. В Гнезно он рассказал обо всем, что произошло в Пруссии после смерти Войцеха Адальберта, и о том, что стало с его телом. В доказательство он передал Храброму снятую с кода голову. Князь с почтением взял ее, узнав своего друга-мученика. Путешественника, который принес голову, Болеслав одарил щедрыми подарками.

Болеславу Храброму очень важно было иметь тело мученика у себя. Поэтому он организует поход в Пруссию для поиска мощей. Был послан отряд с большим количеством золота. Воины короля без труда находят место, указанное человеком, который принес в Гнезно голову святого. Пруссы соглашаются отдать тело святителя Адальберта за цену такого количества золота, сколько оно весит. Посланники польского правителя не торгуются, платят названную цену, чтобы как можно скорее добраться с мощами до столицы в Гнезно.

Они отправляются в обратный путь. Трудностей не возникает, потому что идут они хорошо известным в то время "янтарным путем", ведущим из Самбии через Польшу до самого Рима. А тем временем государь Болеслав с целой свитой, с многочисленной группой

жителей Гнезно выступает на встречу мученика. Процессия с песнопениями заносит тело святою и базилику, построенную еще отцом Болеслава Храброго, Мешко Первым. Там в одной из часовен был подготовлен специальный гроб, в который с почестями во время усердной молитвы и положили тело мученика. Деяния святого Войцеха и его посмертная судьба были увековечены на главных дверях кафедрального собора в Гнезно. Бронзовые барельефы, представляющие сюжеты из жития святого Войцеха, украшают всю поверхность двустворчатых дверей и являются одним из ценнейших памятников средневековой культуры на территории Польши.

Всего через два года после смерти святого Войцеха Адалберта в Риме была подготовлена и проведена его канонизация. Для этих целей подготовили самые точные данные о жизни и смерти мученика. Святой Войцех Адалберт после смерти он очень быстро стал прославлен и известен во всей Европе. Он стал великим символом возрождающейся после трудного периода, и еще неразделенной, Церкви.

Войцех Адалберт, как и Христос Спаситель после Своего воскресения, оказывает влияние на огромную территорию Европы того времени. О святом миссионере говорят император и короли, ему молятся верующие. Первая церковная митрополия в Гнезно была основана в честь святого Войцеха Адалберта.

Для завершения нашего рассказа стоит сугубо отметить, что миссию святого Войцеха продолжил другой миссионер, святой Бруно Кверфуртский. Про него известно, что он родился вероятно, в 974 г. в семье саксонских дворян из Кверфурта (западнее Галле), находившейся в родстве с домом императора. Он был учеником при соборе в Магдебурге, затем каноником. Как придворный капеллан он

сопровождал императора Отто III в 996-997 г. в Рим, однако, в 998 г. удалился в качестве монаха в монастырь св. Алексея на Авентине в Риме и в 1001 г. как ученик Ромуальда в пустынь Переум близ Равенны. По соглашению с императором Генрихом II и герцогом Болеславом Польским он собрался отправиться миссионером на Восток, однако исполнению этого намерения помешала разразившаяся тем временем война между Генрихом II и Болеславом.

В 1003 г. он проповедовал в Трансильвании ("Черной Венгрии") в Семигорье, в 1004 г. был в Мерзбурге архиепископом Тагено из Магдебурга посвящен в епископы-миссионеры. В 1005 г. еще раз отправился с миссией к венграм. Ок. 1007 г. он отправился к печенегам (тюркский кочевой народ, селившийся тогда между Волгой и Уралом, севернее Каспийского моря). С 1008 г. он занимался в различных польских монастырях литературным трудом и миссионерством и принял за миссионерскую проповедь среди пруссов. Именно он был автором "Жития св. Адальберта (Войцеха)", а на переломе 1008/1009 г. написал также "Житие пяти братьев - мучеников".

Он претерпел в восточно-прусской провинции Зудауен близ Браунсберга ("Гора Бруна", восточнее Данцига) вместе с 18 сподвижниками мученическую смерть 09.03. (14.02) 1009 г. Бруно является одной из самых примечательных фигур в истории средневекового миссионерства. Как "Второй апостол пруссов" он пошел по стопам св. Адальберта Пражского. День памяти священномученика Бруно 9 марта (12 июля)

Для нашего повествования о благовестниках важно и то обстоятельство, что территория Восточной Пруссии всегда была местом поклонения св. Войцеху, и в последующие времена. Особенно

этот культ ожил в конце XIX века, в 900-летие смерти миссионера Пруссии. В честь святого были построены несколько христианских церквей. В Тенкиттен совершались паломничества, в том числе во время войны, вплоть до 1946 года. До 1947 года, то есть до того времени, когда на этой территории еще жили немцы, в Калининградской области действовали церкви св. Войцеха Адальберта.

После 1947 года, когда были выселены последние немецкие семьи, религиозная жизнь на этой земле замерла. Были закрыты все церкви. Прибывало население со всех уголков Советского Союза. Остались здесь и те, кого загнала сюда военная судьба.

Земля эта стала в соответствии с запланированной коммунистической верхушкой программой атеистической территорией. Религиозную жизнь изгнали из официального обихода. На территории, где теперь жили в подавляющем большинстве русские люди, не было ни одного прихода. Первый православный приход был зарегистрирован здесь лишь в 1985 году, во время перестройки. Однако это не значит, что религиозной жизнью Калининградской области с 1947 по 1985 г.г. не было совсем.

Еще в 1945 году несколько групп людей православного вероисповедания из Калининграда, Советска и Зеленоградска обратились к властям с просьбой разрешить открытие церкви. К сожалению, программа властей предусматривала создание атеистической области. Немногочисленные попытки организовать приход потерпели фиаско. Публично выражаемая религиозность была заметна только на кладбищах. Лишь 25 февраля 1985 года - через 40 лет после войны - местные власти позволили организовать общину православных верующих в Калининграде.

23 апреля 1985 года, то есть в очередную годовщину смерти св. Войцеха Адальберта, в Москве состоялось заседание Совета по делам религии при Совете Министров СССР, рассмотревшее вопрос по православной общине в Калининграде. Совет Министров разрешил зарегистрировать первый православный приход в Калининграде. Как пишет епископ Балтийский Пантелеймон из Русской Православной Церкви, с этого важного исторического документа началась официальная деятельность Православной Церкви на Калининградской земле.

Одним словом, мы можем сказать, что со дня св. Войцеха Адальберта в 1985 году начала официально существовать на территории Калининградской области Православная Церковь. Власти передали верующим разрушенное здание храма на Тенистой Аллее. Это была самая старая церковь в этих местах. Она построена в XIII веке и была сначала католической, а после Реформации евангелической (Juditten Kirche). Сегодня это самая старая в Калининградской области православная церковь.

Глава 13. Святые Иштван и Геллерт, просветители венгров

Процесс распространения христианской веры среди венгров осуществлялся в два этапа. Как и у других народов, на первом этапе благовестие осуществляли иноземные миссионеры (первая половина VIII — конец X в.), на втором (в XI в.) сам монарх и его окружение.

Началом христианизации можно считать ознакомление представителей родоплеменной верхушки мадьяр-венгров с византийскими миссионерами, действовавшими в Северном Причерноморье, где предки мадьяр обитали с VII в. приблизительно до 830 г. в составе племенного объединения онгуров. О деятельности византийских миссионеров среди предков венгров можно судить по списку епархий 733—746 гг., в котором упомянута миссионерская епархия онгуров — одна из семи епископий, подчиненных митрополиту города Дороса (совр. Мапгуп) в Крыму.

О контактах мадьяр с миссионерами Византийской империи во второй половине IX в., в частности о встрече Константина (Кирилла) Философа с отрядом мадьяр в Крыму недалеко от г. Херсонеса около 860 г., говорится в житии Константина, написанном во второй половине 885 г.

Как повествует одно из житий равноапостольных, Константин уговорил брата своего блаженного Мефодия, знавшего славянский язык, идти с ним на апостольское служение просветить неверных светом Христовой веры. Мефодий согласился, и они отправились вместе. Лежал им путь через степи, а в степях в это время жили Угры, нынешние венгры, или мадьяры. Согласно древнему летописцу, угры

были до того страшны, что даже мало походили на людей: одежду носили мехом вверх, хлеба не сеяли и жили разбоем. Когда святые братья остановились здесь для молитвы, на них напали Угры, которые были, как волки, желая растерзать их. Константин не испугался, не оставил своей молитвы и, взывая к Господу, часто повторял: — Господи, помилуй! По окончании молитвы Угры, увидав Константина, по божественному смирению стали кроткими и начали кланяться ему. Константин сказал им несколько поучительных слов, после чего Угры отпустили их в дорогу.

Исследователи согласны в том, что данные об «укрощении» варваров — стереотип, характерный для агиографии. По его наличие не препятствует предположению о достоверности свидетельства о контакте византийского миссионера с мадьярами. Рассматриваемый эпизод позволяет говорить о том, что мадьяры имели возможность знакомиться с христианством, пребывая в Крыму.

Ко времени прихода венгров в Среднее Подунавье и освоения его территории в конце IX — начале X в. относится свидетельство о контакте этого народа с миссионером Византии святым Мефодием (815—885). В его житии, написанном его учеником вскоре после смерти учителя, говорится о встрече Мефодия с предводителем мадьяр: «Когда же пришел в дунайские края король венгерский, он захотел увидеть [Мефодия], и хотя некоторые его предостерегали, что от короля ему не уйти без мучений, Мефодий пошел к нему. Король, как подобает повелителю, принял его честно и славно. Побеседовав с ним, он отпустил его, обласкав, с великими дарами и сказал ему: «Всегда поминай меня, честный отче, в святых молитвах твоих». Встречу датируют 882 г.

Одни ученые расценивают это свидетельство как достоверное, другие полагают, что в первоначальном тексте шла речь не о «венгерском короле», а о восточнофранкском императоре Карле III Толстом. Наиболее аргументированной в настоящее время является точка зрения, согласно которой в первоначальном тексте жития Мефодия говорилось о венгерском предводителе.

Известия о встречах Константина и Мефодия с мадьярами отражают явления единичные, но они позволяют высказать предположение общего характера относительно их встреч с византийским христианством. Одним из результатов общения мадьяр с византийцами было проникновение в мадьярскую руническую письменность знаков, являвшихся по происхождению греческими (два знака) и глаголическими (два знака) буквами.

Знакомство с миссионерами не привело к христианизации массы мадьяр, остававшейся языческой. Император Лев VI Мудрый (886—912) в написанной им в 904—912 гг. «Тактике» (основу ее текста составила «Тактика» Маврикия рубежа VI—VII вв.) противопоставлял мадьяр болгарам, ставшим христианами. О сохранении язычества и его пережитков свидетельствуют все известия о венграх X—XI вв.

Следующий этап христианизации (после знакомства с иноземными проповедниками) связан с развитием процесса социальной дифференциации в венгерском обществе и с включением в X в. Этого народа во внешнеполитическую жизнь Центральной и Юго-Восточной Европы. Первые попытки благоговения среди мадьяр предпринимали византийские императоры, осуществляя их в контексте византийско-мадьярских отношений.

Закономерным проявлением этой тенденции стала деятельность византийских миссионеров среди населения Среднего Подунавья. Она

распространялась не на народ — этнос, а на территорию мадьяр — «Туркию», которая была объявлена церковно- административной областью. Византийский летописец Скилица говорит о том, что венгерский князь Гилас (Дьола) увел с собой некоего известного своим благочестием монаха по имени Иерофей, которого Феофилакт [константинопольский патриарх в 933—956 гг.] поставил епископом Турции и который, прибыв туда [в Туркию], многих привел из варварского заблуждения в христианство.

По-видимому, что в этот период внешнеполитические факторы для принятия христианства у некоторых мадьярских вождей еще преобладали над внутренними: верность новой вере или отказ от нее определялись задачами внешней политики.

Можно предполагать, что активная миссионерская деятельность византийского духовенства продолжалась сравнительно недолго — около 15 лет (943—958), в течение которых мадьярские предводители сохраняли мирные, а возможно, и союзнические отношения с Византией. Они были прекращены в связи с изменением международного положения владений вождя союза племен, расселившихся в Среднем Подунавье, — «великого князя» Такшона, правившего приблизительно с 955 по 970 г.

В 951—955 гг. западноевропейские государи одержали решительные победы над войсками мадьяр, закрывшие их отрядам пути на запад, а вместе с тем — и источники обогащения за счет добычи и дани. О поражениях мадьярских войск стало известно Константину VII Багрянородному, посольство которого побывало у Оттона I зимой 955-56 годах.

Видимо, в 957 г., в последний год действия мирного договора 953 г., Византия прекратила уплату мадьярам ежегодной дани

(«даров»). Последовали разорительные набеги венгров на Фракию вплоть до Константинополя в конце 50-х — начале 60-х годов X в. Походы закончились разгромом мадьярских отрядов, но прежние отношения восстановлены не были, хотя набеги 963-909 гг. носили ограниченный характер.

Между тем внутреннее развитие мадьярского общества определялось стремлением его предводителей утверждать свою власть над массами перешедших к оседлости скотоводов и земледельцев, а также упрочивать свое положение среди независимых государств Европы. Важнейшим средством для достижения этих целей являлось принятие христианства; осуществлявшие свою власть над всей мадьярской этносоциальной общностью (а не над отдельными ее частями) правители принимали новую веру и распространяли христианство среди подвластного им населения в качестве единой государственной религии.

В 957 г., однако, император Константин прекратил выплату ежегодной дани венграм, возможно, под влиянием внешней политики немецкого государя Оттона I, который хотел подчинить венгров своей власти, сделать собственными вассалами. Отгону, по-видимому, удалось убедить легатов византийского императора Константина (956) в том, что мадьяры — отъявленные безбожники и Византия не может поэтому испытывать к ним никакой приязни.

Показательно, что во второй половине правления вождя союза племен Такшоня, набеги венгров на Византию резко участились. Верно также и то, что Такшонь неохотно следовал по пути, указанному ему Отгоном I. Он, в частности, согласился на продолжение христианской проповеди, но потребовал, чтобы присланный епископ, как и весь епископат, подчинялись

непосредственно Риму, что не входило в планы нового германского императора.

Обращение к Византии как церковному центру затруднялось не только в силу враждебных отношений с империей с конца 50-х годов X в., но и сознанием опасности оказаться в зависимости от императора, обладавшего большими прерогативами и в церковной сфере. Крестившиеся к тому времени предводители мадьяр приравнивались к придворным византийским сановникам. Нельзя было не учитывать и особенности византийской внешнеполитической доктрины, согласно которой, в частности, Среднее Подунавье продолжало рассматриваться как часть Византийской империи, наследницы Западно-Римской: правители этой территории считались лишь временно пользующимися ею по милости императора

Все это обусловило обращение правителя мадьяр к Риму, положившее начало так называемой западной эмиссии. Известно, что папа Иоанн XII в конце 962 или начале 963 г. уже направил к правителю мадьяр Такшоню миссийного епископа. Однако люди Оттона I схватили в Кануе членов этой миссии и изъяли послание папы. Ясно, что Такшонь, намереваясь принять новую религию от папы, минуя императора Византии, стремился сохранить независимость своей страны светских делах от Константинопольского двора.

Когда князя Тайшона погребли по языческому обряду, а трон унаследовал его сын Геза политическая ситуация в Центральной Европе резко изменилась. Обитавшие здесь народы, прежде всего венгры, оказались «зажатыми» между двумя сильными, стремящимися к экспансии империями христианского мира.

Пока от границ империй Венгрию отделяли буферные государства, давление, испытываемое Венгрией, было не столь сильным и прямым. Однако в 971 г. Византия аннексировала Болгарию, а на западной — баварско - венгерской — границе неспешно, но неумолимо шло немецкое наступление. Потенциальная опасность превратилась в реальную угрозу в 972 г., когда два императора заключили между собой союз, скрепив его династическими узами брака между сыном Оттона I и греческой принцессой. В этой критической ситуации венгров могло спасти только обращение в христианство.

Учитывая напряженные отношения, которые складывались в течение всего последнего десятилетия между Венгрией и Византией, и сравнительно нормальные контакты между Венгрией и «Священной Римской империей», вполне логичным представляется то, что Геза обратился именно к Отгону I. По распоряжению императора, бенедиктинский монах Бруно из Санкт - Галлена был посвящен в сан епископа и отправлен в Венгрию. Уже будучи крещеным, христианским князем, Геза послал в 973 г. своих представителей на ассамблею в Кведлинбурге с выражением дружеских чувств и намерений по отношению к императору. Следует, однако, отметить и то, что, в отличие от других новых династических правителей Европы (Харальд I Синезуб, король датский; чешский князь Болеслав II, а также польский государь Болеслав I Храбрый), посетивших ассамблею в качестве верных вассалов императора, Геза от поездки воздержался. Таким образом он заложил основы внешней политики Венгрии на протяжении всего средневекового периода.

Ее суть состояла в утверждении статуса Венгрии как равноправного члена христианского содружества народов, не

признающего никакой иноземной власти. Христианская же благочестивость самого Гезы вызывает очень серьезные сомнения. По словам Титмара, мерзебургского епископа, он, поклоняясь Господу, продолжал чтить и старых языческих богов. Когда его упрекнули за это, ответил так: «Я достаточно богат и силен, чтобы позволить себе подобное».

Активная деятельность западных миссионеров развернулась в правление Гезы. Условия их деятельности определялись процессом сосредоточения власти над всеми областями расселения мадьяр в руках Гезы. Он опирался при этом на собственное войско, состоявшее из трех частей: тяжело вооруженных рыцарей иностранного происхождения, венгерских конных воинов и легкой конницы примкнувших к мадьярам кочевых народов.

Начало деятельности первого западного миссионера во владениях Гезы непосредственно связано с осуществлением этим правителем мирной политики по отношению к западу. Обращение Гезы к императору Оттону I было обусловлено опасением оказаться во враждебном окружении в связи с заключением союза между Византией и Германской империей (женитьба сына Оттона I — Оттона II на византийской принцессе Феофании 14 апреля 972 г.). По всей вероятности, по просьбе Гезы Оттон I направил «в пределы мадьяр» епископа Бруно с рекомендательным письмом на имя пассауского епископа Пилигрима с просьбой содействовать «посольству» Бруно. Миссия началась, видимо, в октябре 972 г.

Деятельность Бруно из Санкт-Галлена с большей или меньшей степенью вероятности воссоздается на основе немногочисленных свидетельств. Можно считать установленным, что Бруно крестил «короля мадьяр» Гезу, принявшего имя Стефан (венг. Иштван) .

Определенную роль в насаждении христианства во владениях Гезы играл пассауский епископ Пилигрим, заинтересованный и распространении своей церковной власти па владения Гезы. В послании папе Бенедикту VI (973-974 гг.) Пилигрим приписал себе акцию «обращения» и ее результаты. Пилигрим составил также подложную грамоту от имени папы — его «ответ», утверждавший результаты деятельности миссионеров. Эти памятники, составленные в 973—974 гг., сохранились в списках XII в. Кроме того, Пилигрим изготовил восемь подложных папских булл с целью «исторически обосновать» правомерность своих претензии на высшую церковную власть над Восточной Паннонией — «Аварией» и «Моравией».

Пилигрим сообщал, что были крещены «около пятидесяти тысяч из более благородных мадьяр обоего пола». К миссионерам для крещения вели своих детей христиане, «большая часть которых — это пленники, приведенные со всех частей света». Эти сведения можно признать достоверными и отнести их к деятельности Бруно Санкт-Галленского.

Известно, что князь Геза применял силу по отношению к своим людям, по, поскольку он верил в Христа, он был милостив и щедр по отношению к иностранцам, особенно — к христианам. Кроме того, он распорядился, чтобы другие христиане, которые хотели прийти в его королевство, пользовались бы гостеприимством и безопасностью. Он дал возможность священникам и монахам приходить к нему, с удовольствием выслушивал их, находя радость в том, что дают всходы семена истинной веры, посеянные в саду сердца. Это — одна из сторон деятельности Гезы. Однако очень много забот вызывало у него подавление восставших, искоренение святотатства обрядов, основание епископий согласно его вере и на благо святой церкви

Репутацию правителя, проявлявшего жестокость при обращении подданных в христианство, Геза имел и у зарубежных современников. Об этом можно судить по записе в хронике епископа мерзбургского Титмара: Геза был «чрезвычайно жесток; он убил многих в своей неожиданной ярости. Став христианином, ради укрепления этой веры он свирепствовал против отказывавшихся [стать христианами] подданных...». Все эти свидетельства не оставляют сомнений в том, что Гезу мало интересовала сущность самого христианского учения и осуществляемая им с помощью силы христианизация рассматривалась Гезой прежде; всего как средство утверждения своей власти в социальной и политической сферах.

Распространение веры Христовой на данном этапе затрагивало прежде всего (если не исключительно) высшие слои населения владений Гезы. Можно уточнить и ареал деятельности первых западных миссионеров. Владения великого князя Гезы не охватывали всю территорию будущего раннефеодального королевства Венгрии. В основном власть Гезы распространялась на центральную часть Задунавья и отдельные районы Затисья (соляные копи)

Своим богатством Геза был обязан разного рода сборам, налогам, податям и повинностям, которые собирались по всей стране значительно более успешно, чем во времена правления его предшественников. Он сумел добиться этого безжалостным подавлением своенравных племенных вождей, а также всех остальных глав родов и кланов, которые не желали признавать его верховенство. Первый христианский правитель Венгрии, наделенный чрезвычайной политической проницательностью, все-таки оставался грубым полуварваром, очень жестоким человеком, убившим многих людей в приступах внезапного гнева. Подробности его борьбы за установление

сильной централизованной власти в стране малоизвестны. Тем не менее, к концу его правления власть князя простиралась практически на всю страну.

Военные успехи Гезы объясняются рядом факторов. Он укрепил свои крепости и поместья, привлек на службу много рядовых воинов, которые ушли из племенных ополчений, как только закончилась эра грабительских набегов.

Своими успехами король Иштван, сын Гезы, затмил заслуги отца, хотя в значительной мере лишь завершил начатое им дело. И Макиавелли, и Руссо считали, что самое трудное в работе правителя-реформатора — это уничтожение старого, а не создание нового общественного порядка. Геза не только превосходно справился с первой задачей, но и построил полуварварское государство, в котором большая часть экономических ресурсов и военный потенциал уже были централизованы и сконцентрированы в руках правителя.

Однако это было еще непрочное государственное образование, удерживаемое от распада исключительно сильной рукой, по локоть обгащенной кровью, строившееся на не зависящих от личности монарха институтах светской и церковной власти и кодексе права (что только и могло сцементировать новый порядок), находившихся еще в зачаточном состоянии. Кроме того, принятие западной модели общественного устройства подразумевало замену крещеного князя коронованным королем, ибо только коронация (деяние столь же сакральное, как и посвящение в сан) символизировала бы окончательное приобщение страны к государствам христианской Европы и гарантировала бы, что ее государь будет принят на равных монархами Запада.

Его приемник был человеком иного склада, что позволило ему стать святым угодником Христовым и подлинным просветителем своего народа. Сын Гезы, рожденный около 975 г. под именем Вайк и получивший при крещении в новой княжеской столице Эстергоме имя Иштван, был коронован и принял знаки королевской власти из рук легата римского папы Сильвестра II.

Фактически это означало, что король Венгрии не должен признавать над собой ничьей земной власти, конкретно — власти германского императора, поскольку он сам обладал самым высоким титулом светских правителей западного мира. Символическое значение факта возложения короны руками римского папы, а не светского правителя всегда очень высоко оценивалось в Венгрии. Это возвышало венгерских королей в их собственных глазах, как и во мнении потомков. Однако если посмотреть на это под несколько иным углом зрения, то едва ли случайной представляется почти одновременная коронация монархов Венгрии и Польши. Соответственно обе коронации получили их благословение.

Королю Иштвану был дарован титул апостола с властью в руках 10 епархий, а также право свободного распространения веры и автономное управление церковью в Венгрии (это обстоятельство позволило стране сохранить реальную независимость от папы, в то время, как Чехия и Польша не смогли этого добиться). После коронации Иштван с помощью латинских и греческих священников начал осуществлять христианизацию всей страны, обращая венгров в новую религию. С помощью христианизации Иштван окончательно интегрировал Венгрию в круг цивилизованных народов и завоевал себе право считаться после смерти в 1038 её святым покровителем, за что и был канонизирован.

Централизацию Венгрии Иштван I проводил по образцу франкской империи Каролингов. Иштван ликвидировал племенное деление страны, создав территориально-административные округа — королевские комитаты (или жупы), во главе которых стояли ишпаны. Созданный придворный совет получал совещательные функции. Первый король также провёл весьма успешные финансово-экономические реформы: было отменено рабовладение, распространённое у венгров на ранних периодах истории, устанавливался фиксированный налог в форме десятины, при этом духовенство, князья, ишпаны и военачальники освобождались от выплат, была начата чеканка монет.

До 1028 Иштван I подчинил венгерскому влиянию весь Карпатский регион, закрепив присоединение новых территорий соответствующими договорами с русским Великим князем Киевским Ярославом Мудрым и королем Польши Болеславом Храбрым. Призванные феодалами немецкие рыцари короля Конрада II, опираясь на протестовавших против реформ Иштвана I язычников, в 1030 выступили против венгерского короля, но их вторжение было отражено лояльной Иштвану армией.

Помимо сложностей в международных отношениях, Иштвану, чтобы получить корону, необходимо было отстоять свое право на власть внутри страны. Стремясь унаследовать престол отца, он, по сути, был вынужден пойти на коренные преобразования в самой системе наследования, что на много столетий вперед предопределило ход развития венгерской истории.

Государь Иштван создал коллегиальный орган управления-королевский совет. Его существование нисколько не противоречило принципу единовластия, не ограничивало prerogative короля.

Напротив, разумный монарх с готовностью обращался к совету, прося его рекомендаций и, следовательно, получая согласие самых влиятельных граждан общества по любому сложному и важному вопросу. Именно благодаря сотрудничеству с советом монарх смог на первом этапе своего правления издать две книги законов, которые касались в основном сферы церковной жизни и отношений собственности. Они обеспечивали исполнение христианской обрядовости и функционирование церковной системы в целом (включая указ о десятине); в них осуждались насилие и клятвопреступление; уточнялись все права и нормы (включая понятие личной земельной собственности и юридической зависимости крестьян от помещиков); защищались права вдов и сирот; содержались требования о наказании ведьм и колдунов.

Законодательная деятельность Иштвана явилась громадным шагом вперед по сравнению с практикой кровной мести и улаживания конфликтов путем переговоров, как это было при родоплеменном строе. Более того, она стала первой попыткой «новых варварских» народов Центральной и Северной Европы создать систему правосудия.

Наказания были суровыми, но в целом не более жестокими, чем во всех кодексах того времени, и, по всей видимости, применялись с высокой степенью эффективности. В результате Венгрия, хотя она и отставала от Запада по уровню материального благосостояния и экономического развития, равно как и по социальной стратификации и организации (здесь политические решения и деятельность одного поколения никоим образом не могли уменьшить колоссального отставания, которое накапливалось в течение столетий), в области

законодательства оказалась вполне на уровне самых развитых стран Западной Европы, к окраинам которой она и примкнула.

В Западной Европе к этому времени уже утвердился принцип первородства, который заменил принцип старшинства, в соответствии с которым наследником оказывался не старший сын усопшего, а старший мужчина рода.

Сразу после коронации, ведя войны за объединение страны, Иштван параллельно начал создавать государственные структуры, необходимые для установления христианской монархии в Венгрии. В подготовке Иштвана к роли правителя основное значение имело его христианское воспитание, которое приучило его к самодисциплине, к умению повелевать и подчиняться, в отличие от отца, который не умел управлять своими страстями.

Решительность, смягченная набожностью, превращала Иштвана в истинного воина во славу Христа. Причем этим значение христианства для Венгрии не ограничивалось. Для правителя переходного периода, стремящегося создать общество, в котором уважают собственность и ценят безопасность, христианство не было исключительно метафизической доктриной или абстрактным кодексом верований.

Десять заповедей отрицали деспотизм и произвол, запрещали воровство и убийство решительнее, чем все обычаи времен кочевничества. Законы государя Иштвана защищали частную собственность как результат личного трудолюбия, в то же самое время упрощая и проясняя принципы наследования путем регулирования отношений между людьми. И, наконец, они побуждали людей смирять гордыню, уважать общество, подчиняться королям, их власти. Согласно взглядам того времени, король по статусу, подобно

своему великому предшественнику — императору франков, не имел над собой никакой земной власти и был ответствен только перед Господом.

Не в малой степени распространению христианства способствовало и появление в стране монахов, сопровождавших известных миссионеров (св. Адальберт Пражский и его соратник Радла; аббат Астрик, предположительно доставивший Иштвану корону из Рима; Бруно Кверфуртский, проповедовавший среди «черных мадьяр» во владениях Айтоня), которые были не только учителями новой веры, но также и знатоками важных «миссионерских технологий».

Орден бенедиктинцев, реформированный в X в. по рекомендациям, разработанным во французском монастыре Клуни, стал очень влиятельной в Европе того времени организацией. Он предотвращал и останавливал частые войны и конфликты проповедью Слова Божьего, став одновременно своего рода лабораторией, в которой создавалось сельское хозяйство нового типа.

Монашеский завет жить «в молитвах и трудах» (*ora et labora*) превратил монастыри в настоящие агротехнические хозяйства со строгой исполнительской дисциплиной и высокой степенью разделения труда. Благодаря этому мужские и женские монастыри (вне зависимости от того, насколько они прониклись «духом Клуни») стали образцами западного образа жизни для населения только что обращенных земель, являясь в то же самое время и центрами создания письменной культуры. Не оставляя забот о душах своих прихожан, священники не считали ниже своего достоинства оказывать им и чисто светские бытовые услуги. Они, например, учили крестьян приемам обработки земли с помощью современных орудий труда и

помогали им составлять различные грамоты и документы для нотариусов или для королевской канцелярии.

Чанадский епископ Геллерт (о котором мы расскажем чуть позже) умерший мученической смертью и впоследствии канонизированный, стал первым известным церковным писателем Венгрии. Да и сам Иштван не брезговал сочинительством, адресовав свои «Наставления» сыну — герцогу Имре. Латынь как язык письменности начала впитывать в себя различные элементы устной культуры, местного народного языка, хотя первое из сохранившихся произведений, написанных по-венгерски (погребальный плач), датируется не ранее 1200 г. Таким образом, задача, стоявшая перед воителем Христа, определялась цивилизаторской и просветительской работой в самом широком смысле слова.

И Иштван решительно взялся за ее решение, сразу после коронации написав письмо римскому папе, в котором обосновывал необходимость создания в Эстергоме архиепископства и смиренно просил содействия в этом. Архиепископ эстергомский и стал затем главой независимой венгерской клерикальной организации, куда входили также архиепископство в Калоче и восемь епископатов, каждый из которых к концу XI в. имел собственный кафедральный собор и собрание каноников. Особую известность приобрел собор в Буде, избранном Иштваном в качестве личной резиденции и ставшем городом традиционной коронации венгерских королей. Важная роль собора определялась и тем обстоятельством, что в Средние века там хранилась корона Венгерского королевства.

Создав высшие органы церковной власти, Иштван тщательно следил за тем, чтобы церковь не жила своей обособленной от общества жизнью. С этой целью благочестивый король пригласил в

свою страну владыку Геллерта, ставшего подлинным апостолом венгров.

Святой Геллерт родился в Венеции в знатной семье, представитель которой в 1026—1032 гг. был дожем. На протяжении пяти лет учился в монастырской школе, принял постриг в бенедиктинском монастыре св. Георгия в родном городе, после чего был направлен для продолжения обучения в Болонью. Закончив образование, он вернулся в Венецию и в 1012 г. стал приором родного монастыря.

В 1015 г. благочестивый инок решил совершить паломничество в Святую землю, однако добраться до неё ему было не суждено: корабль, на котором он плыл, попал в бурю и причалил на острове святого Андрея Первозванного. По пути он познакомился со священником из Венгрии, который убедил его остаться на время в его стране, встретиться с королём Иштваном I и продолжить свой путь в Иерусалим через Константинополь. Однако оказалось, что Геллерту было суждено провести здесь всю оставшуюся жизнь и посвятить её делу утверждения христианства в Венгрии.

В 1020 г. Иштван I пригласил Геллерта быть наставником для его сына Имре (Эмерика), позднее также ставшим святым. В 1023 г. Геллерт удалился в бенедиктинский монастырь, где провел около 7 лет. В 1030 г. Государь поставил владыку епископом новых земель на юге страны, отвоеванных у языческих вождей. В дальнейшем иерарх усердно трудился над распространением христианской веры в этих землях, а также и по всей стране.

В 1038 г. умер благоверный и благочестивый король, распространявший веру истинную среди своих поданных, и язычники, воспользовавшись этим, начали преследовать христиан.

Как свидетельствует одна из древних хроник некий венгерский аристократ, по имени «Вата из замка Белуш первый среди венгров посвятил себя демонам, постриг голову и отпустил кудри на три стороны согласно обычаю язычников... Тогда из-за гнусных и нечестивых внушений Ваты все племена посвятили себя служению злым духам, начали есть конское мясо и вообще вершить тягчайшие прегрешения. Они убивали как клириков, так и мирян, придерживавшихся Христовой веры, и разрушили очень много церквей Божьих. Затем, бунтуя против короля, они предали позорной смерти всех немцев и латинян, которые, поставленные на разные должности, были рассеяны по Венгрии».

У пристани в Пеште «нечестивцы, а именно Вата и его сторонники, исполненные злых духов, которым они себя посвятили, напали на епископов, окружили всех их и забросали камнями». Епископ Геллерт был схвачен и казнён (брошен с горы, которая сейчас находится в черте Будапешта и названа в его честь горой Геллерта)⁵.

В тот год «множество клириков и светских испытало в тот день мученичество за веру Христову, что их число известно только Богу и ангелам». После коронации премник святого Иштвана, король Эндре «приказал всем своим соплеменникам под угрозой смертного приговора, чтобы, оставив язычество, прежде им разрешенное, они вернулись к истинной вере Христовой и во всем жили, согласно закону, которому их научил король Иштван Святой...».

Венгерское королевство, благодаря подвижнической деятельности святых государя Иштвана и священномученика Геллерта, а также и других благовестников, не только стало

⁵ Память св. Геллерта — 24 сентября.

неотъемлемой частью христианской Европы, но и превратилось в наиболее уважаемое и, возможно, самое могучее из новых государств, образованных во второй половине XI века.

FOR AUTHOR USE ONLY

Заключение. Уроки миссионеров

Человек занимается историей не меньше, чем она им, особенно если это история Церкви. Обращаясь к раннему христианству мы не просто удовлетворяем любопытство, но пытаемся осознать своё собственное религиозное положение и значение Церкви, к которой принадлежим. Интерес, появившийся на Западе к «кельтскому христианству», совершенно неслучаен. Для многих людей Церковь давно превратилась в социальный институт и потеряла свой живой голос.

Её служение ограничивается благотворительными проектами, а проповедь малоинтересна. Обращение к раннему христианству вполне логично, ведь ищется не альтернативная, но истинная духовность. Кельтская церковь, какой она была обнаружена значительно более поздними миссиями, распространялась в Шотландии (и среди пиктов, и среди ирландских шотландцев), Уэльсе, Корнуэлле, на западе Англии, Нортумбрии, на о. Мэн и Ирландии. Её можно считать одной из самых древних и созидательных христианских церквей, существовавших с IV по XII в., и не как административное, но как исключительно духовное объединение. Она ближе к православию, чем к Риму, и в этом заключается причина нашего интереса. Её святые известны всему миру, они могут почитаться в России как святые неразделенной Церкви.

Вселенское Православие не знает границ во времени и пространстве, и святые древней православной Испании, Британии, Ирландии, Германии, Скандинавии, Польши и Венгрии, или Галлии – это и наши святые, которые готовы помогать нам сегодня, если душа

наша отзывается на подвиг их жизни, отданной Христу, памятью, любовью и молитвой.

В заключении нашего разговора о благовестниках, отметим, что в при каждом из повествований вставал вполне резонный вопросы. Как удавалось миссионерам прошлого обращать в христианство целые народы? Во-первых, они были людьми великой веры, людьми, которые отдавали себя без остатка делу, которые за свою любовь к Христу шли в изгнание, которые готовы были принять мученический венец.

Однако они не только с готовностью шли на смерть, они отказывались убивать, оставляя правосудие в руках Божьих, что ярко демонстрируют примеры св. Виллиброрда и св. Бонифация. Это не означает, что в процессе обращения не имело места принуждение – франкское государство не стеснялось использовать меч. Однако, миссионеры для себя такой способ отрицали, поскольку человек Бога не должен быть человеком меча. Принуждение порождает только лишь формальное «обращение», оно не может изменить сердца. Это могут сделать только личный пример и Благодать.

Пример, который подавали миссионеры – это пример доброты, это помощь несчастным. Даже Юлиан Отступник нехотя выражал восхищение добротой и человеколюбием христиан, которые они проявляли по отношению к угнетенным. Современное язычество как религия самореализации столь же бессердечно, как и древние культы. Доброта дает людям ключ к пониманию того, что Евангелие – это и в самом деле Благая Весть.

Одной из составляющих этой доброты был и строгий моральный кодекс, который предписывал не уклоняться от порицания даже королевских покровителей за их грехи.

Значительную роль играли и совершаемые святыми чудеса. Людей всегда привлекало могущество, и, согласно традиции, чудеса часто сопровождали деятельность новых миссий. К примеру, соревнования в силе св. Патрика с друидами, в которых он явил могущества Христа над «богами» друидов, сыграли решающую роль в евангелизации Ирландии.

С демонстрациями могущества тесно связана и христианизация всего хорошего, что было в дохристианской религии. Крещение в священных источниках не было изобретением святого Виллиброрда – в ранней церкви делалось то же самое. Строительство христианских храмов в бывших священных рощах и превращение языческих храмов в церкви было практикой, к которой еще раньше прибегали уже во многих местах.

Следует также помнить, что миссионеры были носителями более высокой культуры. В век скептицизма и релятивизма мы должны воплощать вечные истины. В век отсутствия целей мы должны демонстрировать надежду. В век декаданса в искусстве мы должны показывать, что значит на самом деле красота. В век половой распущенности и связанных с ней болезней души и тела мы должны показывать красоту, как девственной жизни, так и христианского брака. В обществе, где царит культ насилия, мы должны показать силу христианской любви.

Миссионеры являются для нас вдохновляющим примером, их характеры, их жизнь и их деятельность нужны нам для изучения и подражания. Дай нам, Боже, на это силы!

FOR AUTHOR USE ONLY

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.shop

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.shop

KS OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 197
LV-1039 Riga, Latvia
Telefax: +371 686 20455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIScriptum

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY